Из жизни полковника Дубровина

Федор Федорович Шахмагонов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Федор Федорович Шахмагонов
Из жизни полковника Дубровина

Анонс

С героем нового произведения Ф. Шахмагонова Никитой Алексеевичем Дубровиным читатель уже встречался на страницах повести "Хранить вечно", выпущенной издательством "Советская Россия" в 1974 году.

В книге рассказывается о деятельности Никиты Дубровина в годы войны его глазами из лагеря противника мы можем проследить за началом военных действий.

Во второй части повествуется о послевоенной службе полковника Дубровина в органах ссветской контрразведки.

В книге использован документальный материал.

Шахмагонов Ф.Ф.
Из жизни полковника Дубровина.
Худ.В.Борисов.
М., Советская Россия 1977 г.
256 с.

- Шахмагонов Федор Федорович
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Шахмагонов Федор Федорович
Из жизни полковника Дубровина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

"Майбах" долго петлял по горной дороге, взбираясь с каждым витком выше и выше. Тяжелые покрышки с грубым протектором проминали гравий, выбрасывая его под задние крылья.

Я очень внимательно следил за дорогой, пытаясь запомнить, куда меня везут, и проглядел резкий, почти под прямым углом, поворот в пролом каменной гряды. Дорога, прорубленная в скале, сузилась, двум автомашинам не разъехаться. Сверху ее прикрыли густые кроны каштанов. Въезд в туннель, увитый плющом, короткий туннель - и у меня на секунду создалось впечатление, что машина движется к обрыву в пропасть. Крутой, опять же почти под прямым углом, поворот - с одной стороны дороги, высокая каменная стена, скала, с другой-обрыв в пропасть, огражденный крупными валунами. Впередиажурный стальной мост через ущелье, и мы остановились у глухих железных ворот. Ворота медленно раздвинулись. По мере того как разъезжались их створки, ажурный мост поднимался и уходил в скалу. Дорогу назад рассекло глубокое ущелье.

"Майбах" медленно въехал в ворота, они тут же автоматически задвинулись. Ни души! Ни прислуги, ни стражи-горный замок охранялся автоматикой.

Машина остановилась возле подъезда. Можно было подумать, что судьба занесла меня в "Кащесво царство", где нет живых людей, а двери распахиваются по волшебству. Я сделал шаг вперед, двери поползли

в разные стороны, и я попал в просторный холл со сводчатым потолком. Ноги утонули в ворсистом ковре.

Стальные створки медленно сошлись за спиной, и тут же под потолком вспыхнула люстра.

Шагов я не услышал, как-то сразу увидел перед собой невысокого, сухонького старика. Его серые бесцветные глаза смотрели из-под густых бровей. Я узнал его - фотографии Рамфоринха часто публиковались в немецких журналах и газетах. Раздался скрипучий тенорок:

- Кто вы то откуда?

- Меня доставили... - начал я.

- Я знаю, как вас доставили! - перебил он .меня, я я ощутил по тону, что передо мной властный человек, подчиняющий своей воле.

- Документы вы мне прислали на имя Франца Клюге...

- О Франце Клюге-забыть! Он исчез и нигде не появится... Я

вам приготовил другие документы... Что вы мне скажете о моем сыне?

- Он жиз... Лечится от ожогов... Самолет сгорел...

- Ожоги опасна!? Я могу ему помочь?

- Опасность миновала...

- У вас есть что-нибудь от него?

- Это было бы неосторожно! Я с ним там не встречался... Перелет был совершен ночью, никто не видел меня в лицо...

- Вы в этом уверены?

- Уверен!

Барон указал мне рукой выход из холла в коридор под каменными сводами. Мы прошли коридор, опять автоматически раздвинулась дверь в стене, в глаза ударил яркий солнечный свет.

От пола до потолка-сплошное стекло. Вся стенастекло. За стеклом синее небо, перистые облака з вышине, внизу горные луга, еще ниже лес, а на дне долины серебристая лента реки.

В глубине огромный резной письменный стол, поставленный на мощные дерезянные медвежьи лапы.

Книжные шкафы того же стиля. На глухой стене во всю ее четырехметровую высоту-гобелен. По гобелену искусной рукой вышиты геральдические знаки, кабаньи головы, детали рыцарских доспехов. В центре поля, обнесенного геральдикой, парящий ящер, чудовище кз кошмарных сновидений.

Я невольно остановился перед гобеленом. Барон взял меня под руку.

- Мой далекий предок! Обитатель здешних гор...

Не каждый может гордиться геральдикой в сто миллионов лет... Останки этого вида найдены в моих владениях! Вы только приглядитесь, как он приспособлен для борьбы за жизнь! За господство над всеми земными тварями... Его царство длилось сто миллионов лет! Мы и тысячной доли не протянули...

Мы прошли к столу, барон указал мне на кресло, сам ушел за стол.

Некоторое время мы сидели молча, разглядывая довольно бесцеремонно друг друга. Наконец последовал вопрос:

- У вас есть необходимость сообщить о своем прибытии?

- Да!

- Каким образом вы собирались это сделать?

- Для этого мне надобно выехать в Берлин...

- Это долго и ненадежно. Я хочу, чтобы там, где мой сын, знали, что я сдержал слово! Рация вас усгроит?..

- Нужна мощная рация. У меня се нет.

- Я вам предоставлю свою рацию, если текст будет зашифрован.

Вот и началось! Время передачи не ограничивалось Центром, волна определена, но это лишь на первое сообщение. Текст-это шифр. Неужели барон добирался до шифра? Безнадежная попытка. Шифровался не прямой текст, а заранее обусловленный. Я записал цифрами нужный мне текст, сообщил, что благополучно прибыл к барону, встречен им. что разработанный маршрут нигде не нарушен. Барон взял листок, пробежал его глазами, снял телефонную трубку с одного из аппаратов на столе и продиктовал кому-то цифры, волну и время передачи. Мне оставалось надеяться, что приказ его будет выполнен беспрекословно.

Он дал мне листок с моей "легендой", с моей биографией и объяснениями моего появления в его резиденции:

приехал по его вызову из Бразилии работник одной из его фирм, немец, уроженец тех мест... Соответствующие документы были снабжены всеми необходимыми подписями и печатями. Я получил даже проездные леты.

...Через несколько дней снова приехал хозяин замка, и мы опять встретились с ним в кабинете.

- Я стер все ваши следы! - заявил он.

Позже он назвал мне сумму, которую обозначил на чеке, переданном службе безопасности за то, чтобы никто не искал Франца Клюге.

- Я прошу вас осознать, - подчеркнул о:т. - Я стер псе следы, все остальное зависит ог вашего благоразумия...

В центре тщательно готовили меня к миссии около Рамфоринха. Создал ситуацию, при которой она стала возможной, польский офицер Владислав Павлович Курбатов. Судьба его была необыкновенной. Он родился в России, отец его был царским генералом. Мать - полька, из польского аристократического рода Радзивиллов. Владислав Курбатов, тогда подпоручик, принял участие в белогвардейском заговоре. Заговорщиков арестовали, Дзержинский говорил с Курбатовым, и Курбатов попросил дать ему возможность служить революции. Гражданская война и сложные переплетения борьбы с колчаковской контрразведкой забросили его в Польшу, связь с чекистами оборвалась, на Родину он не вернулся, остался в Польше. Когда пришел к власти Гитлер, Курбатов обнаружил, что один из крупных промышленников, барон фон Рамфоринх, попал в затруднительное положение. Его сын, летчик, был сбит республиканскими самолетами и оказался в плену. Рамфоринх искал возможности вернуть сына.

Вот тут и родилась идея в Центре приставить к Рамфоринху своего человека. В одном из донесений Курбатова приводились

слова Рамфоринха. Рамфоринх говорил Курбатову: "Для меня вообще неважно, кого вы пришлете. Я просил бы прислать умного человека. С умным легче! Мне безразлично, чьи интересы будет соблюдать этот человек. Мне безразлично, кого он будет представлять".

Рамфоринх заявил Курбатову, что сын ему дороже Гитлера и Германии, что Германия для него давно стала абстракцией, что он император собственного финансового королевства, а сын его наследник в этом королевстве, что ради сына он готов на все...

Меня встретили, доставили в горный замок, скорее даже в убежище от вероятных в далеком будущем воздушных налетов. Рамфоринх любезен, сдержан, краток.

- Когда я увижу своего сына? - спросил он меня.

Ответ на этот вопрос давно был продуман и готов.

- Ваш сын в полной безопасности... Его безопасность гарантируется моей безопасностью...

- Где он?

- Вас интересует территория?

- Нет! У кого?

- У моих надежных друзей!

- Логично! - одобрил барон. - Вы не желаете открывать, кто вас послал?

Я всячески откладывал прямой ответ.

- Я в растерянности! - ответил я ему. - Разве наш человек ничего не разъяснил?

Но с Рамфоринхом такие уловки были бесполезны.

- Я заявил известному вам офицеру, что мне безразлично, кто вы, чьи интересы представляете... Но мне надо знать все детали, чтобы отвести от вас опасность!

Вы мне безразличны, я забочусь о сыне!

После паузы короткий вопрос:

- Москва?

Таиться дальше не имело смысла.

- Москва!

- Я был в этом уверен! Что же интересует Москву в Германии?

- Москву интересует, - ответил я, - собирается ли Германия напасть на Советский Союз? И если собирается, то когда?

Рамфоринх улыбался одними губами, глаза оставались холодны и непроницаемы.

- У меня к вам просьба. Когда вы получите ответ на этот вопрос, окажите любезность-поделитесь со мной. Я много знаю, но вот сейчас, сегодня, я не знаю огвста на этот вопрос...

- Всему миру известны заявления Гитлера...

Рамфоринх перебил меня:

- Политический лозунг для консолидации сил, и только! Гитлер-вождь, ему нужны краткие и заманчивые лозунги!

- Если Германия готовит поход на Советский Союз...

- Стоп! Не говорите Советский Союз! У вас отлич

ное произношение, никто не догадается, что вы русский... Этими двумя словами вы посеете сомнения... Немец не скажет Советский Союз, он скажет-Россия...

- Если Германия готовит поход на Россию, в Москве хотели бы знать, какими силами...

- Специалисты могут рассчитать, не выезжая из Москвы, сколько Германия может выставить танков п самолетов. Численность населения Германии известна, отсюда и ее мобилизационные возможности...

- Москву не может не интересовать и срок вторжения...

Рамфоринх опять перебил меня:

- Двадцатый век-век массовых армий... Массовые армии невозможно отмобилизовать и передвинуть, чтобы об этом не стало тут же известно. Дорожная сеть в Германии совершеннее, чем в России... Даже если вы будете знать о начале общей мобилизации в первый же день, мы все равно вас опережаем в готовности к сражениям но крайней мере на месяц... Дипломатический корпус узнает о начале мобилизации в первые часы... Все тут же становится известным всему миру...

Не вступать же мне в спор с немецким промышленником о значении разведки. Я ушел в глухую защиту.

- Я всего лишь солдат, господин барон! Я обязан подчиниться приказу...

- Я тоже когда-то был солдатом, пока не стал императором... Вопрос войны и мира с Россией не зависит ни от меня, ни от вас. Ни от Гитлера, ни от Сталина! Ход истории сложнее... Мы можем лишь удачно или менее удачно примениться к ее ходу! Что вы предпочитаете? Жизнь в этой резиденции, горный воздух, прекрасный ландшафт, для развлечения охоту или...

Я имел указание Центра попросить Рамфоринха рекомендовать меня на службу в какую-либо частную фирму. Я высказал это пожелание.

- Я полагаю, что в моем концерне вы будете неукоснительно соблюдать мои интересы... Вы можете стать образцовым служащим.

В коммерческие дела концерна, в котором Рамфоринх был одним из главных директоров, войти было не так-то просто. Это была настоящая империя с метрополией и колониальными владениями. В метрополии сосредоточивался се мозговой центр и основные промышленные мощности. Ее колонии раскинулись по

всему миру. Как и всякая империя, она имела и свою историю и свое философское кредо.

Начала она собираться в 1904 году. В единую фирму воссоединились три химических завода. Действуя совместными усилиями и оперируя свободным капиталом, они поглотили своих мелких конкурентов, и в 1916 году фирма преобразовалась в картель. Разруха, инфляция, поражение, Версальский диктат... Рухнул государственный строй. Прокатилась по стране волна революции...

Но картель к тому времени успел перешагнуть национальные границы. Падала марка, поднимался доллар.

Из одного сосуда золото переливалось в другой. Картель базировался не только на марках и на долларах, но и на фунтах стерлингов и ца франках. Национальные фирмы разорялись и вливались в картель, отдаваясь целиком на милость сильнейшего. В ареопаг сильнейших в эти годы вошел и Рамфоринх.

Когда я прикоснулся к делам концерна, он контролировал в Германии 177 заводов и около 200 заводов в других странах. Для того чтобы войти в курс дела, мне пришлось изучить свыше двух тысяч договоров и соглашений концерна с различными фирмами мира. Экспансия с черного хода. Француз, швейцарец, англичанин, швед, датчанин и даже житель США мог любоваться, как в его родном краю воздвигался новый химический завод, мог работать на нем, не предполагая, что строился этот завод на деньги концерна, раскинувшего свои шупальца из Берлина, не подозревая, что над ним распластались перепончатые крылья доисторического ящера, с острыми, в наклон зубами, приспособленными естественным отбором к захвату.

Я купил обычную школьную карту мира и отметил на карте черным карандашом заводы, впрямую или косвенно через подставных лиц, принадлежащие концерну или контролируемые его капиталом. Зловещим шлейфом рассыпалось черное просо по всему миру, испятнав юг Франции, нагорные области Пиренейского полуострова, спустилось по побережью Италии и оттуда перекинулось на Ближний Восток, прочертило Ирак, Иран и замелькало на Больших и Малых Зондских островах, зацепилось за Филиппины и шагнуло через Тихий океан в Бразилию, Аргентину, Мексику-в подбрюшье Америки.

Из донесения в Центр:

"Прослеживается огромное влияние концерна на расстановку политических сил во Франции и б Англии. Несомненно влияние и на позиции финансовых кругов Америки. Оборотный капитал концерна, составляет 11 миллиардов марок. Рост доходов в свободное обращение: 1932 год-48 млн. марок, 1937 год-231 млн..

марок. 1939 год - 363 млн. чарок".

Из инструкции для статистического отдела концерна:

"Всякий запрос и приказ военных офицеров, прикомандированных к статистическому отделу, выполняется неукоснительно. По их требованию готовить доклады и карты о промышленности и сельском хозяйстве за границей; готовить доклады о производственных мощностях всех государств и о сырьевых ресурсах, составлять экономические прогнозы по иностранным государствам, пользуясь всеми архивами фирмы, в том числе и секретными".

Полковник Пикенброк из военной контрразведки в связи с уходом из фирмы на другую должность написал благодарственное письмо руководителю сбытовой организации концерна:

"Я хотел бы сообщить вам, что покидаю свои пост и вскоре уезжаю из Берлина. Я особенно хочу вас поблагодарить за ваше ценное сотрудничество с моим учреждением. Я полагаю, что сотрудничество с моим преемником окажется еще более благотворным".

Инструкции главе фирмы, представляющей интересы концерна в США:

"Страна наводнена антинемецкими книгами. Проповедуется ненависть к национал-социалистическому движению. Очень желательно, чтобы в этом потоке информации была представлена и немецкая сторона, чтобы мы могли защищать на Американском континенте идею Великой Германии".

Из меморандума, определяющего задачи фирмы в США:

"Фирма обязана совершать по заданию совета директоров посещения, осмотры, обследования и оценки технического, финансового, экономического и промышленного порядка, касающегося любой существующей или планируемой отрасли промышленности, и представлять подробный доклад.

Знакомиться по заданию совета с американскими патентами, изобретениями с научной, технической, коммерческой и практической точек зрения.

Если интересы совета того потребуют, выполнять такие же задания в Канаде".

Гитлер произносил воинственные речи... Но он мог их не произносить, мог переменить партитуру и твердигь каждый день о стремлении к миру. Деятельность концерна более верно говорила о том, что подлинные хозяева Германии неуклонно ведут страну к захватнической войне, к покорению мира. Концерн Рамфоринха один из нескольких...

Концерн по прямому поручению правительства через

"Стандарт ойл" закупает на сумму в 20 млн. долларов авиабензин. Эмиль Кирдорф-глава Рейпско-Вестфальского угольного синдиката-отчислял в фонд Гитлера по 5 пфеннингов с каждой тонны проданного угля. Ниже трехсот миллионов тонн добыча угля не снижалась даже в кризисные годы. Директор концерна Круппа и владелец крупнейшего киноконцерна "Уфа" Альфред Гутенберг отчислял Гитлеру по 2 млн. марок в год ежегодно.

Еще более щедрым был стальной концерн. Однако первым в списке должен стоять Густав Крупп фон Болен, президент Имперского объединении германской индустрии.

Гитлер произносил речи, позировал перед кинокамерами, вопил на партийных съездах в Нюрнберге, с ним вели переговоры премьеры. О Круппе упоминалось в газетах лишь изредка. Прохожие на улицах приветствовали друг друга возгласом "Хайль Гитлер". Это сделалось почти восклицанием "Добрый день", но справедливее было бы вместо "Хайль Гитлер" восклицать "Хайль Крупп".

Непопулярен! Массы не приняли бы Круппа, его имя олицетворяло сталь, пушки и войну, он - империалист.

Предпочтительно было выставить на политическую арену его главного дворецкого.

Там, в Москве, когда я занимался новейшей историей Германии, для меня было аксиомой, что Гитлер поставлен у власти, чтобы организовать крестовый поход против Советского Союза, что острие его агрессии нацелено нам в грудь. И в Центре, когда я получал инструкции, рассматривали проблему лишь в одном аспекте: Гитлер начнет войну против Советского Союза. Вопрос когда и какими силами. Подготовка к войне проступала изо всех операций концерна. Вкладывались, скажем, огромные средства в производство синтетического бензина.

Оно могло окупиться лишь войной... "Дранг нах Остен"

гремело с каждого перекрестка.

Но вот странность!

Из донесения в Центр:

"Концерн Рамфоринха связал себя рядом картельних соглашений с французской сталелитейной промышленностью. Эти соглашения обязывали французскую сторону держать выплавку стали в определенных минимальных пределах.

1926 год. Выплавка стали во Франции равна выплавке стали в Германии.

1938 год. Выплавка стали во Франции по картельным соглашениям снизилась и составила лишь 40% от выплавки стали в Германии".

Эти цифры, открывающие зависимость выплавки стали во

Франции от картельных соглашений, не лежали на поверхности, до них мне удалось добраться, сличив лишь множество документов.

Рамфоринх обезоруживал Францию. Зачем? На этот вопрос должны были ответить в Центре, где прорисовывалась общая картина соотношения французской промышленности и немецкой. Моя информация, я это прекрасно понимал, была всего лишь штришком.

Карту мира, осыпанную просом черных пометок, я держал у себя недолго. Я ее сжег, но легко мог восстановить в воображении. Если соединить все черные точки линиями, то явственно проступало, что стрелы Рамфоринха нацелены на весь мир. Но весь мир захватить острыми, изогнутыми зубами не по силам и палеозойскому ящеру.

Рамфоринх любил дразнить меня неожиданной откровенностью, как бы бравируя независимостью своей империи от политических катаклизмов в Европе. Его откровенность в ином случае нельзя было сразу объяснить, только время спустя становились ясны мотивы, по которым он считал нужным что-то приоткрыть из глобальных замыслов его коллег или нацистских правителей.

Строго говоря, откровенность эта была условной. Он грубовато обнажал то, что явствовало из общей политики Германии в Европе, из внутренних ее переустройств, предпринимаемых гитлеровским правительством.

Он был вдов, сына давно не видел. Иногда мне казалось, что Рамфоринх от скуки затевал со мной дискуссии. Но это .не совсем так. Причины его интереса к моей личности вскоре выявились вполне определенно.

В его манере было ошеломить парадоксом. Быть может, он рассчитывал, что я растеряюсь. Я всегда шел ему навстречу, притворяясь и удивленным и ошеломленным. У Рамфоринха установилось убеждение в его превосходстве надо всеми. Мое удивление ему льстило, вызывало на большую откровенность.

События придвигались к воине. Позади были аншлюсе Австрии, захват Чехословакии, царил дух Мюнхена.

Германия вооружалась, солдаты маршировали по улицам Берлина. Гремели военные марши на всех площадях. Весна 1939 года... В Германии, казалось бы, всем было ясно, куда последует новый удар. В воздухе носились возможности сговора с Польшей и Румынией о совместном походе против Советского Союза.

Как-то в споре он сказал:

- Выплавлены миллионы тонн стали, изготовлены тысячи орудийных стволов и танков, снаряды, созданы запасы в

миллионы тонн тринитротолуола...

Я поспешил подсказать:

- На ваших заводах изготовлены цистерны боевого газа...

- И газа! - подтвердил Рамфоринх. - Все это должно быть реализовано... Таков закон рынка! Этого закона, по-моему, не отрицает и основоположник вашего экономического учения Маркс...

- А что будет, если Германия проиграет войну большевикам?

- Я войны не проиграю... Для себя я ее выиграю при всех условиях...

- Мне не очень понятен ваш оптимизм, если советские войска войдут на территорию Германии...

- Войны с Россией один на один не будет! Или всепротив России, пли все-против Германии... Если всепротив России, я не вижу оптимистического исхода для большевизма... Если все против Германии, то союзники России не отдадут Германию Советам... Я не об этом!

Чтобы не проиграть войны, я должен заранее знать, чем может закончиться вторжение немецких войск в Россию... Наши военные специалисты не могут ответить на этот вопрос убедительно...

- Вы хотели бы, чтобы я вам ответил на этот вопрос?

- Попробуйте! - В голосе Рамфоринха послышалась ирония.

- Отвечу! Вашими расчетами... Население, просторы, сырьевая база, промышленный потенциал...

- Все верно... Потому-то я и не увереи, что поход в Россию окончится успехом... Сегодня, конечно! На за времена не ответишь! Я читал запись секретной беседы американского посла в Лондоне господина Кеннеди с нашим послом Днрксеном. Они дружественно беседовали в прошлом году. Господин Кеннеди объявил, что Германия должна иметь свободу рук на Востоке, а также и на Юго-Востоке... Британский министр высказался определеннее: свобода действий в России и в Китае...

- Видите, господин барон, как все просто! Это же намек, что вас все поддержат! Что же вам мешает рассчитать войну с Россией?

- Когда думаешь о войне с Россией, кажется, что открываешь дверь в темную комнату, в темный коридор, не видно ни его сводов, ни закрытых дверей во множество комнат... Надо пройти этот коридор, не зажигая света, ожидая, что откроется любая неугаданная в темноте дверь, и тебя схватят незримые руки...

- Это образно, господин барон!

Рамфоринх молча встал из-за стола, прошел к сейфу и извлек оттуда папку. Бегло взглянул на ее содержимое и вернулся к

столу.

Протянул мне папку. Тексты машинописных документов на немецком языке.

Ни на одном документе нет грифа секретности. Но я знал, что у Рамфоринха не злоупотребляют этой сакраментальной надписью. Секреты умели хранить в концерне, не упоминая об этом на каждому шагу. Возможно, и не каждый из этих документов был в действительности секретным. Но одно несомненно - добраться к ним было бы нелегко без его помощи. Они подбирались для Рамфоринха не только в Берлине, но и в Париже, и в Варшаве, и в Лондоне людьми, имеющими соприкосновение с государственными тайнами. Это была папка как бы для размышлений главе концерна, для ориентации в усложненной расстановке сил в Европе.

Каждый документ пронумерован.

Из папки Рамсроркиха:

Документ № 1.

28 января 1939 года. 12-й отдел Генерального штаба N 267/39. Сводка.

Русские вооруженные силы военного времени в численном отношении представляют собой гигантский военный инструмент. Боевые средства в целом являются современными. Оперативные принципы ясны и определенны. Богатые источники страны и глубина, оперативного пространства - хорошие союзники Красной Армии.

Прочитав этот листок, я усмехнулся, нарочито усмехнулся, чтобы показать Рамфоринху, что не очень-то меня поразил этот документ. Но, наверное, напрасно. Рамфоринх не смотрел на меня, он листал папку с текущими бумагами.

Документ N 2.

Чемберлен, беседуя с членами Ф/юннузского кабинета в Париже, сказал: "Были бы несчастьем, если. бы Чехословакия была спасена в результате советской военной помощи.

Тоже не открытие! Слов этих, быть можег, в Моские и не знали, но самый дух мюнхенского соглашения подразумевал эти мысли английского премьера.

А вот это уже любопытно.

Документ N 3.

26 ноября 1938 года сэр Гораций Р илъсон з приватной беседе сообщил немецкому дипломатическому чиновнику доктору Фриу Хессе. что нет никаких препятствий к. совместному англо-германскому заявлению о признании главных сфер влияния. Вильсон предлагает отвести Германии влияние и дать ей свободу рук в ЮгоВосточной и Восточной Европе, не ограничивая

пространства. Япония могла бы найти применение своим интересам в Китае. Италия - в Средиземноморье.

На документе стояла пометка: "глава секретной службы Великобритании".

Документ N 4.

Гитлер - польскому министру иностранных дел господину Беку: 5 января 1939 года: "Каждая польская дивизия, борющаяся против России, соответственно сбережет одни германскую дивизию".

5 января Риббентроп задал вопрос Гитлеру, как ему толковать это заявление господину Беку.

Гитлер. Наши. интересы состоят в том, чтобы использовать Польшу в качестве плацдарма, выдвинутого на восток. Он может быть использован для сосредоточения войск.

Риббентроп. Нам нужен Данциг или коридор.

Гитлер Данциг? Нет! Ним нужна война! Речь идет не о Данциге, а о расширении жизненного пространства на востоке.

Документ N 5.

Хессе поинтересовался у Риббентропа, какой ему придерживаться линии в приватных переговорах с сэром Вильсоном.

Риббентроп. Гитлер вполне готов достичь генерального соглашения с Лондоном. Направлено оно должно быть против России. Беседа имела место в январе 1939 года.

Ллойд Джорж. Чемберлен не может примириться с идеей пакта с СССР против Германии.

27 марта 1939 года на заседании внешнеполитического кабинета министров лорд Галифакс заявил: "Если бы нам пришлось сделать выбор между Польшей и Советской Россией, предпочтение следовало оы отоать Польше..."

29 марта 1939 года.

Чемберлен. Я прошу вас тщательно изоегать личных выпадов против господина Гитлера и господина Муссолини.

31 марта 1939 года.

Чемберлен. На мой взгляд, Россия не может внушать доверия, как союзник она не сможет оказать эффективной помощи.

Министр обороны лорд Четфильд. Россия в военном отношении может считаться лишь державой среднего разряда.

Польский министр иностранных дел господин Бек в частной беседе с членом английского парламента: Если вы хотите соглашения с Россией, то это ваше дело.

Польша к этому отношения не имеет. Если Россия и Польша будут вовлечены в союз с Англией и Францией, Германия нападет немедленно на Польшу. Мы имеем от господина Геринга более

благоприятные предложения о военном союзе с Германией.

Документ N 6.

28 ноября 1938 года вице-директор политического департамента министерства иностранных дел Польши Кабы л я и с к и и заявил немецкому дипломату Рудольфу фон Шелия в Варшаве: Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определенно стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на западе и политические цели Польши на востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения.

Риббентроп д-ру Клейсту: Раньше надеялись, что Польша может быть вспомогательным инструментом в войне против Советского Союза, теперь очевидно, что Польша должна быть превращена в протекторат.

Я не торопился захлопнуть папку. Перечитал все дважды, чтобы оттянуть время, потом спросил:

- Господин барон, чем я обязан столь ошеломляющей откровенности?

Рамфоринх встал, вышел из-за стола и сел в кресло напротив, подчеркивая этим особую доверительность и как бы даже равенство в беседе.

- В Москве должны знать, что я готов употребить все свое влияние на Гитлера, чтобы состоялось мирное урегулирование с Советским правительством...

- У вас, господин барон, достанет на это влияния?

- Густав Крупп фон Болен придерживается той же точки зрения...

- Откуда у господина Круппа такая вдруг дружественность к России?

- Рурский бассейн! Мы не можем решать военных задач, не обезопасив Рурский бассейн... Это наша ахиллесова пята!

- Разве Россия угрожает Рурскому бассейну?

Рамфоринх придвинул к себе папку. Полистал документы и прочитал:

"Риббентроп. Нам нужен Данциг или коридор?

Гитлер. Данциг? Нет! Нам нужна война! Речь идет о расширении жизненного пространства на Востоке! Наступление на Польшу вызовет объявление войны Германии польскими союзниками. Если против нас будет и Россия, мы не сможем защитить от ударов с запада Рурский бассейн! Разрушение

Рурского бассейна - это поражение!"

- Я передам, господин барон, вашу точку зрения...

- Я с вами не вступаю в переговоры... Ни я, ни вы на это никем не уполномочены!

- Я хотел бы сказать, что Россия против войны, а соглашение с Германией - это поощрение войны.

- Не все так просто. Англия, Франция и Польша хотят, чтобы Германия сражалась за интересы Англии до последнего немецкого солдата в России... Они хотят, чтобы и Россия истекла кровью в войне с Германией...

- Москва предпочтет соглашение с Англией и Францией, чтобы воспрепятствовать войне!

- Мы не дадим состояться этому соглашению... Сэр Невиль Чемберлеп ненавидит Россию и большевиков, а мы имеем возможность оказать на него влияние... Передайте в Москву, что мы имеем серьезные намерения...

Вплоть до пакта о ненападении...

- И одновременно ведете переговоры с Англией о перелеле мира?

- Торговля! Кто больше даст на аукционе!

Советские газеты мне не так-то легко было доставать, бывали периоды, когда я их не видел месяцами, но московское радио старался слушать каждый вечер. Радиопередачи не газета, во вчерашний день не заглянешь

"Правду" с выступлением Молотова 31 мая 1939 года мне дал Рамфоринх. Кто-то ему уже переводил русский текст и отчеркнул красным карандашом несколько строчек.

Вот те несколько фраз, которые привлекли внимание Рамфоринха: "Ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считали необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия".

Далее Молотов говорил о содержании переговоров о торговом соглашении, а все заканчивалось опять подчеркнутой фразой - "Эти переговоры были поручены германскому послу в Москве г-ну Шуленбургу и... прерваны ввиду разногласий. Судя по некоторым признакам, не исключено, что переговоры могут возобновиться".

- Считайте, - объявил Рамфоринх, - что я получил ответ на свой демарш!

- В такой форме?

- Это самая авторитегная форма, не так-то легко сблизить наши точки зрения... Если сегодня Германия подпишет пакт о ненападении с Советским Союзом, Гитлера не поймут ни высшие функционеры партии, ни рядовые национал-социалисты...

Сталину не менее трудно... Германия не обойдется без войны... Ее хотят толкнуть на Россию. Это гибель и для России и для Германии... И Россия и Германия станут легкой добычей тех, кто их сейчас сталкивает.

- Вы против войны с Россией?

На столике коньяк. Барон пьет чуть приметными глотками, вдыхая аромат мартеля.

- Мы с вами люди разных миров, - начал он с расстановкой и медлигельно. - Нам, вероятно, очень трудно понять друг друга! Значительно эффективнее был бы мой разговор с советскими лидерами... По это невозможно!

Рамфоринх не может встретиться с советским лидером, чтобы об эгом тут же не узнал весь мир и газеты не начали бы комменгировать это событие. И заметьте еще!

Рамфоринх и Крупп едины! В одном едины: в общности расширения сфер влияния... Но в этом единстве есть очень различные оттенки... И Крупп и Рамфоринх не одиноки... Есть и еще мощные магнитные поля, и все с разными кривыми притяжения. Мне русские сегодня не конкуренты... Русская химическая промышленность в детском возрасте, а мы состарились... Я охотно показал бы русским специалистам наши заводы... Пожелав иметь то же, что и у меня, русские должны попросить меня поделиться... Лично для меня на ближайшие годы этим была бы решена проблема с Россией...

- Вам невыгодна война с Россией? Или вы опасаетесь этой войны?

- Война - условность! Всегда выгодна победа, но война - это хаос, и в ней можно потерять больше, чем приобретешь! Победу в России, имея риск многое потерять, я не могу реализовать столь же быстро, как победу на Западе... Для моего производства значение сырья вторично! Это сложный технологический процесс. Мне нужна квалифицированная рабочая сила, нужен заинтересованный труд рабочего. На моих заводах рабский труд неприменим! Мне нужен каучук... Каучук в России не получить, я заинтересован в островах Тихого океана и в разделе Британской империи... Густав Крупп фон Болен заинтересован в угольных копях Донбасса и в рабах, которые добывали бы ему уголь из-под земли...

- Криворожская руда и донецкий уголь...

- А мне достаточно того сырья, что Россия продаст.

Взамен я продам России то, что она сейчас производить не может... Это дешевле, чем воевать с Россией...

- Слишком остры идейные расхождения...

- Из-за идей не воюют... Воюют за власть и господство...

Социализм по русскому образцу Германии не угрожает. С этим мы покончили! Франция и Англия с этой угрозой не справились... Им сейчас большевизм страшнее, чем Германии... И еще прошу заметить! Сейчас Германия и Россия стремительно мчатся друг на друга для сокрушительного удара... Только Гитлер и Сталин могут остановить столкновение и направить движение по параллелям... Любой парламентский режим при таком повороте ввергнется в безысходный кризис...

Разговор наш происходил 1 нюня, а через несколько дней из радиопередач я узнал, что японские войска вторглись на территорию Монгольской Народной Республики и начались военные действия в районе реки Халхин-Гол...

Еще одно звено все в той же цепи. Гитлер толкнул на разведку боем своего дальневосточного союзника.

И без проникновения в тайны нацистской партии и в тайны немецких концернов и картелей было известно каждому, кто следил за развитием событий в Германии, что Гитлер получил власть из рук немецких промышленников и финансистов.

Известно, что до прихода Гитлера к власти немецкие концерны выработали единство, и Густав Крупп фон Болей председательствовал в их ассоциации.

Немецкие промышленники были едины в своих устремлениях в завоевании мирового господства, им мешал прежде всего Советский Союз. И вдруг Рамфоринх уверяет, что он против войны с Россией.

Лето тридцать девятого года отмечено метаниями Гитлера. Немецкие дипломаты снуют между Лондоном и Берлином, немецкие официальные лица едут в Советский Союз, из Лондона в Берлин мчатся английские неофициальные и официальные деятели, идет усиленный дипломатический обмен между Лондоном и Парижем, между Москвой и Лондоном. И английские, и немецкие дипломаты частые гости в Варшаве.

От английской агентуры не может быть скрыта подготовка Германии к выступлению против Польши. Идет мобилизация, войска стягиваются к восточным границам.

Наконец вся эта суетня сменяется более нацеленным движением. Из Англии и Франции поступают сообщения о поездке военных делегаций в Москву для серьезных переговоров о взаимном отпоре агрессивным устремлениям Германии в Польше. В хаосе появляется какое-то упорядоченное движение в одном направлении.

Центр торопит меня. Любыми средствами требуют прояснения позиции Гитлера. Рамфоринх отмалчивается. Мне разрешают самому начать с ним разговор об обстановке.

Английский адмирал Драке выехал из Лондона в Москву, и Рамфоринх заговорил.

После первой беседы с ним я смог отправить донесение на запросы Центра.

"Москва. Центр. Рамфоринх показал перехваты своей информационной службы.

Гамелви - главе военной делегации на переговорах в Москве генералу Думенку: "Не в наших интересах, чтобы СССР оставался вне конфликта и сохранял нетронутыми свои силы. Каждый является ответственным лишь за свой фронт".

Из инструкции главе английской военной делегации адмиралу Драксу:

"1. Поддерживать переговоры в надежде, что они сами по себе будут достаточно сдерживающим средством.

2. Вести переговоры весьма медленно. 3. Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать руки при любых обстоятельствах. 4. Относительно Польши и Румынии никаких обязательств не делать".

В июле месяце немецкий тайный советник Гельмут Вольтат выехал в Лондон. 20 июля по инициативе английского министра внешней торговли Хадсона v них произошла встреча, Хадсон заявил: "В мире существуют еще три большие области, в которых Германия и Англия могли бы найти широкие возможности приложения своих сил, а именно английская империя, Китай и Россия".

Два дня спустя Рамфоринх снова дал возможность заглянуть в серенькую папку из плотной бумаги. Опять же машинописная копия отдельных положений документа. У меня возникли сомнения, не пытается ли Рамфорилх мистифицировать через меня Москву. Но моя обязанность была высказать эти сомнения Центру, переложив с наибольшей точностью документ, с которым меня ознакомили.

"Москва. Центр.

У меня создается впечатление, что Рамфоринх пытается через меня подорвать доверие к переговорам с английской и французской военными миссиями. Мне показаны два документа, которые могут считаться совершенно секретными в государственном делопроизводстве. У меня не вызывает удивления, что с ними ознакомили Рамфоринха, удивляет, что Рамфоринх спешит их довести до сведения Москвы".

Из донесения немецкого посла в Лондоне Дирксена:

1. К проведению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии, здесь относятся скептически. Об этом

свидетельствует состав английской военной миссии: адмирал, до настоящего времени командир Портсмутской крепости, практически находится в отставке и никогда не состоял в штабе адмиралтейства, генерал - точно так же простой строевой офицер, генерал авиации-выдающийся летчик и преподаватель летного искусства, но не стратег. Это свидетельствует о том,, что военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность советской армии, чем заключить оперативные соглашения.

2. В первых числах августа Дирксен имел приватную встречу с сэром Горацием Вильсоном. Вильсон заявил Дипксену, что англо-германское, соглашение, включающее отказ от нападения на третьи державы, начисто освобождает британское правительство от принятых им обязательств в отношении Польши".

Я не знал, что в это же время немецкие дипломаты на разных уровнях проводили зондаж по дипломатической линии о возможности заключения пакта о ненападении с Советским Союзом.

Рамфоринх как бы подкреплял официозные попытки прямыми посылами. Рурские магнаты давили на Гитлера, посчитав, что им важнее захватить позиции на Западе, а не на Востоке. Их ставленники в Лондоне подталкивали правительство Чемберлена к пропасти.

12 августа начались англо-франко-советские переговоры в Москве.

А через три дня я уже читал выдержку из сообщения в Берлин немецкого поверенного в делах Клодта. Клодт сообщал: "Советское правительство проявило столько признаков доброй воли к заключению договора, что нет никаких сомнений в том, что он будет подписан".

Мне этого было мало, и я решился задать вопрос Рамфоринху, не рассчитывая на его откровенность.

- А почему бы Германии не опередить московское соглашение? Англия предлагает передел мира-DOT и соглашайтесь! Это отвечает давним планам крестового похода.

Рамфоринх не уклонился от ответа. Объяснился даже очень пространно:

- Соглашение с Англией может быть только тайным... Открытые переговоры приведут к правительственному кризису в Лондоне... В случае столкновения немецких войск с Красной Армией Англия останется на первом этапе нейтральной... А потом, когда и мы, и Россия истечем кровью, положит на колеблющиеся весы всю свою мощь и продиктует и нам, и России свои условия...

Разговор у нас происходил в берлинской резиденции утром 15 августа.

Рамфоринх вынул из жилетного кармана массивную луковицу и щелкнул крышкой:

- Пятнадцатое августа, одиннадцать тридцать...

Могу вам сообщить, что вчера в четырнадцать часов пятнадцать минут наш посол в Москве граф Шуленбург получил указание немедленно, не позже сегодняшнего дня, получить аудиенцию у господина Молотова... Ему даны указания заявить Советскому правительству, что настало время покончить с политической враждой между двумя великими державами и найти все возможности для соглашения... Господии Шуленбург заявит господину Молотову, что министр иностранных дел Германии Риббентроп готов выехать в Москву с самыми широкими полномочиями...

Рамфоринх порылся в папке и положил выдержку из заявления польского премьера Рыдз-Смиглы, которое он сделал своим французским союзникам:

"С немцами мы рискуем потерять свою свободу, с русскими мы потеряем душу!"

- Для них русский большевизм страшнее немецкой армии! - добавил барон. - Но и не это главное! Главное, что Германия получает общую границу с Россией и сейчас только от России зависит, чтобы эта граница не превратилась в линию фронта...

- А дальше?

- Каждый год мира работает на русских, а не на Германию... Это и мы видим! А почему бы Москве не рассмотреть в ином свете английские предложения, сделанные нам Хадсоном и Вильсоном о разделе мира!

Скажем так! Нам Западная Европа и африканские колонии Франции и Англии... А России? России распространение большевизма в Ндии. Это почти полмиллиарда населения... Для них большевизм-это свобода.

- Такие предложения будут сделаны Риббентропом?

- Не все сразу! Я, как видите, опять забегаю вперед...

- Москва на раздел мира не пойдет,

Я не ставлю задачей воссоздать хронику германо-советских отношений. Мои возможности проникнуть в них были ограничены. Но должен сказать, что и на этот раз Рамфоринх, опережая своих исполнителей, не ошибся. Он не преминул мне об этом сообщить в свое время. Но этот разговор о переделе мира пересекли большие события, и мы к нему вернулись много позже.

23 августа в Москве был подписан пакт о ненападении с Германией.

1 сентября немецкие войска вторглись в Польшу.

3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии.

Крестовый поход против большевизма не состоялся.

Все те, кто годами проповедовал этот поход на всех европейских перекрестках, намертво вцепились друг в друга.

Танковые колонны разрезали Польшу, взяли в клещи Варшаву, на восьмой день войны Рыдз-Смиглы, Бек и все, кто боялся в союзе с Россией "потерять душу", вымелись из Польши и скрылись от грохота пушек на Британских островах. В Англии и во Франции прошла мобилизация. На границах Германии сосредоточилось сто десять дивизий, более двух тысяч танков и более трех тысяч самолетов, но вся эта армада не сделала ни шага, чтобы помочь Польше. Между Германией и Россией впервые в истории пролегла общая граница.

Восток и Запад сошлись. Ничто не мешало Гитлеру осуществить вторжение в Россию.

Между Лондоном и Берлином, теперь уже далеким дружным путем, опять сновали курьеры, опять прощупывали стороны, на каких условиях возможно примирение.

Рамфоринх предоставил мне случай прослушать и записать его доверительный разговор с одним из генералов вермахта, автором доктрины танковой воины.

Еще не очень-то тогда было изустно имя этого генерала. В польском походе он командовал всего лишь корпусом. Но танковым корпусом! Он настаивал на массированном применении танков и выдвинул свою доктрину танковой воины. Внезапный удар по противнику до того, как противник успеет провести полную мобилизацию. Прорыв в нескольких местах линии фронта.

В прорывы устремляются крупные танковые соединения под прикрытием авиации. В узлах обороны противника авиация прокладывает путь танкам "ковровой бомбардировкой". Бомбардировкой не по целям, а по площадям. Вслед - танки. Танки в глубокие тылы, наперерез коммуникаций противника. За танками армейские корпуса. Сначала моторизованная нехота на автомашинах и мотоциклах, способная в короткий срок преодолеть значительные расстояния. И только потом уже полевые части на закрепление захвата.

Танковый прорыв требовал значительного пересмотра полевых уставов, вооружения, моторизации армии и. главное, системы ее снабжения. Ломались старые тактические представления. Генералы старой школы неохотно от НиХ отступали. Возникали на каждом шагу "если". А если противник обрушит удар на оголенные фланги танковых колонн? А если в

глубине обороны противник встретит танковую колонну истребительным огнем и одновременно отсечет ее от основных сил?

Споры эти могли вестись военными теоретиками до бесконечности. Польский поход заставил приумолкнуть противников массированного танкового прорыва. Генерал приобрел особый авторитет в глазах Гитлера.

К нему обратились и благосклонные взгляды тайной власти.

Итак, доверительный разговор с танковым генералом.

Вот запись этого разговора. Она была сделана в горной резиденции Рамфоринха. Генерал был приглашен на охоту. По генерал понимал, что удостоен он столь высокого приглашения не из-за охоты. Они беседовали и кабинете с геральдическим гобеленом, я сидел в аппаратной, где была расположена аппаратура звукозаписи.

Рамфоринх. Ни у кого теперь не вызывает сомнений, что решающее слово на театре современной войны принадлежит танковым войскам. Польская кампания утвердила вашу теорию... Возможны ли столь же блестящие действия ваших танковых войск на западе?

Генерал. Франция способна выставить против нас значительные танковые соединения... Французы не освоили вождение больших танковых соединений, но они могут навязать нам изнурительные танковые бои.

Рамфоринх. Моим французским партнерам Народный фронт страшнее наших танков... Если бы они хотели нам что-либо навязать, то сто десять английских и французских дивизий смяли бы наши двадцать три дивизии на западе, когда ваши танки победоносно шествовали по польский земле...

Генерал. Я солдат и привык рассчитывать только нс: оружие. Политические ситуации переменчивы, господин барон! Англия и Франция давно нас толкают на восток... И не в Польшу, а в Россию! А для войны с Россией мы должны были иметь прежде всего общую границу! Поэтому никто и не двинул эти сто десять дивизий.

Рамфоринх. И их никто не двинет, если ваши танки устремятся в Россию... Вы это хотели сказать, генерал?

Генерал. Сейчас? Сегодня? Этой весной?

Рамфоринх. Чего вы боитесь? Вы же уверены, что английские и французские дивизии, не сдвинутся с места!

Генерал. Поединок с польскими вооруженными силами нас не страшил, мы могли реально рассчитывать на силу своего оружия... Поединок с Россией может принять тяжелый характер. Вы уверены, господин барон, что ваши друзья во Франции и

Англии не захотят двинуть эти дивизии, чтобы продиктовать вам свою волю и свои интересы, и не будут ждать, когда это вы сделаете по отношению к ним? В поединке с Россией могут наступить такие минуты, когда эти гло десять дивизий решат всю войну в свою пользу. В военном аспекте позиция наша окажется безнадежной.

Рамфоринх. Япония облегчит нам поединок!

Генерал. Тоненькая ниточка железной дороги...

Сопки, девственные леса... Если меня спросят мои японские коллеги-я им обрисую безнадежность военной ситуации...

Рамфоринх. Военные и в Японии подчиняются политикам, а политики моим коллегам!

Генерал. Если вы гарантируете поединок с Россией, задуматься есть над чем! Но вы когда-нибудь, господин барон, интересовались, сколько в России танков?

Рамфоринх. Выплавка чугуна и стали...

Генерал. Да, да, я знаком с этой теорией деловых людей. Сколько в России танков?

Рамфоринх. Я знакомился с вашими выкладками.

Вы назвали десять тысяч танков... Я не верю в эту цифру. Я промышленник, я знаю, что надо сделать с промышленностью, чтобы выпустить десять тысяч танков.

Они лишь три года тому назад завершили свою пятилетку... У них нет стали, нет станков, чтобы выпустить десять тысяч танков...

Генерал. Эту цифру мне навязали, по моим подсчетам, Россия имеет семнадцать тысяч танков...

Рамфоринх. Я не верю!

Генерал. Гитлер тоже не верит! Не есть ли это свойство людей верить в то, во что хочется верить? Военное искусство, хотя бы в первой его фазе, обязано покоиться на математически точных цифрах. Если у большевиков нет такого количества танков, то нам будет легче, а если есть?

Рамфоринх. Так что же вы предпочитаете, господин генерал? Движение на восток или на запад?

Генерал. На восток, если нас поддержат те сто десять дивизий, о которых шла речь...

Рамфоринх. Такие гарантии дать рискованно...

Но я гарантирую, что они не двинутся с места.

Генерал. Нас это не устраивает. Тогда на запад.

Нам нужны французские танки для движения на восток.

Рамфоринх. Здесь гарантии болев надежны. Парламентские демократии разъела коррупция! Они не устоят...

Генерал. А если к ним на помощь выступит Красная Армия?

Рамфоринх. Наконец-то я слышу из уст военного главный вопрос современности! Наши партнеры во Франции и в Англии предпочтут объединиться с нами против большевиков...

Генерал, ...и вашим партнерам не помешают парламентские режимы?

Рамфоринх. Мы им поможем разогнать парламенты! Быть может, господа генералы надеются, что мы им преподнесем на золотом блюдите земной шар и еще нож вручим, чтобы вы делили этот сладкий пирог? Мы хотели бы надеяться и на ваш вклад в дележе этого пирога. Мы вам обеспечили поединок в Польше...

Генерал. Только потому, что мы молниеносно разгромили ее вооруженные силы!

Рамфоринх. Мы ждем от вас таких же молниеносных действий и на западе...

Генерал. Меня беспокоит Англия...

Задуматься было над чем. В манере Рамфоринха вести подобные беседы проглядывал в большей степени торговец и финансист, чем дипломат или политик. Могло показаться, что он прикидывает, где больше дадут. Своеобразная тренировка коммерческих способностей. Его старческие венозные руки тянулись схватить весь земной шар, он, не задумываясь, послал бы немецких юношей штурмовать небо, если бы это дало ему дивиденды.

Он был сторонником воевать со всеми, завоевать и далекие Гималаи, но умел рассчитывать, и в расчетах не получалось все сразу: и Франция, и Россия, и Гималаи...

Генерала проводили. Рамфоринх пригласил меня в кабинет. Мне всегда становилось несколько не по себе, когда я видел размах перепончатых крыльев доисторического ящера, властителя этого странного мира, в котором шли страшные битвы за жизнь между гигантами с холодной кровью. Удачную аллегорию выбрал Рамфоринх для своей личности, для своей роли в жизни современного мира.

- Вы сделали выводы из нашей беседы? - спросил он.

- Задача из несложных, - ответил я ему спокойно. - На Восток пли на Запад-вашим генералам все равно, лишь бы не война на два фронта...

- И для генералов не одно и то же! Для того чтобы победить Россию и употребить с пользой эту победу, надо уничтожить все ее население...

- Гитлер не скрывает этой частя своей программы...

Рамфоринх пренебрежительно махнул рукой:

- Гитлер не финансист... Он- политик... Политики обязаны выдвигать в программе и неисполнимые положения... Что значит

уничтожить население России? Это значит поднять на себя каждого, кто способен хотя бы кинуть камень. Это значит ожесточить русских людей и славян до такой степени, что даже дети возьмут в руки оружие... Не могут же наши гарнизоны жить, ис выходя из танка!

Я решил побуднтьРамфоринха высказаться несколько отчетливее, поэтому спросил его:

- Вы хотите показать Москве, господии барон, что Германия двинется на Запад, что России лучше не вмешиваться в этот конфликт.

Рамфоринх покачал головой:

- Вы нетерпеливы, мой друг! Односложного ответа на такой вопрос я вам не дам... Я не против восточного похода, если нам помогут Франция и Англия, - и я против поединка Германии с Россией... А между тем Россия могла бы открыть себе дорогу в Индию и к Индийскому океану, мы в это время завершили бы войну на Западе...

Рамфоринх не был склонен к беспочвенным прожектам. Он возвращался к однажды уже поднятой теме.

- Это предложение о переделе мира? - спросил я его.

- Это пока тенденция.

Он помолчал. Прошелся неслышно по ковру вдоль кабинета. Остановился возле глобуса. Он стоял на журнальном столике.

- Как вы думаете, - продолжал он, раскручивая глобус указательным пальцем. - Ваша идеология активно раздвигает границы коммунизма... Мне кажется красивой идея приобщить к коммунизму трехсотмиллионный народ Индии... Россия сможет продвинуться в Китай, разделив там сферы влияния с Японией... Полмиллиарда населения, приобщенные к коммунизму!

Я молчал, опасаясь неосторожным вопросом прервать его откровенные излияния. Доказывать ему безразнравственность таких предположений смысла не имело.

Сейчас мне нужно било узнать, опираются ли его предположения на мнение его могущественных коллег.

Он отошел от глобуса и не торопился развивать свои мысли. Он явно ждал моей реакции. Лукавить было бесполезно. Я поставил вопрос прямо:

- Это лично ваши проекты или они широко обсуждались на вашей встрече в кружке друзей рейхсфюрера?

- Такие вещи не обсуждаются! Они прочитываются между строк... Я не исключаю, что в самое ближайшее время они будут представлены Гитлером Советскому правительству...

Он сказал все, что хотел сказать. На этом наш разговор закончился.

Я, конечно, обязан был сообщить все это в Центр.

В сочетании с опасениями генерала, рассуждения Рамфорянха очень легко расшифровывались. Чего же лучше?

Гитлер подталкивает Советский Союз в Индию, втягиваег в безысходный конфликт с Англией и, разделавшись с Францией, объединившись затем с Англией, бьет нам в спину.

Беседой с генералом он хотел сказать мне: "Слушан, мы колеблемся, мы стоим перед выбором идти на Запад или на Восток. Выбор еще не сделан". Это угроза. Затем предложение идти в Индию. Это-пряник. Или война, или сговор о переделе мира! В Центр я послал сообщение, с точным пересказом беседы с генералом и его рассуждении о переделе мира.

Близилась весна сорокового года. Продолжалась "странная воина" на Западе без активных действий.

Можно было подумать, - что Гитлер еще колеблется, куда ударить - на Запад или на Восток.

Затяжка но всем. Замедленная мобилизация, замедленная переброска войск к западной границе, неторопливость в передислокации войск. Игра в "несекретные"

секреты.

Нападая на Польшу, Гитлер не провел всеобщей мобилизации. Этот факт скрыть от разведки союзников было невозможно. Его и не скрывали. Что это означало?

Это могло быть только знаком. Гитлер как бы говорил: я вторгаюсь в Польшу. Общественность ваших стран потребует от вас соблюдения договоров о военной помощи Польше! Но мы с вами понимаем, что здесь не забота о далекой Польше и не жажда справедливости... Общественность взволнована нарушением равновесия в Европе, но до той лишь черты, пока это касается Европы. Войну вы объявите, но терпение! Польша - это общая граница с Советской Россией. Если бы я имел намерения наступать на Западе и в Польше, если бы я был убежден, что союзники двинутся на Германию в тот час, когда мои танки будут в Польше, я, господа, провел бы всеобщую мобилизацию...

И англо-французские дивизии стояли неподвижно, пока немецкие танки уничтожали польскую армию.

Двадцать девятый раз назначалась дата вторжения во Францию и двадцать девять раз отменялась. Французская и английская разведки не могли не иметь точных данных о дислокации немецких армий на западных границах Германии. Но вопросы стратегии решались политиками, а не разведчиками. А политики высчитывали, сколько потребуется дней на переброску немецких дивизий с западной на восточную границу для нанесения внезапного удара по Советскому Союзу, и утешали

себя мыслью, что Гитлер сможет в десять-пятнадцать дней перебросить армии в Польшу и начать наступление на Востоке. Бездействие покрывалось теорией "оборонительной войны". Не упреждение удара, а ожидание удара и развертывание сил после удара...

По запросам из Центра я чувствовал, что в Москве взволнованы. Рамфоринх мне намекал, что в Швеции и в Швейцарии проходят контакты между британской секретной службой и немецкими деловыми кругами.

Англия вновь прощупывала возможности соглашения с Гитлером, по-прежнему подталкивая его на Восток.

Но Рамфоринх, по крайней мере, был тверд в своих опасениях за Рурский бассейн. Поворачивать войска на Восток, оставляя в тылу свыше ста дивизий в одном переходе от Рура, он не видел возможности... Но ответить на вопрос Центра о сроке начала действий на Западе я не мог. Сроки плыли... Центр запросил меня, не найду ли я возможности попасть в расположение немецких войск, дислоцированных на западной границе.

Запрос был сделан всего лишь в форме пожелания.

Не думаю, чтобы от меня ожидали сообщений чисто военного характера. Не тот был у меня характер работы.

Западный театр военных действий мог интересовать Центр как арена политической борьбы. В Центре хотели иметь объективную информацию о решимости к сопротивлению союзников.

Я осторожно поинтересовался у Рамфоринха, нет ли у него каких-либо своих особых интересов в действующей армии.

- Сейчас это бездействующая армия! - ответил он мне. - В бездействующей армии у меня нет интересов...

Какой же может быть у вас интерес в бездействующей армии?

- Там можно точнее узнать, куда она двинется?

- На Запад! - ответил Рамфоринх. - Это решено!

Когда? Это военная тайна! Но вы мне подали мысль...

В действующей армии могут возникнуть лично мои интересы... Генерал, с которым я имел беседу, не причислен к высшим, но мы возлагаем надежды на его доктрину войны... Высшие генералы, не только из ревности к младшему, но и по осторожности, скептически относятся к его доктрине. Мне нужен верный человек возле него, верный мне глаз... Вы не можете отрицать, что я вам помог в исполнении вашей миссии. Теперь я могу попросить вас помочь мне!

- Всегда готов, господин барон! - ответил я. - Если это не нарушит интересов...

Барон рассмеялся:

- Мне не нужно, чтобы вы действовали вопреки вашим интересам... Мне не составило бы труда найти для этой цели немецкого офицера. Но я хочу видеть реальную картину событий... Немецкий офицер раздует и переоценит успех. Исказит действительность от восторга, неуспех попытается всячески оправдать... Вы способны быть бесстрастным свидетелем усилий наших войск во Франции...

Я оглянулся на барона. Усмешка бродила у него на губах.

- Я так понял, что я в авангарде проделаю кампанию во Франции?

- А разве это не интересно русским?

- А зачем бы вам все это раскрывать нам?

- Смелый вопрос! Я хочу, чтобы русские имели точную картину событий во Франции. Франция и Англия имеют четыре тысячи восемьсот танков, мы можем выставить только две тысячи двести танков... Но моим партнерам во Франции Народный фронт страшнее наших танков, и это известно в Москве. Я хочу, чтобы в Москве были из первых рук ориентированы о весомости наших предложений о переделе мира... Убедительная победа на Западе сделает более сговорчивым Восток.

- Стало быть, вы должны быть уверены в успехе?

- Затяжная война во Франции для нас поражение...

Тогда все карты смешаны, и придется гасить свечи!

Генерал командовал армейским корпусом, но по своему составу это был танковый корпус. Наименование "танковый корпус" еще не было тогда принято в немецкой армии.

Генералу за пятьдесят, он участник первой мировой войны, довольно типичная биография для высшего немецкого офицера. Кадетский корпус, фснрнх в егерском батальоне, военная академия в Берлине. В начале первой мировой войны обер-лейтенант, затем произведен в капитаны, участвовал в боях, потом-штабы. Войну закончил капитаном, до генерал-лейтенанта дослужился в мирное время. В нападении на Польшу командовал корпусом.

Седой, приземистый, с военной выправкой, всегда подтянут, подвижен и даже быстр. Решения принимал не колеблясь, всегда зная, что делает и зачем.

Штатский человек при корпусном штабе - бельмо на глазу. Рамфоринх смягчил мое появление. Он офюрмил меня представителем компании, подчиненной его концерну.

Генерал был извещен, что я прислан как уполномоченное лицо главы концерна.

Генерал, однако, встретил меня сдержанно.

О том, что выступление назначено на утро, я узнал не от

генерала, а от офицеров.

Ночью сказал мне об этом и генерал, считая нужным поделиться своими соображениями с "человеком Рамфоринха".

- Отмены приказа выступать не поступило... - сказал он. - На рассвете, как только рассеется последний туман, мы начнем... Несколько тысяч бронированных машин должны решить судьбу мира... Мы вступаем в эру войны моторов...

Слова его показались мне напыщенными, я даже удивился этакой манере изъясняться. Генерал как бы сам себя водружал на пьедестал.

Утром, едва только забрезжил рассвет, дрогнула земля. Началась артиллерийская подготовка.

Артиллерия была поддержана авиационным ударом.

В 5 часов 35 минут двинулись танки головной дивизии.

Я был оставлен на командном пункте, генерал в командирском танке двинулся в боевом строю.

С наблюдательного пункта на господствующей высоте можно было проследить за движением танков. Перед глазами словно бы разыгрывался условный бой на учебном плацу. Пограничные укрепления по люксембургской границе были прорваны в течение нескольких минут.

Стало известно, что там, в глубине, на территории Люксембурга выброшен большой десант, танки головной дивизии тут же вошли во взаимодействие с десантом.

С сентября прошлого года минуло восемь месяцев.

Восемь месяцев почти без выстрелов, но в состоянии объявленной войны противостояли войска противников. Потребовалось всего лишь несколько минут на прорыв фронта. Пет, это отнюдь не подвиг генерала и его танкистов, это гарантии Рамфоринха и европейских королей угля, стали, нефти. Единственно, что успела сделать противная сторона, - это разрушить горные дороги. К концу дня я проехал по этим дорогам. Взорваны некоторые мосты, кое-где горные завалы... За ночь завалы были расчищены, восстановлены мосты, и танки двинулись вперед уже по территории Бельгии. Штаб корпуса продвинулся далеко вперед. По-прежнему все было похоже на маневры.

11 мая, к концу второго дня наступления, по условленной линии связи я отправил первую записку Рамфоринху. Эта записка должна была его найти самое большее часа через два, где бы он в то время ни находился.

Но я знал, что он сидит в своей берлинской резиденции поблизости от фюрера.

Я писал:

"Господин барон!

Два дня танки движутся на запад, как я теперь понял, в обход главных сил противника. В эти два дня я не имел случая наблюдать сколь-нибудь серьезного сопротивления, разве только на окраинах бельгийского городка Нешато, где войска нашего генерала были встречены егерями, бельгийскими пограничниками и французской кавалерией. Они решились на сопротивление, защищенные с обеих сторон довольно серьезными оборонительными сооружениями. Но для преодоления этого сопротивления не потребовалось развертывать хотя бы одну дивизию. Стрельбы было много, расход боеприпасов достаточный, чтобы окупить их выпуск, но сопротивляющиеся очень скоро капитулировали, и танки вошли в город. Смешно было бы, чтобы я в такой короткий срок сделал какие-то выводы о боеспособности танковых колонн, могу сказать лишь одно. Та часть военных действий, которую взялись обеспечить Вы и Ваши коллеги, протекала, как по расписанию. Нигде не видно главных сил противника, ни его танков, которых опасался наш генерал".

Я отправил свою записку, а тут разыгрались занятные события.

Наступление вел, конечно, не только корпус нашего генерала, хотя он и был одним из ведущих. Как складывалась конфигурация фронта, я тогда уловить не мог. На исходе был второй день движения немецких танков на Седан, а французская армия никак еще себя не проявила. Удар шел как бы в пустоту, немудрено, что немецкое командование, следуя классическим канонам вождения войск, обеспокоилось продвижением танковых колонн в глубину позиций противника и хотело себя обезопасить от неожиданности. Командующий танковой группой генерал фон Клейст приказал повернуть одну из танковых дивизий на защиту флангов всей группы. В приказе указывалось, что со стороны ее левого фланга ожидается выдвижение крупных французских кавалерийских соединений.

- Сбивают темп наступления! - заметил генерал. - Консервативное представление о ходе современной войны. Приказ я не намерен выполнять! Потеряв внезапность и темп, мы можем наткнуться на неожиданные препятствия...

Командир корпуса не выполнил приказа командующего группой. В мои обязанности не входило информировать барона о таких деталях, полагаю, что он и без меня получал такого рода информацию из первоисточников. Действия командира корпуса можно было признать авантюристическими, если бы эта война шла обычным порядком... Но где же французские танки? Они не появились, не обнаружили себя и кавалерийские части.

12 мая в 5 часов утра танки опять пришли в движение. Штаб корпуса двинулся в рядах наступающих колонн.

Наступление велось на городок Буйон с задачей именно в этот день начать переправу через реку Семуа.

К восьми часам утра силами всего лишь пехотного полка Бупон был захвачен и в него вошел штаб корпуса.

Штаб еще не успел по-настоящему расположиться, как генерал устремился к переправам через Семуа. Мост был взорван, но танки вброд преодолели реку и захватили предмостное укрепление. Генерал переправился на другой берег реки и двинулся в передовых колоннах на Седан. А в это время саперные части в спешном порядке наводили мост через Семуа.

Штаб корпуса расположился в роскошном отеле "Панорама". Из окон прекрасный вид на долину реки Семуа, тишина, спокойствие, выстрелы и канонада отодвинулись далеко к Седану.

В отель в открытой легковой машине приехал генерал.

Ну хорошо, генерал все знал, знал, что рурскими магнатами приняты меры, чтобы французская армия была парализована, но солдаты этого не знали. Я вглядывался в лица солдат. Солдаты упивались победой, они верили, что с боя вырывают победу, они готовы были шагать по всей Европе, по всему миру, не предполагая, что не везде окажется столь благополучным их марш.

Генерал уселся за рабочий стол, на котором офицеры расстелили тактические карты.

На картах с предельной точностью были отмечены все укрепления на бельгийской и французской границах.

Указывалось точное местонахождение каждой огневой точки, пулеметного гнезда, амбразуры с орудиями. Никакая аэрофотосъемка, никакая обычная военная разведка не могли доставить такого рода данные. Похоже было, что этого рода информацию немецкое командование получало прямо из французского генерального штаба.

Не удивительно, что все наступательные операции развертывались как на учебном плацу. Командиры подразделений знали, сколько и откуда бьет пулеметов, был известен сектор их обстрела, можно было подавить огневые точки несколькими артиллерийскими выстрелами.

На моих глазах медленно раскручивалась, как кинолента, картина подлого предательства, но я все еще не верил, что Франция падет, преданная своими правителями и некоторыми своими генералами.

В отеле "Панорама", в десятке километров от линии фронта,

штаб устроился, как на туристической прогулке.

На втором этаже в огромных апартаментах оборудовали кабинеты, в нише развесили охотничьи трофеи, оленьи рога, кабанью голову, охотничье оружие, ковры.

Третий день шло наступление, разведка утверждала, что ни французское, ни английское командование даже и не пытаются двинуть свои резервы навстречу лавине танков. Наметив точку удара, немецкое командование на этом направлении создало огромное превосходство в силах: по танкам в семь раз, в авиации в двадцать раз, а на участках прорыва-в двадцать, в двадцать пять раз.

Генералу докладывали, что никакой перемены в соотношении сил не отмечено. Генерал рисовал сипим карандашом стрелы на картах, ставя задачи дивизиям.

и вдруг на улице, неподалеку от отеля, несколько взрывов.

- Воздух!

Генерал развел руками и с иронией произнес:

- Извините, господа! Война!

Взорвалось еще несколько бомб. Голова дикого кабана от сотрясения сорвалась со стены и упала на стол с картами, пролетев дугой над генералом, вылетело огромное панорамное окно, осколки стекла усыпали мягкий ковер на полу.

Штаб перебрался в другой отель. Воевать офицерам хотелось с удобствами. Генерал посмеивался, но не возражал. Еще один французский налет изгнал штаб корпуса и из этого отеля. Нападение было незначительным, и все же пришлось офицерам штаба корпуса изменить туристскому стилю.

На 13 мая в штабе готовились задачи дивизиям на форсирование реки Маас и на переход французской границы,

Я все. еще ждал сражения, ждал сопротивления французской армии. Маас-это уже вполне серьезно.

14 а том берегу возведены долговременные и мощные укрепления, в нескольких километрах проходит "линия Мажино", оттуда артиллерия могла бы вести огонь по флангам наступающих танковых колонн. Если останавливать немецкие танки, то здесь. Это спорное место и в планах немецкого командования, которые понемпогу раскрывались передо мной.

Еще в отеле "Панорама" генерал подписал предварительное распоряжение. В кем меня поразили несколько строчек. Прежде всего констатирующая часть приказа. В ней утверждалось:

"Англо-французская моторизованная армия в составе 20 дивизий своим левым флангом, продвигаясь через Антверпен, подверглась сильным ударам нашей авиации и была рассеяна. Канал Альберта форсирован на всем фронте. Льеж пал".

Двадцать дивизий моторизованной армии-этого, что могло решить исход первых же дней немецкого наступления. Как же они могли быть рассеяны лишь силами авиации, кто их вел, как, каким образом они оказались без прикрытия англо-французской авиации? На эти вопросы ни один грамотный военный не мог бы ответить. Теперь я мог считать, что ни одно из заверений Рамфоринха, которое он дал нашему генералу, не было бефом. Французские партнеры рурских магнатов, связанные разными картельными соглашениями, неумолимо вели Францию к поражению, вопреки воле ее солдат и офицеров. Второе положение приказа звучало не менее удивительно:

"Группе фон Клейста при мощной поддержке почти всей немецкой боевой авиации продолжать наступление завтра 13.5.40, с утра, имея своей задачей при любых обстоятельствах форсировать реку Маас. В продолжении восьми, часов авиация последовательными волнами разрушит французскую оборону на реке Маас... После этого группа Клейста в 16.00 начнет форсирование реки..."

Никто меня не мог бы убедить, что англо-французское командование не могло установить, что в район Седана перебрасывается вся немецкая авиация. Даже первые утренние налеты могли им указать на эту беспрецедентную переброску. Над Маасом должны были развернуться воздушные бои...

Верховное командование опять же проявляло нервозность, высшие генералы, помнившие провал немецкого наступления в первую мировую войну, никак не могли примириться со стилем этой войны. Они считали войска, дивизии, танки и самолеты; расчеты Рамфоринха и Гитлера были неуловимы. Встречались и в штабе корпуса офицеры, которые с сомнением вчитывались в расписание форсирования Мааса и движения на Амьен и даже поговаривали, что если это случится, то свершится чудо.

Кое-кто понимал, что ведется игра в поддавки, но эта игра не могла быть совсем явной, укрепления, оснащенные сильнейшей артиллерией, оставались грозным препятствием, и никто во Франции в эти часы не мог отдать приказа солдатам оставить эти укрепления без боя.

И опять высшее командование вмешалось в планы корпуса. Генерал неистовствовал. Он воспользовался телефоном в штабе корпуса и соединился с Берлином, как я понял, с Рамфоринхом. Их разговор остался для меня неизвестным, по, быть может, именно в результате этого разговора командующий воздушным флотом не выполнил приказа фон Клейста, командующего группой войск.

Командование сухопутных войск потребовало провести

авиационный налет до артподготовки, генерал считал, что это нельзя делать, и просил авиацию для прикрытия наступающих танков. Во всех его расчетах была уверенность, что кто-то в тылу у противника расчистит дорогу танкам.

Ночью развернулись бои, немецкие танки овладели крепостью Седан. Седан пал, но впереди Маас и "линия Мажино". Быть может, здесь, именно здесь их ждут, чтобы остановить этот страшный разбег? Дальше уже было бы поздно.

Генерал нервничал, поминутно запрашивал через офицеров связи разведданные о передвижениях в тылу противника за "линией Мажино". В свободную минуту он вышел из помещения штаба, взглядом пригласив меня за собой.

- Мы сделали все возможное... - начал он. - Теперь все зависит от того, что там у французов... Никто, кроме меня и Гитлера, не верит, что нам завтра удастся форсировать Маас... Или мы завтра выигрываем кампанию, или мы погружаемся в затяжную войну... Вы имеете какие-либо сообщения от барона?

- Никаких!

- Это хорошо или плохо?

- Решительно ничего! - поспешил я уверить генерала. - Я нисколько не собираюсь преувеличивать значение своей миссии...

- Быть может, я что-нибудь не так понял? - спросил генерал, и правая его бровь едва заметно поднялась вверх.

- Моя обязанность смотреть и видеть...

- Почти сто лет тому назад здесь, при Седане, была пленена французская армия в сто тысяч человек... Для них Седан - позор, для нас - слапа!

Утром штаб корпуса переместился ближе к линии фронта. Генерал меня пригласил на командный пункт головной дивизии. Мы ехали в танках. С нами на походе были еще несколько штабных офицеров. В нескольких метрах мы попали под обстрел французской артиллерии, проехали минными полями, где работали под обстрелом саперы. Передовые отряды дивизии прорыва вплотную приблизились к французской границе.

Все утро, волна за волной, на французские позиции летели самолеты. Методично сбрасывали свой груз на линии укреплений, разворачивались и уходили за новым запасом бомб. Это был как бы воздушный парад.

Бомбардировщики заходили в атаку по двадцатьтридцать в звене и начинали пикирование, образуя многоэтажное "чертово колесо". Их эскортировали истребители; французская авиация бездействовала. Рухнула -моя надежда, что истребительная авиация Франции сорвет подготовку штурма укреплений, рассеяв немецкие бомбардировщики. С высотки, на которой располагался

наблюдательный пункт головной дивизии, хорошо был виден противоположный, французский, берег Мааса. Над ним тянулись дымы, смрад, а сама земля, казалось, поднялась дыбом. От непрерывных разрывов земля, песок и пыль не успевали оседать. Рамфоринх мог быть доволен: взрывчатка, которая вырабатывалась на его заводах, расходовалась без экономии. Его заводы могли в ближайшее время получить богатейшие заказы. Его заводы... Не только его заводы, но и заводы, которыми он владел совместно с английскими и французскими партнерами в Швейцарии, в Латинской Америке и даже на территории Франции. В первые часы была начисто подавлена зенитная артиллерия, и немецкие летчики работали без помех. Почти в открытую сосредоточивались немецкие танки и пехота для броска через реку.

Иногда французская артиллерия открывала огонь из укреплений. Но сейчас же туда обрушивались атаки с воздуха, и артиллерия умолкала.

Левый фланг беспокоил генерала. У него имелась карта, на которой подробно были изображены все огневые средства укрепрайона. Французы здесь располагали тяжелой артиллерией, которую невозможно было подавить с воздуха. Артиллерийские позиции былк опущены в бетонные колодцы и прикрыты бетонными колпаками.

Но артиллерия на "линии Мажино" не подавала признаков жшни. И все же он волновался. Он опасался, что она заговорит, когда танки двинутся через Маас и начнется борьба за создание предмостных укреплении. Она могла бить и по скоплениям танков и пехоты на правом берегу реки. Но она молчала...

Он метался весь день с одной позиции на другую.

Настал его главный час. Или весь поход через Арденны увенчается прорывом фронта, или его доктрина воины будет опрокинута сопротивлением французов.

Маас был форсирован в несколько минут. За танками переправлялась пехота.

Генерал пересел из танка в лодку, и подвесной мотор быстро перенес нас на французский берег.

Генерал вызвал к себе по рации командира дивизии, а пока он добирался, поднялся на взгорок и навел бинокль на переправы.

В долине горели танки, методично рвались тяжелые снаряды, оставляя непреодолимые для танков глубокие воронки, по реке плыли обрывки понтонов. Танки застыли на исходных рубежах.

Командир дивизии доложил, что форты Мажино контролируют переправу.

- До этого дня у нас в дивизии не было потерь, - пожаловался он генералу.

Форты били методично, но их залпы были редкими, и паническое настроение командира дивизии было ничем не оправдано.

Он рассказал, что была совершена попытка нанести авиационный удар по фортам, но зенитная артиллерия не подпустила к укреплениям ни одного самолета.

- Без потерь войн не бывает! - жестко ответил ему генерал. Невыполнение приказа вы не сможете обосновать... Ставьте переправы, и к вечеру танки должны быть на той стороне.

Танки переправились только ночью.

- Это чудо, что они разрешили нам форсировать Маас, - обронил генерал.

Итак, первый день прорыва прошел успешно. Высшее командование потеплело к генералу, хотя бы во внешних проявлениях. не думаю, что для старых генералов вдруг убедительной сделалась его доктрина дерзостных танковых прорывов с маршем по тылам противника, не поддержанных всей силой пехотных частей. Но Маас был форсирован,

С утра 14 мая начали появляться французские бомбардировщики над мостами, наведенными через Маас, над дорогами, по которым передвигались немецкие войска. Я употребил сознательно слово "появляться". Это были небольшие авиационные отряды, но они сразу же причинили немало неприятностей. Я имел возможность убедиться, что боевые качества французских самолетов нисколько не уступали немецким. Летчики сражались не менее искусно и мужественно, хотя за ними и не было ни испанского, ни польского опыта. Немецкие истребители не могли отогнать французов. Спасала положение зенитная артиллерия. Она была густо сосредоточена возле переправ и отбивала налеты.

К генералу приехал командующий группой армий генерал-полковник фон Рупдштедт.

За немецкими генералами, да и офицерами тоже, приметил я давно тягу к театральности.

Генерала по рации известили, что к переправе через Маас прошла автомашина командующего. Генерал вышел встретить его на мосту. Искусственно, театрально созданная боевая обстановка. Французские самолеты все еще пытались прорваться к мосту. Но это им не удавалось, ибо сначала нужно было бы подавить зенитную артиллерию, подключив к решению этой задачи и тяжелые дальнобойные орудия фортов Мажино, а потом уже бомбить мост.

Генерал и срой Рупдштедт встретились на середине моста.

Фон Рундштедт строго спросил:

- У вас всегда так?

Он имел в виду огонь зенитной артиллерии по французским самолетам.

Генерал не торопился с ответом.

Рундштедт понял его прузу.

- Впрочем, теперь это не имеет решающего значения... Опоздали! Поздравьте с победой наших мужественных солдат и офицеров! Окн выполнили свой долг! Впереди Франция!

Однако впереди еще была не Франция, а всего лишь се небольшой городок Стопи. Выходя на Стонн, немецкие войска заходили с тыла "линии Мажино", отрезая от центра ее северную оконечность.

Из Стониа я вылетел на короткий срок в Берлин.

Я знал, что Центр ждет от меня сообщений.

В Центр я направил подробное описание марша через Дрденны и переправы через Маас, однако я полагаю, что... картину предательства французской армии паши военные специалисты могли воссоздать, не выходя из московских кабинетов.

12 мая генерал имел на руках весьма оптимистическое сообщение, что двадцать дивизий моторизованной армии союзников разбиты и рассеяны немецкой авиацией в районе Антверпена. Рассеяны-это не значит уничтожены.

Не только высшее командование сухопутных сил, но и наш генерал не мог быть уверен, что не найдется во Франции человек, который, собрав рассеянные, дивизии, не объединит их для ответного удара.

У генерала лежал в портфеле беспокоящий его документ. У пленных французов был изъят приказ французского командующего. В приказе говорилось: "Пора, наконец, остановить поток германских танков!" Приказ был подписан Гамеленом, который до сей поры четко выполнял соглашение с "кружком друзей" рсйхсфюрсра СС и французскими промышленниками. Он был как раз тем энцефалитным клещом, который вызвал паралич, но внешне действия его должны были выглядеть так, как к тому обязывал его пост. Он еще не мог капитулировать, не наступил для этого час, и люди требовали от пего решительных действий. Приказ есть приказ, и военачальники должны были его выполнять. Именно 16 мая я впервые услышал имя генерала дс Голля, командира французской дивизии. Де Голль собирал вокруг себя рассеянные танковые группы, он подчинял себе отступающие французские части и бросал их в бой. Должно быть, он был не

одинок. Командующий танковой группой генерал фон Клейст запаниковал. Он понимал, что может произойти, если французское сопротивление примет организованный характер при неподтянутых тылах, без надежных переправ через Маас.

В ночь на 17 мая генерал готовил приказы о наступлении, а утром 17 мая ему было приказано в 7.00 явиться на посадочную площадку к генералу Клейсту.

Штабные офицеры, и я в их группе, стояли в стороне от встретившихся на посадочной площадке генералов.

Мы не слышали их слов, по видели, что Клейст резко что-то ему выговаривал.

Оказывается, ночью был получен в штабе его приказ, воспрещающий дальнейшее продвижение танков до подхода пехотных частей к переправам через Маас, а генерал, как и ранее, пренебрег этим приказом. Разговор между ними был коротким. Наш генерал что-то ответил на упреки не менее резко, и они, не раскланявшись, разошлись.

Генерал, мрачный, подошел к машине и сделал мне знак, чтобы я сел с ним.

- Вам будет небезынтересно знать, - объявил он сухо. - Я сдаю командование корпусом... Моя доктрина отвергнута, и мне ничего не остается, как уйти в отставку... Если будут остановлены танки, кампания затянется и может оказаться проигранной... Еще неделя-другая затяжки, и Франция может отвергнуть тех, кто сдерживает ее народ в сопротивлении... Все преимущества пойдут насмарку! Можете это сообщить немедленно барону!

Ну нет! Этого-то я как раз и не собирался делать!

Не мне служить немецкой победе над Францией. У меня даже родилась надежда, что Франция наконец-то проснулась от летаргической спячки. Этому могла содействовать только оттяжка наступления. Сами же немецкие генералы готовы были дать отсрочку для решения судьбы, и нации, и всей войны, ибо, конечно, только авантюризм был союзником их продвижения.

Генерал дал телеграмму командующему группой армий о передаче командования над корпусом и испросил разрешения выехать к нему с докладом.

Но войну вели не фон Клейст и не фон Рундштедт, Через полчаса была получена ответная радиограмма.

Я опять почувствовал чью-то сильную руку, властвующую и над генералом и над германским фюрером. Генералу было приказано дождаться генерал-полковника Листа, командующего полевой армией, продвигающейся за танками генерала.

Генерал встретил Листа и доложил ему в присутствии офицеров о своем конфликте с фон Клейстом. Генерал-полковник

не очень-то и вслушивался в его жалобы, Он разрешил продвижение танков вперед именем командующего группой. Генерал мне потом заявил:

- Они не хотят разделить со мной ответственности.

Обычную войну, согласно теории военного искусства, не нужно было и начинать. И они знают, знают, на чем строятся мои расчеты, но перед историей хотят остаться чистенькими... Вы успели сообщить о конфликте барону?

Я ответил:

- Барон не нуждается в столь детальной информации... Я полагаю, что он в курсе всех споров и распоряжении по армии.

Я был уверен, что не отступил от истины. Рамфоринх и весь "кружок друзей" следили за событиями из своих берлинских резиденций.

Между тем разразился первый серьезный бой. Французские танки остановили немецкую колонну танков v окраины небольшого французского городка в Ольнонском лесу. Разведка сообщила, что навстречу немецким танкам выдвинулась танковая дивизия генерала де Голля. Немецкие танки тут же в панике попятились, открыв УЯЗВИМЫЙ фланг корпуса и всей танковой группы Клеиста. Вот тут пригодилась бы пехота и се полевая артиллерия. Французский танк "Б" оказался неуязвимым для 37- и 20-мм немецких танковых пушек. В то же время снаряд из пушки французского танка насквозь прошивал немецкую броню.

Генерал сам встал к противотанковой пушке.

Артиллеристом он оказался отменным. Его снаряды один за другим разбивались о броню грозных французских машин и не причиняли никакого вреда. Он ушел с позиции под защиту зенитных батарей, которые в одной хотя бы точке остановили продвижение французских танков. Прямо по рации, открытым текстом он запросил разведку штаба группы армий, не ведет ли на него наступления вся дивизия целиком. Оттуда его успокоили, сообщив, что де Голлю дан приказ высшими французскими военными властями прекратить наступление, что действует всего лишь танковая рота, а дивизия оттягивается в резервную армию под Парижем, которая должна не наступать, а обороняться.

Атака не была отбита: французские танки отошли сами. Я написал Рамсроринху:

"Господин барон!

Я был свидетелем боевого столкновения с французскими танками, когда они взялись за дело всерьез. В несколько минут они затупили острие немецкого наступления и отбросили немецкие танки назад".

Через два дня немецкие танковые колонны устремились к Ла-Маншу по чистому полю, не имел впереди заслона из французских танковых дивизий.

Фронт союзников разорван. Основные силы отрезаны от центра, моторизованные части отрезаны от баз снабжения,

рвалась связь между штабами. Генерал шел на Дюнкерк, где сосредоточился английский экспедиционный корпус для переправы через Ла-Мапш.

Сорок 41раицузских и английских дивизии, отсеченных от столицы, пробиваясь на юг, могли бы еще сорвать немцам победу. Но дивизии сдавались в плен, а англичане устремились в Дюнкерк, сами влезая в мешок, из которого не было никаких шалсов вырваться...

20 мая одна из дивизий нашего генерала вышла на побережье.

Всякая отсрочка приводила генерала в неистовство.

И я не знал, когда в нем берет верх солдат, а когда политик. В первые дни он был больше политиком, теперь он рвался к завершению операции, забыв, что все наступление ему было искусственно облегчено и что на последнем этапе могли вступать в силу неизвестные положения сговора.

22 мая он готовился двинуть танки на Дюнкерк, где сосредоточился английский экспедиционный корпус.

Но рано утром, 22 мая, он получил приказ взять другое направление, а одна из его дивизий была выведена в резерв. Французы контратаковали. И я опять был свидетелем, как они малыми силами легко теснят немцев.

Тогда в штабе корпуса никто еще не знал судьбы, уготованной экспедиционному английскому корпусу в Дюнкерке. Генерал считал, что фон Клейст и никто другой виновен в проволочках и не дает ему инициативы.

Дюнкерк был в огненном кольце, танковый удар - и все было бы кончено. Но приказа об ударе на Дюнкерк не поступало. Танки приблизились к городу, они достигли реки Аа, все было готово для штурма. Штурм предполагалось начать 24 мая. И вдруг приказ верховного командования: "Дюнкерк предоставить авиации. Если овладение Кале натолкнется на трудности, то и этот город тоже предоставить авиации. Удерживать побережье Ла-Манша. Перерыв в операциях использовать для ремонта машин". Категорически воспрещалось переправляться через реку Аа и вести какие-либо боевые действия на Дюнкерк. Этим приказом было остановлено все левое крыло наступающей немецкой армии.

Генерал ринулся к рации. Связался со штабом группы армий. Ему ответили, что этот приказ отдал фюрер, что никакому обсуждению он не подлежит.

Все же отдельные части переправились через Аа. Но тут же последовали новые приказы сверху. Войска были остановлены на окраинах города. С наблюдательного пункта корпуса было видно, что на Дюнкерк идут волна за волной пикирующие

бомбардировщики, что город горит, видны были сотни судов всех типов, на которые грузились английские солдаты. Это тоже была игра в поддавки, по теперь те силы, которые открыли путь немецким танкам во Францию, предоставили возможность эвакуироваться английским солдатам.

Я мог только удивляться, что побуждало генерала искать объяснения... Разгромив Францию, Гитлер давал возможность Англии выйти из войны; уничтожив английский корпус, он терял всякие шансы на мирные переговоры с Англией.

В Центр сообщил, что английских солдат из Дюнкерка выпустили. Начинался новый тур игры Гитлера с Англией, прикидка - нет ли возможности привлечь ее как союзницу в поход на Восток.

Рамфоринх и несколько его коллег появились ночью па командном пункте корпуса. Утром они наблюдали за эвакуацией англичан. Рамфоринх забрал меня с собой.

Моя миссия была окончена.

- Вы сдержаны в оценках, - заметил он мне. - Победа полная, победа, которой Германия никогда не могла добиться над Францией... Теперь у нас в руках весь оружейный арсенал Европы...

Влияние "кружка друзей" на английских коллег ослабло, в их среде начались свои несогласия, и перед Гитлером возникла дилемма-воевать на два фронта или остановиться на полпути.

Этакие мысли частенько стали посещать и фон Рамфоринха, а мысли Гитлера были зеркалом мыслей Рамфоринхов, Круппов и других.

И даже те, кто открыл дорогу немецким танкам во Франции, Рамфоринх и его коллеги, даже они разделились во мнениях. Они были твердо убеждены, что их личное благополучие не зависит от исхода войны. Поход в Россию для них имел смысл даже с простейшей грабительской целью. Вывезти сырье, используя временные успехи, а потом хоть трава не расти. Они все равно в выгоде. Иные уверовали, что может быть и победа, однако, не опасаясь для себя лично и поражения.

- Я не проиграю войны! - повторял Рамфоринх. - Это для меня исключено. Большевизм не пустят .на запад его же нынешние союзники.

Мне всегда было интересно с ним спорить.

- Но миллионы немцев погибнут ни за что?

- Народ?

- Да, народ! - ответил я твердо.

Слово "народ" всегда разжигало Рамфоринха.

- Что такое народ?! - восклицал он в ярости. - Почему народ-

это те, кто пашет землю, доят коров, крутят руль у машины или забивает гвозди? Почему это народ, а я не народ? Их много, а нас мало? Это несерьезное измерение! Этот народ был народом, когда охотились на мамонтов. А история показала, что людская масса-это строительный материал, как камень, как кирпич, руда и все остальное...

- Человеконенавистничество не привилегия двадцатого века... Оно придумано значительно ранее!

- А! Человеконенавистничество! - отмахнулся барон. - Это слабенький аргумент. Вы же не можете отрицать, что быть Рамфоринхом-это тоже талант! Талант, который родит таланты и извлекает их из безликой массы! Если бы мы не покупали картин, то не было бы художников, если бы мы не предъявляли к ним требований, искусство не имело бы своих шедевров! Все Возрождение-это высокий вкус купца и магната, а потом уже виртуозное мастерство Леонардо, Рафаэля и Микеланджело! Имелся бы покупатель со вкусом - и сегодня найдутся Рафаэли... На чьи они существовали деньги, для кого писали, чьи исполняли заказы? Безликой массы?

Кто двинул танки нашего генерала и открыл им дорогу?

Вы нелестно отозвались о немецком солдате, но вы не можете отрицать, что кампания во Франции выиграна с блеском! Не солдатом выиграна! Не народом! На.м наскучили революции, бесконечная демагогия в защиту безликой массы, бесконечные ее претензии. И мы организуем по-своему мир. В этом мире безликая масса будет выполнять механическую работу.

Рамфоринх подошел к глобусу и нежно погладил его.

Глобус медленно вращался.

Он подозвал меня.

- Заманчивая картина! Год назад ни по населению, ни по промышленному потенциалу Германия не превосходила Россию... Только год-и как все изменилось! Выплавка стали превосходит вдвое выплавку стали в России, угля вдвое, есть и нефть... Союзники надежны, они покорены!

- Стало быть, Россия! - подтолкнул я барона.

- Альтернатива... Я вам о ней говорил...

Берлинское радио и немецкие газеты широко оповестили мир о приезде в Берлин наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, о его встречах с Гитлером. Текст коммюнике невнятен. Общие фразы. Не случайно, должно быть. Рамфоринх заслал меня на эти дни в горную резиденцию, быть может, опасался какой-либо моей неосторожности и повышенной бдительности гестапо. Молотов уехал, барон появился в горной резиденции и поспешил рассказать мне о предложении Гитлера в беседе с Молотовым

поделить наследство Британской империи.

Германия и Италия получали Европу и Африку, Япония-Юго-Восточную Азию, Советскому Союзу любезно предоставлялась Индия, вплоть до Индийского океана.

- Здесь и ответ! - заключил он. - Если Москва примет предложения, мы не пустим Гитлера в Россию...

Это уже было совсем прозрачно. Рамфоринх и сам заметил нарочитость своего хода. Он усмехнулся и поправился:

- Впрочем, это моя позиция... Густав Крупп фон Болен за поход в Россию...

К тому времени в Швейцарии вышла книга бывшего соратника Гитлера, близкого ему человека, эмигрировавшего из Германии, некоего Раушнинга. Я изучил книгу и показал Рамфоринху особо примечательные страницы.

Рауцшинг сообщал о разговоре, состоявшемся в 1934 году. Гитлер говорил: "Вероятно, мне не избежать соглашения с Россией. Я придержу его, как последний козырь.

Возможно, это будет решающая игра моей жизни... Но она никогда не удержит меня от того, чтобы столь решительно изменить курс и напасть на Россию, после того как я достигну своих целей на Западе".

Рамфоринх пробежал глазами текст, полистал книгу и отбросил ее.

- Политики болтливы...

- Гитлер верен целям, которые выбалтывает...

- Службе Гиммлера не составило бы труда убрать Раушнинга, если бы его откровения были опасны...

Разговор наш затянулся. Он пригласил меня прогуляться по парку.

Аллеи парка прорублены в камне, на террасах декоративный кустарник, горные сосны, цветы. Под ногами гравии.

- Я был дающей стороной в нашем диалоге... - начал он. - Вы мне ничего не могли дать...

- Ваша откровенность была добровольной...

- Да! Я видел смысл в том, чтобы довести до Москвы некоторые свои мысли... Теперь у меня вопрос! Что Россия может противопоставить вооруженным силам Германии?

Меня предупреждали из Центра, что мои отношения с Рамфоринхом могут дойти и до этой грани. Но ои сам правильно оценил мои возможности.

- Вы на этот вопрос не можете ответить... Захочет ли ответить Москва, ни вы, ни я не знаем. Перед противником не принято раскрывать свои силы, но и прятать их опасно.

Из донесения в Центр:

"Рамфоринх обратился с просьбой дать заключение по выводам военного атташе, в Москве генерала Кестринга. Вот выдержки из его выводов, в том виде, в каком мне это показал Рамфоринх.

Тезис первый. Кестринг в донесениях утверждает, что Красная Армия значительно отстает от современных условий войны, что советская военная промышленность неспособна технически оснастить Красную Армию. Красная Армия, по Кестрингу, являет собой расшатанное строение, которое рухнет от первых же ударов. Цитирую Кестринга: "Я с давних пор считаю, что мы на длительное время значительно превосходим русских".

Тезис второй. Кестринг считает, что, как только немецкая армия войдет на территорию Советского Союза, обнажатся общественные противоречия. Население немедленно выступит с оружием в руках против коммунистов, вспыхнут восстания в крупных городах, украинцы, армяне, грузины и другие народности выступят против Москвы, и политический строй рухнет через несколько дней после начала войны".

Разъяснение из Центра:

"Кестринг-сын бывшего тульского помещика и торговца. Он эмигрировал после революции и не может простить Советской власти своих имущественных потерь.

Ненависть Кестринга к коммунизму мешает ему объективно оценить обстановку в Советском Союзе. Это может причинить Германии непоправимые бедствия. Кестринг подталкивает Гитлера, на войну, надеясь штыками немецких солдат вернуть свои помещичьи привилегии".

Рамфоринх дал мне возможность услышать еще одну его беседу с генералом.

Рамфоринх. Мы подводим к границе около двухсот дивизий. Советам достаточно иметь на службе хотя бы одного польского железнодорожника... Достаточно стрелочника или просто смазчика... Двести дивизий не выведешь на исходные рубежи для внезапного удара! Но Сталин до сих пор всеобщей мобилизации не объявил.

Это мы знаем твердо...

Генерал. Внезапности не может быть...

Рамфоринх. Точнее, расчет на перевес в силах в первые дни войны, молниеносный прорыв танками и выход к жизненно важным центрам, окружение приграничных армий...

Генерал. Поход в Россию сделался неизбежностью... Если неизбежность, я предпочел бы, чтобы Сталин провел мобилизацию запаса и выдвинул все свои наличные силы к границе.

Рамфоринх. Как мне вас понимать? Вы за то, чтобы у границы встретить главные силы Красной Армии?

Генерал. Я лично только в этом вижу возможность одержать победу в России... Наша армия приобрела инерцию движения, она сейчас - слаженный механизм!

Танки вперед, над ними авиация, моторизованная пехота, свобода маневра... С боями мы шли, как по расписанию, по Франции... Живо еще ощущение этой победы, солдат пои.вык к мысли, что победа дается малой кровью! Вся сила будет в первом ударе, и если мы в приграничных сражениях нанесем поражение главным силам Красной Армии, то Москва, Ленинград. Киев будут перед нами открыты... Если Советы будут вводить свои силы постепенно, сила нашего вторжения ослабнет, упадет инерция разгона, и мы вползем в затяжную войну!

Рамфоринх. И несмотря на все это, вторжение состоится?

Генерал. Состоится. В армии каждый солдат этого хочет, и армия придвинута к границе! Мы раскачивали армию несколько лет для этого вторжения... Гитлер не сможет ничем объяснить отход от советской границы...

И куда? Куда бросить двести дивизии?

Рамфоринх был сторонником прямых объяснен!!!:, поэтому я не стал смягчать вопроса:

- Я не верю в ваши симпатии к России, господин барон! Зачем вы мне дали услышать вашу беседу с генералом?

- Это не военная тайна! Некоторые наши диплол'аты уже намекнули советским дипломатам, что войнч решена...

- Зачем?

- Если Сталин мобилизует армию и поставит ее у границы-у нас остается возможность еще раз все взвесить,..

- Генерал уверяет, что это облегчит разгром России...

- Или Сталин решится на соглашение о разделе Британской империи...

- Но войска сосредоточены на границе, они готовы к маршу...

- У вас нет желания посмотреть, как начнется их марш?

- С теми же задачами, что и во Франции? Зачем это вам?

- Я сказал вам, что я воины не проиграю при любом исходе сражений... Но чтобы не проиграть своей войны, я должен знать из первых рук, как развернутся военные действия... О победе я узнаю без вас, а наше поражение вы увидите раньше других...

Это предложение было неожиданностью. Снестись с Центром я не имел времени. Если бы передо мной стояли задачи, какие ставятся перед военным разведчиком, лучшего варианта и желать было нечего. Но я был не военным разведчиком, в мои задачи входило изучение обстановки в промышленных кругах, их

взаимоотношений с фашистской партией, политические планы Гитлера.

Отказаться? Объявить барону, что отъезд на фронт для меня нежелателен? А может быть, он как раз и намерен удалить меня из Берлина, отдалить от себя в момент военного столкновения? Тогда и здесь, в Берлине, он может поставить меня в такие условия, что я не смогу получить какую-либо информацию. В то же время, находясь около генерала, я могу составить полное представление о реальной ударной силе немецкой армии. Правда, Москва это узнает и без меня, военные специалисты установят все это точнее и полнее. Мне же откроется настроение немецкого генералитета, их оценки хода военных действий, и я смогу проследить за реакцией барона и его коллег на ход военных действий.

Я попытался все же отложить предложение барона деликатным намеком:

- Мои выводы могут интересовать и Москву...

- Свое поражение Москва увидит и без вас, не прогудит и свою победу... А мне надо знать раньше Гитлера, раньше генерала, раньше всех, куда клонятся чаши весов...

14 нюня состоялось совещание высших генералов.

Рам4'юринх не поставил меня в известность, о чем говорил на совещании Гитлер. Я мог лишь догадываться, что отданы последние распоряжения, ибо Рамфоринх предложил мне наутро выехать с генералом на границу.

Генерал теперь командовал танковой группой, равной по ударной силе танковой армии.

В танковой группе генерала в трех танковых корпусах были объединены десять дивизий со средствами артиллерийского и авиационного усиления. В нее входили инженерные части и войска связи. Это было государство на колесах, организация для моторизованного переселения народов. Все это выглядело значительно внушительнее, чем во Франции, и я отметил для себя, что в танковых дивизиях оказалось немало трофейных французских танков. Французские партнеры "кружка друзей" постарались усилить Гитлера для движения на Восток. Увеличился парк тяжелых танков. Я обратил внимание, что изготовлены они на чешских заводах.

Сила огневого удара группы огромна. Танки, самоходные орудия, подвижная артиллерия всех калибров, у каждого солдата автомат, скорострельные пулеметы, огнеметы, многоствольные минометы, танки, приспособленные для форсирования рек под водой.

Я понимал, когда танковая армада начнет движение, все мои

сообщения об ее движении не будут иметь никакой ценности.

Я с трудом нашел возможности передать все, что видел, в Центр. Связь на некоторое время обрывалась.

Теперь трудно было представить, что какая-то сила могла бы предотвратить войну. Солдаты ликовали, им казалось, что в нескольких бросках от исходных позиций лежит страна, отданная им на разграбление, что они безнаказанно пройдут по русской земле. Офицеры были деловиты, торжественны. Генералы решительны.

Из донесения в Центр:

"Нападение подготовлено на последнюю декаду июня. Даже если Гитлер попытается его отменить, неизбежны провокации вдоль всей границы. Подготовлено движение войск на Ленинград, Минск и Киев. Ударная сила на центральном направлении-танковые группы".

21 июня генерал выехал с оперативной группой в передовые части на границе. С наблюдательных пунктов можно было видеть в бинокль все, что происходит в крепости Брест. Рано утром мы видели разводы караулов в крепости под оркестр, потом начались спортивные игры, быть может, даже состязания. К красноармейцам и командирам приехали гости. Шла тихая, мирная жизнь, ничто не обнаруживало повышенной боевой готовности или хотя бы какого-то беспокойства. В опергруппе имелась карта огневых точек и дотов по берегу Западного Буга в районе крепости. Офицеры разведки помогли нам в бинокль найти эти точки. Укрепления безлюдны. Войск не видно. В траншеях не наблюдалось никакого движения. Генерал собрал опергруппу и командиров частей.

- Что означает это спокойствие? - поставил он вопрос.

Один из командиров танковых полков ответил:

- Нам непонятно это спокойствие. Мы даже думали, не отменил ли фюрер наступление?

- Нет! Не отменил, - твердо произнес генерал. - Мы должны быть готовы к утру...

Командир дивизии предложил отменить часовую артиллерийскую подготовку, поскольку укрепления не заняты советскими войсками, можно было сэкономить снаряды.

Генерал задумался. Вообще он был реалистом, но каждое событие пытался изображать как историческое.

Война должна начаться с артиллерийского грома!

- По каким целям? - переспросил полковник.

- Цели не всегда те, что видны глазом. Те, кто тут же с нами вступит в бой, должны ощутить, какая на них обрушилась сила! Это их деморализует... Я помню танковую атаку в Ольнонском

лесу. Французские танки опрокинули наши отряды. Они были неуязвимы для нашей артиллерии и двигались сквозь наш танковый строй.

Но они сами прекратили атаку. Почему? Они не поверили в свой успех, не поверили, что танковая рота может добиться эффекта. Как же так, немецкие танки прошли сквозь Бельгию, форсировали Маас, прорвали фронт, и вдруг танковая рота де Голля заставила их попятиться? Они не поверили в свои силы! Поэтому я оставляю часовую артподготовку для демонстрации и устрашения!

Стрелки часов неумолимо двигались вперед.

С ужасом и душевной болью я смотрел на то, что происходит на моем восточном берегу, в моей стране.

В реке купались детишки, маячили над кустами удочки рыболовов...

Мы остались с генералом одни на наблюдательной вышке. Он был мрачен и молчалив. Я не удержался и сказал ему:

- Русские не собираются воевать... Это почти чудо, но обеспечена внезапность!

- Внезапность! Это очень сложные понятия в современной войне... Внезапность - это удар по войскам, внезапность при ударе в пустоту теряет свое значение. Мне было бы легче, если бы я видел укрепления, ощетинившиеся ожиданием... Легче разрубить мечом железную кольчугу, чем шелковую косынку!

- Может быть, приказ о наступлении отменен?

Генерал машинально посмотрел на часы. С раздражением махнул рукой:

- не может быть отменен!

В 3 часа 10 минут 22 июня генерал поднялся на наблюдательную вышку, неподалеку от Бреста. Над рекой курился легкий туман.

Загудела земля, и западный берег Буга вспыхнул сначала зарницами, а потом разгорелся заревом. Началась артиллерийская подготовка из всех видов артиллерийского оружия.

Восточный берег Буга объяло пламя. Горели деревни, огненные купола поднялись над лесом, сгустилась тьма.

Дым и гарь заволокли окрестности, зарево не в силах было пробить черной мглы.

Когда кончилась артподготовка, в небе появились самолеты. Волна за волной, волна за волной...

В 4 часа 15 минут двинулись танки передовых частей.

Они выползли из укрытий в предполье и на полном ходу устремились к реке. Впереди шли танки для переправы под

водой. Они ушли в воду и через пятнадцать минут появились на том берегу. Инженерные войска начали наводить понтоны.

В седьмом часу утра генерал счел возможным переправиться на восточный берег. Начали приходить донесения, что "сопротивление противника везде подавлено".

Он не потерял чувства юмора.

- Сопротивление? Кто им здесь сопротивлялся?

Наверное, эта фраза предназначалась не мне, а барону, но я заметил, что ему доставляло интерес быть со мной более откровенным, чем со своими офицерами.

Два бронетранспортера, несколько специальных машин повышенной проходимости, два танка охраны и бронемашина генерала двинулись в глубь советской земли.

По донесениям из частей прорыва мы ехали по земле, где "было подавлено сопротивление противника".

Дорога пролегала деревней и лесом.

Деревня медленно догорала, не осталось ни одной избы, все было перерыто воронками от снарядов, месиво головешек, битого кирпича, домашней рухляди, которую не брал огонь. Но на дороге и другие следы. Два обгоревших немецких танка. Генерал остановился возле них.

Вышел из бронемашины. При нем извлекли сгоревших танкистов. Очевидцев гибели этих двух бронированных чудовищ не было.

Генерал осмотрел танки и спросил:

- Что случилось? На танках нет следов от снарядов! Если бы это было в деревне, я понял бы так, что они сами наскочили на огонь... Как их сожгли?

Но никто ничего объяснить не мог.

В лесу на повороте дороги мы наткнулись на обгорелый бронетранспортер. Возле транспортера вразброс лежали трупы немецких автоматчиков.

Здесь уже можно было обнаружить следы боя. И не в зоне укреплений. Генерал обошел поляну. Мы насчитали тридцать немецких трупов, генерал отыскал в кустах труп советского пограничника. Он лежал, уронив голована щиток пулемета "максим".

- Славная смерть! - сказал генерал. - Но не один же он сжег бронетранспортер?

Генерал остановил колонну. Автоматчики по сигналу офицера охраны попрыгали из бронетранспортера и окружили поляну. Из бронемашины вышел генерал.

Сопровождающие подошли к бронетранспортеру.

Двое в штатском. Я и немецкий писатель.

В руке у него тут же появился блокнот и серебряный карандашик-нацелился записывать изречения генерала.

Ни от снаряда, ни от ручной гранаты бронетранспортер повреждений не имел. Специалисты сразу же установили, что гореть начала краска, а затем уже огонь охватил бензобак.

Автоматчики все до одного были обнаружены на поляне. Полный расчет бронетранспортера.

Генерал помалкивал, писателю нечего было занести серебряным карандашиком в записную книжку с золотым обрезом и символическим орлом на обложке.

Доложили, что в кустах обнаружен станковый пулемет. Коробки с расстрелянными лентами. От пулемета тянулся по траве кровавый след. Офицер охраны посоветовал генералу уйти в танк. Генерал отказался.

Да и чего опасаться? По дороге проходили немецкие танки и автомашины моторизованной пехоты, тянулась тяжелая артиллерия. На карте стояли отметки, что передовые танковые отряды углубились далеко от этой поляны.

Кровавый след привел автоматчиков к бронетранспортеру. Он протянулся мимо машины в двух шагах и свернул к лесу. В лесу нашли пулеметчика. Пограничник. Рядовой. Военный врач штаба группы насчитал у него тридцать пулевых ранений. Стало быть, из последних сил, истекая кровью, он, положив немецких автоматчиков, подполз к бронетранспортеру, зажег его и уполз в лес... Тут и настигла его смерть,

Подошел генерал. За ним поспешил писатель.

- Пишите! - сказал ему генерал. - Славная смерть!

- Вы хотите, чтобы я прославил героизм противника? - спросил писатель.

Генерал был мрачен, под вызывающей холодностью он прятал свою ярость, свое беспокойство. Он искал выхода для своего гнева и обрушил его на гитлеровского любимца с серебряным карандашиком.

- Не опасайтесь отнять славу у немецкого солдата.

- Если я сообщу, что один русский убил тридцать немецких солдат, то...

- То вы этим покажете, с каким противником, с каким опасным и трудным противником пришлось встретиться немецкому солдату! И если мы побеждаем такого противника...

- Да, но тогда у немецкого читателя возникнет вопрос, когда же мы войдем в Москву?

- Когда - это не вопрос! - опять оборвал генерал писателя.

- Нет - это вопрос! - откликнулся писатель. - Рейхсфюрер, направляя меня в вашу группу, высказал уверенность, что это

произойдет на восьмой день войны...

Имеет ли смысл при таких условиях говорить о героизме противника... Я не успею по этому поводу изложить свои рассуждения, как в газеты придет сообщение о падении Москвы...

Спорить с рейхсфюрсром, даже заочно, генерал не пожелал.

Он направился к бронемашине, но по дороге, через плечо, все же счел возможным бросить несколько слов писателю:

- Я все же советую вам сфотогра4)ировать это поле боя...

Генерал направился к командирскому танку.

Лесная дорога исполосована гусеницами, по обочинам повалены деревья, изрыты кусты, трава опалена выхлопами газов.

Неширокая речка. На карте она обозначена как рубеж, который был преодолен еще на рассвете. На карте значилось, что мостик через речку охраняется немецким патрулем.

Охраны не оказалось. Впереди маячили ракитные кустики, шел глубокий след по лугу к броду. Танки свернули к броду, бронетранспортер с автоматчиками на мостик.

Я с писателем сидел в бронемашине, замыкающей подвижную группу генерала. Самая удобная позиция для обозрения всего, что произошло около мостика.

Из ракитника по бронетранспортеру кто-то открыл пулеметный огонь. Затем вспышка на бронетранспортере, и по его бронированным бокам побежало змеистое пламя: рухнул мостик, бронетранспортер носом провалился в речку, взорвалась ручная граната.

Командирский танк круто развернулся на месте и открыл ответный пулеметный огонь. Генералу, командующему танковой группы, пришлось самому вступить в бой и отбиваться от нападения.

Два танка двинулись к мостику, автоматчики выпрыгнули из второго бронетранспортера и залегли цепью.

Цепи подняли в атаку два офицера охраны и тут же упали, скошенные из кустов пулеметной очередью.

По кустам била танковая пушка.

Из бронемашины было видно, как вдоль берега, укрыкаясь между ракитами, отступали к лесу пограничники.

За ними вдогонку пустился второй танк. Взрыв. И танк закрутился на месте. Ручная граната порвала ему гусеницу.

Пограничники отошли в лес. Оттуда открыли огонь из пулемета. Автоматчики опять залегли.

Командирский танк перенес пушечный огонь на опушку леса.

Пулемет замолчал. Командирский танк зацепил второй танк на буксир, и вся группа двинулась вперед.

Мы провожали передовые отряды танковой дивизии прорыва

несколько километров. Вся ударная сила армейской танковой группы пришлась по мирным деревням и селам. Горели сосновые леса. Из Бреста доносилась артиллерийская канонада. Крепость сопротивлялась. Но генерал и не предполагал атаковать ее танками,он ожидал подхода тяжелых гаубиц и мортир, а также пехотных частей.

В седьмом часу вечера мы вернулись на командный пункт. В штабе царило оживление, если не сказать, ликование. К генералу рвались с донесениями.

Я не понимал, что происходит. Я мог предположить, что главные силы Красной Армии специально, с умыслом, оттянуты от границы, чтобы встретить врага на марше, но где же советские истребители, где бомбардировщики, почему они разрешают свободно двигаться танковым колоннам? Я мог предположить, что главные силы Красной Армии готовятся встретить врага на укрепленных еще до войны оборонительных рубежах, но авиация уже должна действовать против танков и против немецких самолетов. Можно было с ума сойти от недоумения и отчаяния.

Нельзя же было втайне сосредоточить три группы армян на границе, нельзя было не видеть, куда устремляется гитлеровская армия. Мне было известно, что тогда же, зкогда Рамфюрннх объявил мне о восточном походе, такого рода предупреждения поступили в советское посольство в Берлине.

Пожары, расстрелянные колонны беженцев на дорогах... Если бы немцы вошли в пустые, безлюдные деревни, я бы предположил, что их ждут в глубине обороны. Но почему же не эвакуировано мирное население?

Вот тебе еще одно испытание, разведчик! Искать утешения было не у кого.

Офицеры ликовали, солдаты веселились, все это было нестерпимо, но генерал мрачнел час от часа.

- Я не люблю пустоту! - отвечал он на восторженные доклады командиров корпусов, дивизии и офицеров штаба. - Где танки? Где русские танки? вопрошал он у подчиненных, словно они были виновны в том, что не встретили русских танков.

Сообщение о первом столкновении с русскими танками пришло только к вечеру. Бой развернулся под Пружанамп.

К Пружанам успели подтянуться значительные силы.

Бесперебойно и беспрепятственно работали все мосты и переправы через Западный Буг, и по ним непрерывным потоком двигались войска. До темноты шли волнами самолеты на восток, тяжело груженные бомбами. Генерал требовал донесений, и самых подробных, о первом танковом бое.

Ночью пришло донесение, что Пружаны заняты, что бой

закончен уничтожением русских танков.

Он не скрывал своей радости.

На другой день утром командный пункт танковой группы был переброшен в Пружаны, и я получил возможность осмотреть поле боя с нашими танками.

Ремонтники очищали поле боя, растаскивая на тросах немецкие танки и русские БТ-7. Наши танкисты, не имея возможности огнем своих пушек поразить немецкий танк, шли на таран. То там, то здесь торчали остовы немецких бронетранспортеров. Они не боялись этих наших танков: их T-III и T-IV были сделаны из более крепкой брони, ее не пробивали пушки БТ-7. Генерал боялся, что "у русских окажутся тяжелые танки".

Командир дивизии, к которому мы прибыли на командный пункт, сиял от восторга.

- Вперед! Вперед! - встретил он генерала многозначительным возгласом.

- Через три дня в Минске, и кампания окончена! Даже ранее, чем предполагали в генеральном штабе! - ликовал он.

Генерал расстелил карту и провел карандашом черную жирную черту от Белостока на юго-восток, уперев се в левый фланг своей группы.

- Следите за левым флангом! Мне не ясно, что там происходит.

К вечеру второго дня бои завязались по всей полосе наступления танковой группы, отовсюду доносили о потерях. Причем потери к вечеру значительно возросли, с правого фланга пришла паническая сводка о тяжелых боях, о непрерывных контратаках русских.

На ночь генералу освободили и очистили уцелевшую избу в глухой белорусской деревеньке.

Из красного угла, освещенного автомобильными лампочками, мрачно глядели почерневшие от времени и лампадной гари лики святых. Посреди избы-сколоченный из грубых досок стол, вдоль стены-лавка. За стеной и на потолке скреблись не то мыши, не то крупные жукидровосеки.

Дико выглядели на полу и на специальных подставках телефонные аппараты и рация генерала в этой избе.

Он расстелил карту, склонился над ней, изучая нанесенную на ней обстановку в штабе. Обернулся к офицерам:

- Обращаю ваше внимание! За два дня по горным дорогам в Арденнах, где приходилось растягивать колонну в цепочку, мы прошли без всяких потерь. А здесь не прекращаются атаки русских... Мы нисколько не продвинулись справа... А завтра или

послезавтра у нас начнется неприятность слева...

Утром 24 июня, на третий день войны, генерал с опергруппой двинулся за передовыми частями. На этот раз он ехал в танке, за ним следовали два танка охраны, бронемашины с офицерами, в бронетранспортереавтоматчики.

Не успели отъехать и десяти километров от командного пункта, как вступили в бой. Немецкую пехоту теснили с дороги. Пограничники и красноармейцы обстреляли танк и подбили транспортер. Автоматчики попытались контратаковать, но залегли под их огнем. Генерал развернул свой танк, а за ним двинулись и танки охраны.

Три танка против пехотинцев-это, конечно, бой не равный. Красноармейцы и пограничники отступили в лес.

Генерал оставил автоматчиков для охраны шоссе.

На командном пункте дивизии оказались командир танковой дивизии, командир танкового корпуса, подполковник из группы армий, командир противотанкового артиллерийского дивизиона.

От прямого попадания снаряда вспыхнула и запылала грузовая машина, повалил черный дым, из дыма и огня вырвались на площадку два русских танка и открыли огонь. Генералы попадали на землю. Двое из них были тяжело ранены. Танки опрокинули одну из бронемашин и развернулись тут же для боя с немецкими танками T-IV.

Я не сразу понял, что происходит.

На два наших танка наседал десяток немецких. Но наши не пятились, а ринулись тут же в контратаку, не обращая внимания на огонь немецких пушек. Я не сразу понял, что это наши танки. Незнаком был мне их силуэт, непривычна была их масса, вооружены они были значительно сильнее БТ-7.

Танки T-IV расползлись, избегая боя на близкой дистанции, но два из них, маневрируя, подставили свои бока и тут же запылали факелами. С крыши кирпичного здания открыла огонь по русским танкам зенитная батарея. Танки ответили несколькими выстрелами из пушек и ринулись в городок, занятый немецкими войсками, сея панику и сокрушая на своем пути скопления автомашин.

Я мог проследить их путь только по откатывающейся от окраины артиллерийской стрельбе.

- Что это за танки? - спросил генерал у командира дивизии, поднимаясь с земли. - Почему они оказались у вас в тылу?

Командир дивизии со взводом танков охраны устремился к городу. Солдаты подняли с земли два трупа.

Были убиты подполковник и командир корпуса. Командир дивизии, вернувшись, отрапортовал, что два русских танка

уничтожены на городских улицах.

- Я хотел бы их осмотреть, - сказал генерал.

Командир дивизии замялся:

- Туда ехать небезопасно.

- Отбуксировать эти танки сюда! Это не БТ-7. Я должен видеть эти два танка...

- Боюсь, что там нечего рассматривать...

- Привезите хотя бы кусок брони!

Командир дивизии замолк.

Генерал что-то хотел сказать, но сдержался, резко повернулся, сел в свой танк, приказав нам следовать за ним на командный пункт группы.

Мы не проехали благополучно и нескольких километров. На шоссе в танк генерала полетели ручные гранаты, застрочил пулемет, артиллеристы развернули для огня противотанковую пушку.

На этот раз генерал не решился ввязаться в бой, а на полной скорости проскочил мимо, бронемашины опергруппы развернулись, и мы отступили к городку, где стояла танковая дивизия. На командный пункт мы пробились лишь на другой день.

По-прежнему сопротивление танковой группе на всем протяжении фронта возрастало. Четвертый день правый фланг танкового клина не мог сдвинуться с места. Правофланговый танковый корпус нес тяжелые потери от продолжающихся контратак частей Красной Армии, но вместе с тем и усилился нажим на ее левый фланг со стороны Белостока. Оттуда пробивались из окружения крупные части Красной Армии. Генерал собрал свои штаб, прибыли командиры дивизий, командиры корпусов.

Совещание проходило в просторном классе деревенской школы. На сдвинутых партах лежали карты.

- Танки идут вперед! Впереди в двух переходах Минск! Над Минском нависают танки из группы Готта.

Можем ли мы взять Минск? - спросил генерал.

Я наблюдал за офицерами. Вопрос прозвучал для них неожиданно.

Один из командиров дивизии тут же ответил:

- Я думаю, что на это понадобится еще два дня...

Генерал устало, в знак согласия прикрыл веки.

И еще один командир дивизии добавил:

- В направлении на Минск я ощущаю ослабление сопротивления русских...

Генерал не садился. Он расхаживал вдоль классной доски.

Остановился и коротко спросил:

- В чем состоит главная цель наступления?

Сам ответил:

- Главная цель всякого наступления-это уничтожение живой силы противника. Мы наступаем четыре дня... Мы взяли в клещи значительную группу русских войск в районе Белостока, но и сегодня испытываем ее давление... Я хочу поставить вопрос: кто окружен? Русские пробиваются сквозь наши боевые порядки к своим главным силам. Мы наступаем на главные силы, отражая удары по флангам и тылам... Или мы поворачиваем дивизии на уничтожение русских под Белостоком, или берем Минск?

Командиры дивизий и офицеры штаба во главе с начальником штаба высказались за наступление на Минск.

Это совпадало и с директивой высшего командования.

Генерал подписал приказ о наступлении.

- Никто ничего не понял, - сказал он мне наедине, должно быть, через меня адресуя свои слова к барону. - Сегодня, на четвертый день наступления, мы могли вползти в затяжную войну, если бы повернули танки на уничтожение окруженных русских. Мы получили бы ее поблизости от наших баз... Позже мы ее получим на растянутых коммуникациях... Никто об этом сейчас не хочет думать...

27 июня танковые дивизии группы армий "Центр"

сомкнули кольцо вокруг Минска, танки ворвались в пылающий город, завязались уличные бои.

Штабной офицер со скрупулезной точностью нанес обстановку на общей карте всего Восточного фронта.

Карта рвала мне душу. Я жадно вглядывался в нее, пытаясь понять или хотя бы как-то объяснить для себя происходящее. Пали Вильнюс и Каунас, финны заняли Аландские острова, немецкий корпус оккупировал Петсамо, линия фронта прогибалась в направлении на Киев.

И это за четыре дня войны...

Где же главные силы Красной Армии, вступления которых я ожидал с часа на час? Я уже знал, что в первую же ночь немецкая авиация сумела вывести из строя значительное количество наших самолетов, я видел безмолвные танковые колонны, оказавшиеся без горючего. Но из Белостока продолжалось давление на левый фланг немецкой танковой группы, на правом фланге танки не имели значительного продвижения. Но к генералу приходили сводки из высших штабов, и получалось по этим сводкам, что между Минском и Москвой нет значительных соединений Красной Армии.

Ох, как нужна была мне в эти часы связь с Центром.

Не о передвижениях танковых дивизий я сообщил бы в Москву, не о их дислокации, все это текло и менялось.

Нет, я передал бы вопрос генерала к его офицерам, рассказал бы о его сомнениях, что движение немецких частей расписано по графику, а график не выполняется.

Единственно, на что я решился, - это послать письмо в Швейцарию по известному мне адресу и сообщить, где я нахожусь. Я указал, что состою при штабе генерала.

Н только. Никаких шифровок по почте отсюда я посылать не мог, иначе все погибло бы, и я уже не смог бы помочь своим. Я просил в своем письме дать мне оперативную связь.

Я тяжело засыпал, и мне снился один и тот же сон.

В руках у меня автомат, я открываю дверь, сидят они все, все те, кто окружает меня здесь, и они в ужасе корчатся под наведенным на них автоматом...

28 июня командный пункт танковой группы разместился в Несвижской пуще в бывшем замке князя Радзивилла, в недалеком прошлом одного из крупнейших польских землевладельцев.

В замок съехались многие командиры дивизий и командиры корпусов. Можно было бы открывать военный совет танковой группы. Военный совет никто не открыл, собрались лишь "поднять бокал за выдающийся успех немецкого оружия". Генералам и полковникам нетерпелось поделиться своими радужными надеждами. А тут их еще подогрела, казалось бы, пустяковая находка на чердаке. Офицер для поручений обнаружил в каком-то хламе порыжевшую от времени фотографию княжеской охоты. Возле убитого оленя несколько охотников в тирольском одеянии и среди них Вильгельм I, немецкий император времен франко-прусской войны. Генералов умилило, что немецкий император забирался в такую глубину белорусской земли. Это обстоятельство на полном серьезе было истолковано как неотъемлемое право немецкой нации на белорусские земли.

Я видел, что несмотря на успехи сопротивление русских войск беспокоит генералов.

- Если так дальше, - сказал кто-то из них, - к Москве мы придем без танков и солдат...

Но тут же на эти сетования выскакивал и готовый ответ:

- Не может быть! Там, в Москве, все должно рухнуть!

В этих беседах непререкаемым авторитетом звучал голос гитлеровского любимца, писателя с серебряным карандашиком.

- Никто не заметил из вас, - важно вещал он, пуская сизые кольца дыма, затягиваясь трубкой. - Никто не заметил, что Россию о воине оповестил Молотов, а не Сталин.

- Что это означает? - спросил генерал. Он не скрывал своей

неприязни к писателю.

- А это означает, что в Кремле идут перемещения.

А перемещения в Кремле в такой час-это кризис... Сталина снимут с поста, и большевики тут же между собой передерутся!

- А если не передерутся? - парировал генерал.

Писагель снисходительно усмехнулся.

- Я имел удовольствие, - продолжал он в столь же напыщенном тоне, читать донесения военного атташе из Москвы... Теперь это не секрет, я могу поделиться с вами, господа! Генерал Кестринг писал, что после падения Минска и Киева советский строй в России рухнет!

Агентура у Кестринга прекрасно работала... Ошибки быть не могло...

Генерал молча отошел от него.

Минул еще один день. Наступило 29 июня. Бои не ослабевали на всем фронте продвижения танковой группы, и вообще всей группы войск армий "Центр". Ничуть не ослабевая, а даже разгораясь, шел бой в районе Белостока. Окруженная группировка Красной Армии не сложила оружие, и командование полевой армии запросило у нашего генерала поддержки танками.

Пала Рига. Немецкие танки рвались к Ленинграду.

И тут неожиданность. Рамфоринх вызвал меня в Минск.

Генерал, узнав, что Рамфоринх приглашает меня в Минск, затеял со мной разговор.

- Какие интересы концерна побудили Рамфоринха приехать в Минск? спросил генерал. - Не торопится ли он?

Я ответил, что причины приезда Рамфоринха мне неизвестны.

Меня удивил тон генерала. Нерешительность проступала за его словами. Он никому из своего окружения никогда не сказал бы: "Я не могу вам навязывать своих взглядов..." А именно с этой фразы он и начал. Затем заговорил о моей молодости, о моем оптимизме. Я даже порадовался. Стало быть, сумел скрыть и свое мрачное настроение и отчаяние от того, что происходило на моих глазах. А потом объяснился:

- Я не хотел бы, чтобы господин Рамфоринх получил искаженное представление о положении дел на фронте... Надеюсь, вы не рассчитываете на прогулку по Москве через несколько дней...

Знал бы генерал, как я ликовал, услышав мрачные нотки в его голосе. Но я прежде всего изобразил удивление.

- Я слышал, что наш гость (я имел в виду писателя с серебряным карандашиком) близок к рейхсфюреру и к доктору Геббельсу... Он располагает самой точной информацией...

Генерал поморщился.

- Вы человек штатский, - ответил он мне. - Вам простительно не знать, кто располагает во время военных действий самой точной информацией. Никогда высшее командование, никогда командование группой войск... И даже командир дивизии видит все отраженно. Самой точной информацией располагает солдат...

Он прежде всех чувствует и нажим, и силу сопротивления противника...

- И что же чувствует сейчас солдат?

- Передайте барону, что солдат чувствует нарастание сопротивления.

- Но все это кончится, когда в Москве совершится переворот? - подбросил я прощупывающий вопрос генералу.

- Если бы сопротивление слабело, я мог бы надеяться на какие-то события в Москве... Сопротивление возрастает, значит, русские собирают свои силы... Война, - если она популярна в народе, - объединяет, а не разъединяет...

Мне трудно было удержать слезы. Они душили меня.

Передвижение войск, планы, схемы расположения частей... Все это важно, все это нужно, но вот понимание генералом событий, даже его ощущение хода событий, - это действительно сейчас было важным для Центра.

Отсюда, из штаба группы, у меня еще не было связи.

Я решил любыми средствами настоять, чтобы Рамфоринх хотя бы на один день взял меня в Берлин.

И Рамфоринх взволнован, стало быть, и оттуда, из Берлина, не всем видится ход войны, как был задуман, Он встретил меня вопросом.

- Что вы могли бы сказать мне? - спросил он меня.

- Минск пал... Немецкая армия имеет успехи... - ответил я осторожно.

Барон внимательно посмотрел на меня.

- Да, да! - подтвердил он. - Но я слышу иронию в вашем голосе. Это горечь за своих?

- Вы правы, господин барон! Радоваться мне нет причин!

Барон покачал головой.

- Самое удивительное, что и у меня мало причин для радости. Не взят Киев, стоит Ленинград! Что вы думаете о ходе войны?

- Я не очень понял, что происходит... Первые дни меня удивили... Но с каждым днем сопротивление нарастает... Об этом просил сообщить вам генерал!

- Просил? Подтолкнуть войска вперед, когда они не встречали сопротивления, это было возможно! Но как заставить их сломить сопротивление противника? Я хочу воспользоваться вами как переводчиком... Мне надо поговорить с русскими

пленными...

Мы выехали на бронированной машине на одну из дорог, по которой этапировали наших пленных. Барона сопровождал офицер из штаба группы армий.

Пыльный проселок... Такой обычный для России, словно нарочно его подбирали, чтобы сразу был похож и на белорусские, и на смоленские проселки, и на рязанскую землю, и на калужские лиственные рощи.

Деревенька на краю луга.

Хатенки, крытые соломой, над крышами свесили свои густые ветви тополя. На верхушках тополей и на крышах-гнезда аистов. Луг, дорога к броду через речушку, а на взгорке - лесная молодь.

Пыль стелется над дорогой, оседает на пожухлые листы подорожника, обволакивает низкорослый кустарник, гасит все звуки, даже голоса. Длинная колонна идет молча, шорох шагов в пыли...

Идут раненые и истерзанные люди, пропылились повязки, бурые от крови. Кто-то опирается на самодельные костыли, у кого-то руки в гипсе-этих взяли прямо из полевого лазарета. Босиком, без ремней, под дулами автоматов...

Первым Рамфоринх извлек чернявенького юнца лет девятнадцати.

Автоматчики отвели его в сторонку. Он забеспокоился:

- Зачем? Почему? - вопрошал он у автоматчика.

Рамфоринх обернулся ко мне:

- Объясните, никто ему худого не сделает...

Я подошел к чернявенькому. Он понял, что говорить ему надо со мной. Он сунул мне в руки "пропуск", листовку, которой немцы приманивали сдаваться в плен.

Захлебываясь, спешил объяснить:

- По пропуску! Я сам! Сам! Хайль Гитлер!

Он даже сумел выбросить в приветствии руку.

Сопровождающий офицер презрительно отвернулся.

У Рамфоринха этот жест вызвал усмешку.

В это время автоматчики выхватили из колонны еще одного человека. Пожилого, в командирской фуражке, с воспаленными глазами, с обожженной кожей на лице.

Ему можно было дать лет сорок. Очевидно, старый командир, судя по его осанке. Петлицы сорваны, но командирская фуражка и китель уцелели, стало быть, не скрывает своего звания. Под нацеленными в спину автоматами он вышел из колонны. Но он не встал рядом с чернявеньким, он повернулся к нему спиной и отступил в сторону.

Из колонны вытолкнули еще одного пленного в штатском. Он

молод, ему от силы двадцать пять лет. Остановился рядом с командиром. И еще двое, молоденький веснушчатый паренек в солдатской гимнастерке.

Рамфоринх смотрел на проходящих и указывал, кого ему вызвать.

Пленных отвели в сторонку, под тень придорожной ивы, но и не так-то близко к лесу. Между лесом и машиной барона встали бронемашина и бронетранспортер с автоматчиками.

Шофер вынес из машины портплед. Барон приказал угостить пленных пивом и положил перед ними несколько пачек немецких сигарет.

Первые слова, обращенные к пленным, содержали заверение, что он человек не военный, но ему интересно "побеседовать" с пленными, взятыми в бою немецкой армией, что его нисколько не интересуют военные тайны, что он ни в чем не будет побуждать нарушить военную присягу.

- Меня не интересуют даже их имена! - сказал мне барон. - Мне надо, чтобы они обрисовали свое общественное положение в России...

- Я не собираюсь утаивать ни своего имени, ни своего общественного положения! - тут же ответил командир и назвался батальонным комиссаром Рожковым Иваном Дмитриевичем.

Чсрнявенький юноша поспешил выкрикнуть:

- Я все открою! Я давно жду допроса!

- Кто вы, откуда? - спросил я у него.

- Дайте мне автомат! Буду бить коммунистов! Я ненавижу! Хотите вот этих пленных - из пулемета, из пулемета!

Барон и без перевода уловил смысл его слов. Он оживился. Автоматчик, обеспокоенный страстностью чернявенького, отжал его в сторонку и приставил к спине автомат.

- Он хочет воевать за Гитлера? - спросил барон.

- Он просит оружие... - пояснил я барону. - Клянется, что ненавидит коммунистов.

Последовал спокойный вопрос:

- За что он ненавидит коммунистов?

Не в характере Рамфоринха было доверять эмоциям.

- Вы должны объяснить, почему вы такой молодой и вдруг ненавидите коммунистов...

- И Советскую власть! - отрубил чернявенький. - Коммунисты разорили отца, отняли все, а потом убили...

- Что же у вас отняли?

- Не у меня! У отца! У отца был дворец, они отобрали дворец! Он был самым богатым человеком на юге, а умер нищим!

Я перевел. Барон разочарованно покачал головой.

- Этот мальчик мне неинтересен... Таких в России осталось мало...

Барон сделал знак рукой, автоматчик оттеснил чернявенького в колонну.

- Ваша очередь! - обратился я к Рожкову.

Он на шаг выступил вперед.

- Я коммунист и не боюсь этого сказать вашему господину. Меня ждет расстрел, и я скажу правду.

Я остановил Рожкова жестом руки и перевел его слова барону.

- Он чувствует себя смертником! - заметил барон. - Это может повлиять на высказывания. Объявите ему, что я распоряжусь. Его не расстреляют.

- Кто он, этот господин в штатском? - спросил Рожков.

- Он коммунист? - переспросил барон. - Ответьте ему, кто я такой.

Я назвал концерн Рамфоринха.

У Рожкова оживились глаза, он с большим, чем ранее, вниманием посмотрел на Рамфоринха.

- Говорить на немецком языке я не решаюсь! - сказал он, обращаясь ко мне. - Получится диалект, непонятный для окружающих... Но я понял все, что передал мне ваш господин... Передайте, я не принимаю от него дара. Жизнь в плену мне не нужна...

- А если мы освободим его из плена? Что он будет делать на земле, занятой нашими войсками? - спросил барон.

- Я перейду линию фронта и вернусь в строй! - ответил Рожков.

Я тут же задал вопрос:

- Почему же вы попали в плен?

- Мы два дня удерживали немецкие танки. Заняли круговую оборону. У меня оставался в пистолете последний патрон. Я предпочел его истратить на немецкого офицера.

Барон поинтересовался, какие у других командиров Красной Армии настроения.

- Такие же... - ответил Рожков. - Чем глубже немецкие войска проникнут на русскую землю, тем страшнее будет отступление... Тысячи километров покроются немецкими трупами...

Барон после перевода тут же ответил:

- Я уверен, что коммунизм рухнет после новых наших успехов, мы не воюем с народом, мы объявили войну коммунистам!

Рожков пожал плечами.

- Я не знаю ни одной советской семьи, которая не имела бы в

родстве коммунистов... Народ и коммунисты неразделимы, а потому и ничего не рухнет...

- Прекрасный агитатор! А? - воскликнул барон. - Я сдержу свое слово! Не из соображении альтруизма!

Я ХОЧУ, чтобы он понял - мы настолько сильны, что я могу позволить себе роскошь отпустить его на все четыре стороны...

Барон обратился к офицеру с просьбой отпустить комиссара из плена. Пожалуй, впервые за долгие годы я почувствовал радость.

- Поблагодарите своего господина! - сказал мне Рожков. - Быть может, я и доберусь до своих...

Он сдержанно поклонился, офицер сделал знак ему рукой, чтобы он уходил.

Рожков медленно, чуть сгорбившись, не в силах, быть может, подавить в себе опасения выстрела в спину, пошел к лесу.

- Побежит или не побежит? - спросил, ни к кому не обращаясь, офицер, но барон больше не проявил интереса к Рожкову. Он поманил к себе пальцем веснушчатого солдатика.

- А вы юноша? Кто вы?

- Я из Засечья...

- Сибирь?

- Нет! Есть такая деревня за Рязанью...

- Почему сдался в плен?

- Я не сдавался! Я залег в окоп и дождался, когда ко мне подполз танк... Рванул гранату у него под брюхом... Танк завис надо мной... Окоп осыпался... Откопали, вот...

- Это может быть правдой? - спросил барон у офицера.

Офицер с готовностью ответил, что такие случаи известны в штабе группы армий.

Остался молодой человек в штатском.

- Кто вы? - спросил я его.

- Я секретарь райкома комсомола... - ответил он. - Нас было шестеро... Мы подбили два танка, расстреляли машину с автоматчиками. Когда отходили в лес, натолкнулись на засаду, пробивались в рукопашную, вот я и попался. Зубами будем грызть немцев - так и передайте!

Рамфоринх что-то шепнул офицеру и в раздумье подошел к машине.

Шорох шагов в пыли. Мерный гул движения массы.

Пропыленные лица, бурые бинты...

Он постоял, глядя на колонну, и сел в машину.

Свернули на большак. Барон молчал. Я раздумывал, как выговорить возможность выехать с ним в Берлин.

Что-то неуловимо изменилось в Рамфоринхе. Его парадоксы,

его откровения и тогда не были бравадой, когда он приоткрывал мне скрытую расстановку фигур на европейской арене. Была в его словах и действиях несокрушимая уверенность в незыблемости его силы. Показывая мне, своему противнику, свою силу, свои ходы в игре, он даже наслаждался. Но что-то в нем изменилось.

И этот опрос пленных. Могли они ему в действительности что-то подсказать? С какой жадностью он торопится заглянуть вперед. Молчание не может быть бесконечным.

Я терпеливо ждал и дождался. Уже совсем другим тоном он вдруг произнес:

- Мы с вами сегодня заключили выгодную сделку.

- Мы с вами? - переспросил я с подчеркнутым недоумением, на всякий случай отстраняясь от того, что он попытается мне навязать.

- Да, да... Я понимаю... Вы не догадались. Но вы референт моего концерна. А я закупил для своих заводов вот эту партию военнопленных...

Чтобы поддержать его разговорчивость, я похвалил его за деловитость.

- Утром я совершил сделку с командованием...

- Вы утверждали раньше, что русские не могут быть квалифицированными рабочими в химической промышленности...

- Мы расширяем наше дело. Начинаем строить новые заводы. На стройке нужны землекопы, каменотесы и каменщики...

- И велика ли партия?..

Серые глазки Рамфоринха скользнули по моему лицу.

- Пока невелика... Для пробы... А зачем вам это знать? Это входит в круг ваших интересов?

- Вперед не угадаешь, что может оказаться в круге моих интересов... Мне сейчас очень хочется посмотреть на Берлин...

- Что же вас может интересовать в Берлине? Связь?

- Действительно, что может интересовать в Берлине?

Все, что я вижу здесь, мгновенно меняется, и я никогда не успею за событиями. Мне хочется посмотреть, как берлинцы восприняли войну, послушать, что они думают о войне...

- Понимаю! Вас интересует, не встанет ли на защиту страны социализма рабочий класс Германии? Не встанет! Те, кто мог встать, в тюрьмах и концлагерях.

- Однако мне очень хочется побывать в Берлине...

Хотя бы один-два дня погулять по городу...

Рамфоринх не спешил отозваться.

Опять долгое молчание.

- Хорошо! - отрезал он. - Вы поедете со мной в Берлин... Я

хотел ы, чтобы в очень узком кругу моих коллег вы рассказали бы все, что видели здесь, в России...

- Я! С каких же позиций?

- С позиций стороннего наблюдателя. С ваших позиций! Как видели начало войны. Мои коллеги не замешаны в массовом сумасшествии...

Гости Рамфоринха собрались в горной резиденции.

В кабинете с гобеленом, на котором парил доисторический ящер.

Когда я вошел, они сидели живописной группой возле письменного стола. Каждый, я это предугадывал, был личностью в своей империи. Рамфоринх мне их не представил поименно. Некоторых я узнал, их лица иногда мелькали на фотографиях в газетах в разделах светской хроники. Иные и на эту известность не претендовали, предпочитая оставаться в тени, довольствуясь необъятной властью, сосредоточенной в их руках.

Один был в форме СС, с высокими знаками различия.

Он представлял здесь один из стальных концернов. Люди пожилые. Самому младшему - за пятьдесят с лишком. Они сдержанно потягивали коньяк, курили сигары.

Рамфоринх объявил, что я готов любезно поделиться с ними впечатлениями о первых боях в России.

Я рассказал им, с каким восторгом солдаты переступили через советскую границу, однако не умолчал о сомнениях генерала относительно внезапности нападения.

Не упустил я случая нарисовать им картину боя на лесной поляне, где пограничник отдал свою жизнь за несколько десятков немецких автоматчиков, вспомнил о танковом ударе под Пружанами и о том, как генерал дважды ввязывался в мелкие стычки в тылу немецких войск.

Слушали меня молча и довольно бесстрастно, ничем не выражая своего впечатления.

- Потери, потери, потери... - так я выразил свою мысль хозяевам рурской промышленности.

Один из них задал вопрос:

- Не замечается ли разочарование у солдат?

Я должен был ответить правду.

- Нет! Солдаты все еще надеются, что вот-вот начнется развал русского фронта, как и во Франции...

- А он начнется? - бросил бригаденфюрер СС.

Рамфоринх опередил меня.

- Я попробую сам ответить на этот вопрос. - Он нажал кнопку на столе, и в кабинет ввели красноармейца из рязанского села Засечье, веснушчатого паренька лет девятнадцати. На нем была

все та же пропыленная, выгоревшая и прогорклая от пота и солнца гимнастерка.

На ногах тяжелые солдатские сапоги. Ежиком стриженные волосы.

- Солдат Артюхин... Из Рязани...

Артюхин повторил свой короткий рассказ о поединке с танком.

- Жажда самопожертвования? - спросил господин из "Рейнметалл Берзиг АГ".

- Если вы так поняли, - заметил я, - стало быть, я плохо перевел... Солдат Артюхин был уверен, что выйдет победителем из поединка с танком. Он утверждает, что все дело в ловкости и в позиции.

Сейчас же последовал вопрос от кого-то из гостей, а был ли случаи, чтобы этот солдат победил танк?

Артюхин ответил, что ему удалось поджечь два танка. И он объяснил, как это делалось. А генерал недоумевал, почему он встречал обгоревшие танки без следов повреждения гранатой или снарядом. От Артюхина я впервые узнал, что против танков применяются бутылки с горючей смесью.

- Два танка... И еще один... Три танка! - констатировал Рамфоринх. Один солдат и три танка... Этот солдатик беспокоит меня! Для того чтобы танк вступал в бой, нужно сначала добыть руду... Надо затем выплавить металл, пустить его под прессы, обработать и превратить в механизмы и, наконец, эти механизмы собрать... Затем этот танк надо вооружить, заправить горючим и посадить в него несколько человек экипажа...

И, оказывается, достаточно против танка такого вот солдатика!

Артюхина увели. Рамфоринх отпустил и меня. Гости остались совещаться...

На другой день из Берлина я послал донесение в Центр с описанием этой встречи и с подробным рассказом об изменениях в настроении генерала. Я настоятельно просил установить со мной оперативную связь на советской территории.

* * *

Что могло изменить совещание в кабинете Рам4юринха? Собрались частные лица, выслушали русского пленного, мое осторожное сообщение и разъехались по своим резиденциями. Но я убежден, что солдатик из-под Рязани сыграл в истории войны предначертанную ему роль.

Наступление немецких войск продолжалось. Танки достигли реки Березины. Стрела танкового удара нацелилась на Могилев, а генерал не находил успокоения.

- Где русские, где их главные силы?.. - вопрошал он сам себя вслух. - Я не люблю двигаться в настороженную пустоту... Не города нам нужны, а сражения, сражения и только сражения...

К ночи в штаб группы поступило сообщение авиационной разведки о том, что части Красной Армии накапливаются в районах Смоленска, Орши и Могилева.

Генерал сделал отметки на карте и задумался.

Шел десятый день войны...

На десятый день на Западе танки генерала мчались, почти не встречая сопротивления к побережью Ла-Манша. Впереди был Дюнкерк.

Десятый день войны, позади Минск, войска движутся на Могилев, на Смоленск, на их пути новый заслон, в тылу не прекращаются бои юго-восточнее Белостока и Гродно. Десять дней сражается белостокская группировка, отрезанная от тылов. Окружение?

Генерала нервируют бои в тылу, он поучает своих офицеров:

- Окружением обеспечивается полное уничтожение противника. Бои не утихают и нисколько не спадает их напряжение. Мы несем потери. Если бы мы оттеснили эту группировку-наши потерн были бы меньшими...

Просторный зал Несвижского замка Радзивилла успели переоборудовать. Зал обставили мебелью, полы застелили коврами. Но генерал был равнодушен к излишествам в походной жизни. Он был человеком одной идеи, честолюбие превышало все иные страсти. В войне он искал славу полководца.

Ковер глушил его шаги. Он ходил вдоль зала и сам себе отвечал на мрачные мысли.

- Мы делаем ставку на распад в тылу у противника.

Вперед и только вперед! Только вперед, не думая о неприятностях в тылу. Вперед, пока не подтянуты из глубины все силы противника. Или начнется крушение большевистского режима, или... Или мы получим затяжную войну!

2 июля генералу не удалось двинуть свои силы вперед. Сопротивление окруженной группировки Красной Армии в районе Белостока всерьез встревожило высшее командование. Из танковой группы были отозваны несколько дивизий и введены в развернувшееся сражение с окруженцами. Головная дивизия танковой группы достигла Березины под Борисовом. Генерал ожидал сообщений о форсировании Березины.

3 июля с Березины, из-под Борисова, пришли тревожные сигналы по радио. Это было похоже на сигнал "SOS".

Текста радиограммы я не видел, генерал объявил офицерам, что "русские сильно контратакуют!". Он тут же приказал подать

ему танк и выехал на Березину в сопровождении офицеров штаба.

Мы мчались к Борисову, к месту разгорающегося сражения.

По дороге, когда мы остановились на командном пункте корпуса, генералу сообщили, что под Борисовом контратакуют русские танки, поддержанные авиацией.

Я впервые услышал, что в атаку двинулись тяжелые танки, вспомнил, как два танка прошили под Слонимом насквозь немецкую оборону.

Из-под Борисова неслись тревожные радиодепеши:

"Русские танки неуязвимы".

Генерал приказал выставить против них французские танки. К Борисову были тут же стянуты все силы воздушного флота, обеспечивающие группу армий "Центр".

Генерал требовал беспрестанно, чтобы был подбит хотя бы один русский танк и отбуксирован в тыл.

Продвижение через Березину в районе Борисова было приостановлено, немецкие части попятились, а генерал спешно снял часть войск с кольца окружения. Встречиым ударом окруженные проткнули немецкую оборону, и в коридор устремились советские войска. Надежды на полное уничтожение окруженной группировки у высшего немецкого командования рухнули. На Березину пришлось стягивать две танковые группы, главную ударную силу всей группы армий "Центр".

Донесения с места боя шли очень противоречивые.

Командиры танковых подразделений сообщали, что их атакуют крупные силы русских, равные чуть ли не танковой армии. Авиаразведка доносила, что в районе Борисова действует всего лишь дивизия.

На командный пункт к генералу прибуксировали советский подбитый танк. Впервые я услышал наименование Т-34. Откуда немцы установили его маркировку, я не знаю, но дело не в маркировке. Танк приволокли с оборванными гусеницами.

Генерал приказал поставить противотанковую батарею, зенитные орудия и три танка T-IV, а также тяжелый французский танк Б на спешно оборудованном полигоне. Мотористы сняли мощность мотора Т-34 и танк выставили, как мишень перед батареями.

Генерал сам бил по нему из противотанковых пушек.

Все до одного выпущенные им снаряды попали в цель.

На лобовой броне остались лишь отметины.

- Установить уязвимые места этого танка, доставить танк в Германию в распоряжение верховного командования! - приказал генерал.

Вечером, когда выдалась минута остаться нам наедине,

генерал спросил меня:

- Зачем приезжал барон?

- Удостовериться, что в одном пункте план кампании исполнен, - ответил я осторожно.

- Я слышал, что он допрашивал пленных... Вы были у него переводчиком?..

- Я не назвал бы это допросом... Скорее, это была беседа.

- Я не знал, что вы в совершенстве владеете русским языком. Это делает честь барону! Он умеет выбирать себе помощников. Что его интересовало?

- По его вопросам об этом можно было только догадываться.

- Мои опасения подтвердились. Русские вводят в бой тяжелые танки... Это серьезно...

- Их должно быть очень мало.

- Никто из нас этого подсчитать не может! Сегодня выступил по радио Сталин!

Это было для меня новостью, никто из штабных офицеров об этом ничего не знал.

- У меня нет еще перевода, есть радиоперехват на русском языке. Вы могли бы мне перевести его выступление?..

Генерал протянул мне папку. Несколько страничек машинописного текста, я сразу охватил его глазами и чуть помедлил с переводом, вникая в смысл текста.

В тексте много ошибок, без знаков препинания, хаотически расставлены большие буквы.

Перевести текст и в таком виде, конечно, не составляло труда. Досадовал я, что не слышал голоса. После войны мне рассказывали те, кто слышали, что голос у Сталина пошатывался от волнения, что он пил воду и вода булькала в стакане. Сталин обрисовал опасность, надвинувшуюся на Советский Союз, провозглашая народную войну во всем ее объеме, призвал оставлять захватчикам выжженную землю. Война не на жизнь, а на смерть... Знать бы мне заранее, я сумел бы утром настроить радиоприемник. По тексту я понял, что страна мобилизуется, что впереди еще ожидают нас тяжелые потери, но Москва смотрит с уверенностью в будущее.

Мне очень трудно было следить за тем, что происходит на других участках фронта. Обстоятельства вынуждали меня быть осторожным, я не задавал лишних вопросов, а со мной никто не делился планами высшего командования. Но я знал, что под Ленинградом идет не все так, как планировалось, что город не взят, а где-то в районе Пскова продвижение застопорилось, совсем незначительными оказались по сравнению с намеченным успехи под Киевом. Генерал как-то обмолвился:

- Наш старый друг фон Клейст как бы не оставил мне обнаженным правый фланг...

Фланг обнажался, фон Клейст никак не мог пробиться к Киеву.

Генерал и его командиры корпусов и дивизий рвались вперед, ожидая, что в глубине сопротивление Красной Армии

ослабнет, но бои не утихали ни на одном из участков продвижения. И с каждым днем стрелки на карте, отмечающие пройденное расстояние, становились короче и короче. Генерал на ходу производил перегруппировку войск, высшее командование на этот раз, как и во Франции, начало склоняться к совместным действиям полевых и танковых армий, опасаясь, что танковый прорыв может привести к катастрофе. 9 июля к генералу приехал командующий группы армий."Центр" фельдмаршал Клюге и потребовал прекращения подготовки наступления на Смоленск до подхода пехотных дивизий.

Но, видимо, опять незримо вмешались те силы, что стояли за спиной генерала и барона. Инерция успехов на Западе еще держала в плену всю армию.

10 июля танковые дивизии в нескольких местах форсировали Днепр, но взломать оборону не смогли. Они лишь просачивались сквозь боевые порядки Красной Армии. 13 июля на командный пункт пришла радиограмма из-под Орши, что русские применили какую-то сверхмощную артиллерийскую установку, которая несколькими залпами уничтожила больше пехотного полка и сожгла несколько десятков танков. Несколько залпов этой установки задержали наступление на всем участке.

Я тогда еще не знал, что это реактивные минометные установки, которые русские солдаты назвали ласково "катюша".

16 июля немецкие танки ворвались в Смоленск. Для пропаганды немецкого оружия факт, конечно, знаменательный. Но генерал подсчитал дни и часы. И получилось, что за шесть дней его войска реально продвигались лишь по двадцать километров в сутки, устилая дороги трупами, оставляя у себя в тылу факелы горящих танков.

- Мы превосходим русских по всем видам вооружения вдвое! В чем дело? вопрошал генерала фельдмаршал фон Клюге. - Где ваши скорости продвижения?

Генерал ответил:

- Мы не во Франции, господин фельдмаршал!

Генерал пытался прорваться на Дорогобуж, чтобы замкнуть кольцо вокруг тех частей Красной Армия, которые сражались восточнее Смоленска. Но продвижение отмечалось только на малозначащих участках фронта.

Было похоже, что фронт стабилизируется. Дивизии доносили об огромных потерях, поступали известия о сосредоточении нескольких русских армий по линии Новгород-Северский, западнее Брянска, Ельня, Осташков.

Генерал попросил подкрепить его пехотными частями. Он усматривал в этом признаки перехода от маневренной войны к

позиционной. Ох, как ему этого не хотелось, всякая задержка, всякий намек на стабилизацию фронта выводили его из себя. Но все его усилия двинуться вперед наталкивались на непробиваемую оборону. Он пытался хотя бы на каком-нибудь участке двинуть вперед танки.

23 июля на танковую группу обрушился контрудар из Рославля, немцы не успели отбить атаки и вернуть достигнутых ранее рубежей, как 24 июля, на другой день, под ударами Красной Армии фронт попятился под Смоленском.

Несколько дней шли изнуряющие бои под Смоленском, и 27 июля войска Красной Армии ворвались в город.

- И все-таки только вперед! Только в движении вперед наше спасение! восклицал генерал у себя в штабе.

Я написал Рамфоринху записку:

"Господин барон!

В первые дни я никак не мог вывести заключения по интересующему вас вопросу. И немецкий солдат есть солдат, а не чудо, и когда его бьют, он бежит и впадает в панику даже при численном превосходстве и при превосходстве в технической оснащенности. Я вижу, как надвигаются призраки сражений, когда немецкое превосходство исчезнет..."

Советские войска вторично оставили Смоленск, генерал выехал в штаб группы армий, надеясь получить приказ наступать на Москву, но получил он иной приказ.

Его главные силы приказано было завернуть на Гомель, круто на юг.

На Гомель-это означало, что танковая группа отклоняется от главного направления и возвращается по касательной назад и опять же с боями. На Ельнинском выступе немцы были атакованы столь активно, что им пришлось срочно снимать дивизии с других участков фронта.

Однако бои на Ельнинском выступе еще не очень обеспокоили генерала, в большей степени его встревожил приказ повернуть на Гомель. Он сохранял надежду, что вмешается Рамфоринх и другие его покровители из числа хозяев Германии, и приказ будет отменен.

Но до генерала дошло, что Гитлер пересмотрел его доктрину и считает, что крупные охватывающие операции танковыми клиньями не оправдали себя, что в России главной задачей должно быть полное уничтожсние русских войск, что этого можно достигнуть только созданием небольших котлов, ибо на борьбу с крупными окруженными группировками приходится отвлекать большие силы, и это может кончиться катастрофой.

23 июля он получил директиву от высшего командования в

дополнение к плану "Барбаросса". Он ознакомил с пей офицеров штаба, побывала она и у меня в руках.

Вот этот документ:

"Решение о дальнейшем развитии операций исходит из предположения, что после того как в соответствии с планом стратегического развертывания будет достигнута оперативная цель № I, основная масса боеспособных сил русской армии будет разгромлена. С другой стороны, необходимо считаться с тем, что противник будет в состоянии организовать упорное сопротивление на важнейших направлениях дальнейшего продвижения немецких войск, используя для этого свои крупные людские резервы и введя в действие все свои силы. При этом следует ожидать, что наиболее упорное сопротивление русские будут оказывать на Украине, под Москвой и под Ленинградом.

Замысел главного командования сухопутных, войск заключается в том, чтобы уничтожить имеющиеся или вновь создаваемые силы противника и посредством быстрого захвата важнейших индустриальных районов Украины, районов, расположенных западнее Волги, а также Тулы, Горького, Рыбинска, Москвы и Ленинграда, лишить противника материальной базы для восстановления своей военной промышленности. Вытекающие отсюда отдельные задачи для каждой группы армий и общая группировка сил будут сначала переданы по телефону, а затем и в детально разработанной директиве".

Я уже успел оправиться от шока, в который попал в первые дни войны, не ждал чуда, я ждал, когда "блицкриг" превратится в затяжные военные действия. Я видел, что нашим сейчас оюнь трудно, но я видел, как теряет свою силу немецкий удар. Угнетающего впечатления это дополнение к плану "Барбаросса" на меня не произвело. Ни Горький, ни Рыби-юк не казались и генералу реальной целью. Он надеялся достичь Москвы и ждал отмены приказа о повороте танковой группы на Гомель.

Именно эта уверенность и побудила его начать силами группы наступление на Рославль. Отсюда, из Рославля, он собирался совершить прыжок на Вязьму, вырваться на московскую дорогу и устремиться к Москве.

А пока Рославль, поскольку через Дорогобуж прорваться не удалось.

Рославль... Небольшой городок, узел дорог юго-восточнее Смоленска в направлении на Брянск. Десна - восточнее, не очень она здесь широкая, но с глубокими омутами, с быстрым течением. Авиаразведка донесла генералу, что по Десне сооружаются укрепления уже с первых дней июля, что туда подтягиваются

армейские силы русских. С Рославля дорога на Юхпов и на Москву.

Минск брали с ходу, двигаясь широким фронтом. Для того чтобы взять Рославль ударом, нацеленным на узком участке фронта, генерал затребовал подкрепления своим танковым войскам. Его группе были приданы три армейских корпуса и кавалерийская дивизия, танковая группа превратилась в армейскую группу и выделилась в самостоятельное войсковое объединение.

На маленький городок были брошены сразу несколько корпусов. Генерал хотел стремительным броском избежать ударов во фланг.

Командиры корпусов и дивизий собрались на военный совет. Я впервые увидел, что далеко не все генералы разделяют доктрину танкового генерала.

Мне запомнился седой генерал, он командовал дивизией еще в первую мировую войну, читал лекции в военной академии. Пользуясь правом, которое ему давал возраст и опыт, он резко бросил, ознакомившись с планом операции:

- Авантюра! Танковая авантюра! Город мы займем.

Спрашивается, для какой цели?

- Я объяснял, - спокойно и уважительно, несмотря на резкость оппонента, ответил мой генерал, - мне нужен плацдарм для прыжка к Москве...

- С прыжками, я думаю, надо было покончить во Франции... - парировал старик. - При такой концентрации танков и пехоты мы проткнем оборону русских. Город возьмем, в этом я не сомневаюсь. Но мы пренебрегаем главным законом всякого наступления. А этот закон гласит, что противник должен быть вытеснен со всей территории...

- Мы уже имели опыт таких операций и в России, - настаивал генерал. Мы брали в клещи крупные силы русских.

- И сообщали, о них, как об уничтоженных частях...

Я это знаю! - не сдавался старик. - И на бумаге оказалось, что Красная Армия уничтожена, а напряжение на фронте непрестанно возрастает. Окруженным может быть только тот, кто захочет быть окруженным. Мы захватили огромную территорию, и на всей этой территории до сих пор вспыхивают очаги боев. Сколько бы мы ни продвигались вперед, не уничтожив живую силу противника, мы все время будем идти с боями... пока они нас не измотают... Мы возьмем Рославль, а под Ельнеи не избежим неприятностей...

- Все математически рассчитано, - уже тверже ответил генерал. - Метод наступления танковыми клиньями-это математика! Если мы рассчитываем на крах России, то только

танки дадут нам результат... Теснить и одновременно уничтожать противника у нас не достанет сил и ресурсов...

29 июля к генералу прибыл шеф-адъютант Гитлера полковник Шмундт. Он привез дубовые листья к рыцарскому кресту, но это было лишь предлогом, чтобы побывать в войсках автора танковой доктрины.

Генерал настойчиво доказывал полковнику, что выход из кризиса в стремительном броске на Москву. Полковник внимательно его слушал, но не обронил ни слова одобрения.

31 июля генерал получил разъяснение к прежней директиве из группы армий. Наконец-то признали свершившееся. В служебной записке говорилось:

"Ранее намеченная задача - к 1 октября выйти на линию Онежское озеро-р. Волга-уже считается невыполнимой. Имеется уверенность, что к этому времени войска достигнут линии Ленинград-Москва и районов южнее Москвы. Главное командование сухопутных войск и начальник генерального штаба находятся в исключительно сложном положении, так как руководство всеми операциями осуществляется свыше. Окончательное решение о дальнейшем исходе операций еще не принято".

"Как бы этот документ доставить нашим" - было первой моей мыслью. Связи у меня так и не было.

Не впервой я задумался, а не перейти ли мне линию фронта, не взять ли в руки оружие, поскольку нет связи и я здесь ничем не могу быть полезен своим? Все ждал более существенных сведений, чтобы прийти не с пустыми руками. Нужны были оперативные планы наступления. Они мне в руки не попадали, пожалуй, этот документ был самым значительным из того, что я видел.

А между тем началось наступление на Рославль. Генерал поспешил в передовые части. По расчетам, он должен был настигнуть командный пункт танковой дивизии в одной из лесных деревенек. Оперативная группа и генерал в своем командирском танке легко добрались до этой деревни, но командного пункта дивизии не нашли.

Направились к командному пункту армейского корпуса и его не обнаружили. Наткнулись лишь на конные дозоры, которые вели разведку местности. Генерал пришел в ярость.

- Пока они будут копаться с разведкой, - воскликнул он, - русские узнают об ударе!

По рации он связался с командиром танковой дивизии и приказал выступать.

На дороге к Рославлю конные дозоры нашли брошенные

позиции русских. Танки устремились словно бы в пустоту.

Последовал приказ догнать противника.

* * *

Все было, как под Минском, под Смоленском, на многих дорогах у многих городов в первые дни войны. Танки, над ними самолеты, подвижная артиллерия, сзади бронетранспортеры с автоматчиками.

Дивизия продвигалась по дороге и параллельно дороге по просекам и по перелескам. Она продвинулась за час километра на три, подтянула тылы.

На широкую луговину перед лесом вышли немецкие танки, они медленно ползли, ощупывая каждую точку, растекаясь с дорог и просек.

С высотки, на которой расположился наблюдательный пункт корпуса, генерал и все, кто состоял в его свите, различали в бинокли каждую машину, даже человеческие фигурки автоматчиков.

- Как на параде идут... - заметил кто-то из офицеров, но фразы не закончил.

В лесу и за лесом, там, где в дальней дымке тонули очертания далекого города, разорвало небо и воздух, вздыбилась земля и потемнело над долиной небо. Все то мертвое пространство, которое было преодолено без одного выстрела, покрылось сеткой разрывов снарядов полевой артиллерии.

Старик, командир корпуса, ничего не сказал, должно быть, считая, что неделикатно упрекать командующего, когда солдаты, загнанные в ловушку, умирают сотнями под прицельным огнем русских батарей. Он внимательно смотрел на командующего, как бы ожидая от него объяснений.

Артобстрел не стихал. Уцелевшие танки с трудом пробивались сквозь огонь, уползая назад.

Генерал приказал по рации ввести в бой вторую дивизию на этом же направлении. По трупам своих солдат, объезжая остовы обгоревших танков, останавливаясь на каждом заметном рубеже и проводя артиллерийскую подготовку, дивизия до вечера пробивалась через этот луг.

Бои шли всю ночь, генерал не покидал поле боя. Рославль-его замысел, и он не считался с потерями. К исходу второго дня наступления танки вошли в город.

Радости эта победа не принесла. Из-под Ельни поступали донесения, что атаки русских не прекращаются.

К генералу привели военнопленного из-под Ельни.

Солдат. Он был ранен и избит на допросах. Но напрасно. Откуда знать солдату, сколько и какие силы ведут наступление.

Единственное, что из него выбили, это показание о приезде под Ельню генерала армии Жукова.

Это вызвало недоумение у генерала.

- Начальник Генерального штаба? - спросил он у начальника разведки.

- Нет, - пояснил начальник разведки. - Теперь это заместитель Верховного Главнокомандующего...

Контрнаступление под Ельней лишало смысла взятие Рославля.

Но генерал не сдавался, его приказы все еще нацеливали войска на Москву, штаб работал над подготовкой оперативных планов для каждой дивизии...

Командный пункт разместился в Рославле, в Рославле осталась и оперативная группа генерала, к которой я был прикомандирован.

Я решил пройтись по улицам, присмотреться к тому, как приняты немцы, как расставлены в городе посты полевой жандармерии.

Жители попрятались, редкий прохожий появлялся на улице, возле комендатуры толпились какие-то подозрительные личности, смахивающие на старорежимных чиновников или спекулянтов. Проконвоировали нескольких пленных.

В садах стояли замаскированные танки, на перекрестках маячили патрульные.

Я спускался по крутой улочке к речке. От церквушки, что стояла на половине подъема, отделился человек и вышел навстречу. Местный житель, в потертом пиджачке, в сапогах. Он держал в пальцах незажженную самокрутку.

- Простите, - обратился он ко мне, - в городе ни у кого нет спичек. Нет ли у вас огонька?

В первой же фразе слова пароля... Я почувствовал, что лоб покрылся испариной. Но пароля мало, он должен себя еще чем-то обнаружить. Я шарил по карманам. Сначала правая рука в правый карман пиджака, затем в правый карман брюк, затем левая рука в левый карман брюк. Это-ответ на пароль. Приглушенный голос:

- Никита Алексеевич! Вам поклон от Михаила Ивановича Проворова...

А вот это уже как гром... Я не верил своим ушам.

Имя Михаила Ивановича Проворова мог назвать только близкий ему человек. Это был мой руководитель в Центре, старый друг моего отца. Это имя прозвучало надежнее всякого пароля. Однако я ничем не обнаружил своего волнения. Спокойно смотрел в немолодое лицо нсзнакомца. Его губы чуть заметно, но приветливо улыбались.

Я ответил отзывом, и мы не спеша пошли к берегу.

Сели на перевернутую рассохшуюся лодку. Опасности в такой беседе на виду у всех не было. Подслушать нас здесь никто не мог.

- Мне поручили искать вас в этом городе, - начал он. - Я здешний житель, профессия моя бухгалтер, разведчиком сделали обстоятельства... Я вас увидел вчера возле штаба... Моя задача установить связь с вами... Все, что вы имеете сказать, у меня есть возможность передать в Центр.

- Рация? - спросил я его.

Он отрицательно покачал головой.

- Рации пеленгуются. Связь более надежная. Тайник-здесь и рация в лесу, в специальном отряде.

- Что вам еще известно обо мне? - спросил я его.

- Мне сообщили, что вас надо искать при штабе командующего. Должно быть, мне больше знать и не положено. Меня зовут Максим Петрович Веремейкин...

Когда Рославль оставляли наши войска, чекисты успели приглядеться, на кого можно было положиться для подпольной работы. Среди них братья Веремейкины - егерь и бухгалтер.

Егерь остался в своей охотничьей избушке. Нашлись офицеры немецких тыловых частей, которые пожелали охотиться в местных лесах. Тут и пригодился старый егерь. Вопросов лишних он не задавал, в связях подозрительных не был замечен. Оба брата получили беспрепятственную возможность общаться между собой, свободный выход из города в лес и из леса в город.

Не обошлось, конечно, без внезапных проверок. Несколько раз их обыскивали на постах полевой жандармерии, но охотника застичь врасплох не так-то просто.

У егеря посылки мои забирали люди из разведотряда, и оттуда уже передавали в Центр.

Первая передача из Рославля пошла с сообщением о растерянности в высшем немецком командовании, с изложением указаний ставки об изменении целей кампании до зимнего времени.

Вернулся генерал мрачным и задумчивым. Он попрежнему готовил свои дивизии к удару на Москву - расширил предмостные укрепления на Десне, вывел дивизии на исходные позиции для форсирования Десны, нацеливая их на укрепления по восточному берегу.

- Никто не хочет знать правды! - бросил однажды генерал. - Несколько лет тому назад я подал докладную фюреру, что Россия имеет на вооружении семнадцать тысяч танков. Меня высмеяли... На совещании в Борисове Гитлер заявил нам, что, если бы он

знал, что у русских действительно много танков, он не начинал бы войны с Россией.

Я не знал, куда уезжал генерал на совещание, не знал, что оно происходило в Борисове. Никто в штабе танковой группы не знал, что на совещании присутствовал Гитлер.

Раздумья, раздумья... Он начал задумываться еще на берегу Западного Буга, но все сомнения не мешали ему рваться вперед. Надежды еще не погасли. Он еще верил, что вот-вот поступит приказ наступать на Москву.

Все ати дни танковая группа топталась на месте, отражая контратаки Красной Армии на разных участках фронта. Ни на день, ни на час не стихали бои под Ельней.

11 августа высшее немецкое командование отклонило план наступления генерала, пока ничего не предложив взамен. Бои за Рославль, потери в эти"х боях оказались бессмыслицей, ибо взятие только этого города не обеспечивало фланга в случае движения на юг.

Генерал выехал в дивизии, которые успели выдвинуться на исходные рубежи для наступления на Спас-Деменск и Вязьму. Рубеж проходил по западному берегу Десны. На другом берегу стояли войска Красной Армии.

Мы за генералом перебрались в траншеи первого ряда, на наблюдательный пункт танкового полка.

Прошло полтора месяца с субботы 21 июня, когда вот так же в бинокль генерал осматривал восточный берег Западного Буга.

Там смотрели в бинокли, нисколько не опасаясь.

Здесь все было насторожено.

Восточный берег Десны с виду был мертв. Ни души.

Зяяли песчаными откосами противотанковые рвы, тянулись ряды колючей проволоки, вились змейками свежие выбросы песка из окопов и траншей.

Кто-то из высших офицеров неосторожно ВЫСУНУЛСЯ из-за бруствера. С того берега громыхнул залп, и мины разорвались метрах в пятидесяти от генерала, было убито несколько офицеров.

В бруствер, там, где на секунду появился шлем офицера, вонзились одна за другой несколько пуль. Стрелял снайпер. И опять все стихло, все замерло.

Мы ушли по траншее в глубину. Генерал наткнулся на заготовленные дорожные указатели с надписями: "На Москву".

23 августа генерала вызвали в штаб группы армий "Центр", и там начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер объявил ему, что его танковая группа, а с ней и главные силы группы армий "Центр" поворачиваются на юг в

наступление на Киев, что наступление на Москву откладывается.

- Это означает, что мы вползаем в зимнюю кампанию, - бросил генерал Гальдеру.

- Почему вам надо называть все своими именами? - воскликнул в ответ Гальдер. - Все в ваших руках.

Вы можете энергично поддержать фон Клейста и в течение нескольких дней овладеть Киевом, а там и Москва!

Вы утверждали не раз, что ваши танки могут двигаться сквозь боевые порядки противника с той скоростью, которую обеспечат их моторы!

- Вот и дайте мне двинуться на Москву! - ответил генерал.

- Тогда я, а не вы, назову все своими именами! - объявил Гальдер. - Фон Клейст собрал на гусеницы своих танков пыль со всех европейских дорог и за.вяз под Киевом и без помощи ваших танков и армий из группы армий "Центр" к Киеву не пробьется. Неужели мне вам разъяснять, что это означает? Вы двинетесь на Москву с открытым флангом... И это будет последним движением вперед вашей танковой группы...

- Поход на Киев только затянет войну! - бросил генерал и сам испугался своих слов.

Присутствующие отвели от него глаза.

- Воину надо перенести в пространства-неопределенно пробормотал Гальдер. - А впрочем, я вам предлагаю самому отстоять свое мнение перед фюрером... Быть может, он вспомнит ваши удачи во Франции!

Из ставки фюрера генерал вернулся с приказом двигаться на Украину.

Получить подлинник приказа, хотя бы на минуту в руки, я не имел надежды, да его в подлиннике не видел тогда еще и генерал. Но само по себе решение наступать на Украину уже заслуживало внимания. Мне было не трудно отпроситься в поездку в штаб танковой дивизии, расположенный близ Рославля, и по пути заехать в город. В тайник я заложил свою вторую посылку, просигналив об этом Максиму Петровичу.

25 августа войска танковой группы начали разворачиваться для наступления на юг, выдвигаясь на исходные рубежи.

Вечером мы вышли вдвоем с генералом на прогулку, неподалеку от его командного пункта.

- Они предали меня! - начал он без предисловий.

Было темно, и лишь звезды сверкали на облитом черном небе. Я не мог разглядеть его лица, да он и не смотрел на меня.

- Генералы всегда завидовали вашей славе! - подбодрил я его.

- Генералы будут теперь меня терзать за эту славу.

Но дело здесь не в генералах... Хозяева Германии торопятся

защитить лишь свои интересы... Им Киев, Украина, Донбасс нужны, чтобы вывезти оттуда все, что мы захватим... Сырье, машины, людей!

- Быть может, фюрер не хочет рисковать походом на Москву, не овладев Киевом и Украиной?

- Вся эта война за пределами разумного риска!

Этого не может не видеть любой офицер с самыми начальными военными знаниями... Если мы потерпим поражение в походе на Москву, нам придется думать о линии обороны...

- Надолго ли? Ресурсы России неизмеримы...

- Для завоевателя оборона-это крах! Но если мы овладеем Москвой, то мы имеем шансы и на успех!

- Вы овладеете Киевом!

- Для Рамфоринха, Круппа и их круга! Они свое получат и могут спокойно взирать на нашу потерю! Когда во Франции я нарушал все правила ведения войны, они меня поддерживали у Гитлера, на этот раз у меня с Гитлером разговора не получилось...

Проверить его рассказ у меня никогда не было возможности. Но он разговорился, и, должно быть, какая-то доля правды в его рассказе была. Когда он прибыл в ставку Гитлера, его встретил главнокомандующий сухопутными силами, фельдмаршал фон Браухич, и строго предупредил, чтобы генерал не поднимал перед Гитлером вопроса о наступлении на Москву.

- Разрешите мне отбыть на фронт! Я тогда не вижу смысла в свидании с фюрером.

Как будто бы так ответил генерал... Но Браухич сказал, что свидание отменить уже нельзя.

Сделав доклад Гитлеру о состоянии танковой группы, генерал попросил пополнения людьми, танками, танковыми моторами, артиллерией...

Гитлер спокойно его выслушал, на просьбы никак не реагировал и спросил:

- Считаете ли вы свои войска способными сделать еще одно крупное усилие при их настоящей боеспособности?

Тут генерал не утерпел и, нарушая запрет главнокомандующего, выскочил со своей навязчивой идеей:

- Если войска будут иметь перед собой настоящую цель, которая будет понятна каждому солдату, то да!

Гитлер мрачно спросил:

- Вы, конечно, подразумеваете Москву?

- Да, Москву! Или мы одним ударом выиграем войну, или...

Гитлер его тут же перебил:

- Мне известны все аргументы генералов за движение на Москву, но мои генералы ничего не понимают в военной

экономике. Мне нужна Украина, нужны Донбасс и Крым...

Никто из присутствующих не проронил ни слова...

Я по-своему перевел смысл рассуждений о военной экономике, совместив слова Гитлера с прежними высказываниями Рамфоринха. Не рассчитывая на победу и опасаясь разгрома под Москвой, члены "кружка друзей" рейхсфюрера решили ограбить Украину и прорваться к се сырьевым ресурсам: вывезти руду, уголь, хлеб, пока еще будет идти война.

Думаю, что это понимал и генерал, иначе он не сказал бы, что "его предали"...

* * *

Генерал никак не хотел в те дни сорок первого года взглянуть на события с общих позиций. Ему всегда казалось со времен польского и французского походов, что он ведет авангард всех войск вторжения. Во Франции союзники Рамфоринха расчищали ему путь и торопили, чтобы не успели вмешаться патриотические силы страны.

В России войска танковой группы генерала уже не могли быть использованы только для движения вперед.

У него отобрали танковый корпус-надо было под Рославлем и Смоленском сдерживать удары Красной Армии. Его танками усиливали полевые армии, которые местами с трудом удерживали захваченные позиции.

Но танковая группа была еще грозной силой, ее ударная мощь была еще способна не только на "крупное усилие", но могла сломить сопротивление не одной нашей армии, ибо немецкий корпус был по своему составу равен нашему армейскому объединению. Поддержанные авиацией танковые корпуса были способны на глубокие прорывы в нашу оборону.

Ничто так тогда не выводило из себя генерала, как замедление темпов. Июль и почти весь август эта армада топталась на месте, не проводя стратегических операций.

Движение на Киев началось 26 августа из Рославля.

Я заложил посылку для Максима Петровича с сообщением о повороте армий к Киеву. Но я был уверен, что такой маневр не остался незамеченным командованием Красной Армии. Велась воздушная разведка, действовали партизанские отряды, шла интенсивная переброска войск по железным и грунтовым дорогам, а главноеослаб натиск на центральных участках фронта.

После войны я узнал из докладной записки генерала армии Г. К. Жукова в Ставку, что он точно предугадал этот маневр противника.

Внезапным удар группы армий "Центр" на юг не был, но отразить его было не так-то просто.

Удар на Киев был таранным ударом, и сдержать его силами, которыми располагал Юго-Западный фронт, было невозможно.

Но уже 28 августа головной танковый корпус под контрударами частей Красной Армии остановился и даже перешел к обороне, а через два дня еще одна дивизия попала под контрудар и, оставив на поле боя десятки пылающих танков, откатилась на исходные позиции. В то же время усилился нажим советских войск из района Трубчевска, что сдавило левый фланг группы...

Развернулись бои за Новгород-Северский, но тут же опять продвижение танковой группы было остановлено контрударами. В это же время обострилась обстановка под Ельней, и генерал выпрашивал обратно танковый корпус, который был взят у него для обороны от контрнаступления русских в районе Смоленска.

Корпус невозможно было вырвать из боя, генералу послали в помощь эсэсовский полк и мотодивизию. Мотодивизия не дошла до острия клина, ее срочно бросили под Ельню в мясорубку, которую устроила там немецким войскам Красная Армия.

Генерал не успокоился. 1 сентября он дал повторную радиограмму с требованием вернуть ему корпус и еще несколько танковых дивизий.

Я направил барону записку:

"Господин барон!

При тройном превосходстве в силах генерал не в состоянии сдвинуть свои войска с места. От прогнозов я воздерживаюсь, но полагаю, что, если Вы не хотите опоздать, настал час Вам действовать в своих интересах".

Рамфоринх вызвал меня на свидание в Рославль.

Я привез ему свежие новости с Ельнинского выступа. Потеряв до пяти дивизий и только убитыми около пятидесяти тысяч человек, немцы терпели там поражение. Рамфоринх мрачно выслушал меня и протянул мне мою последнюю записку.

- Что вы этим изволили выразить? Поподробнее!

- Ельня и есть подробность, - ответил я ему.

- Мне понятны ваши желания. В вашем положении я тоже желал бы прекращения войны. Вы не обязаны соблюдать мои интересы, от вас я ждал лишь объективных сообщений. Вы вознамерились оказать на меня давление. Для чего?

Я мог бы, конечно, заявить, что ничего, кроме объективной информации, моя записка не содержала. Но не за этим он приехал в Рославль.

- Вы сами сказали, что в моем положении вы желали бы прекращения войны. А в вашем положении?

- Сначала должны быть окуплены расходы! Вексель выдан, он

должен быть оплачен. Гитлеру, если он прекратит войну, платить будет нечем!

- А если он ее проиграет?

- Быть может, и проиграет! Но не сегодня!

- Стало быть, должна платить Украина?

- Пока Украина.

- Армия, когда она начинает грабить, перестает быть армией...

- Армия уже не выполнила своего предназначения!

Я не об этом беспокоюсь... Я хочу задать вам лишь один вопрос: предположим, некоторые лица вознамерились бы прекратить войну. Мне интересен ваш ответ. На каких условиях? Мы еще наступаем и стратегическая инициатива в наших руках... Или, быть может, вы послали мне записку, снесясь со своими? Вам что-нибудь известно?

- Вы ждете контрибуции?

- Да, и значительной! Пойдут ли на это правители России?

- По-моему, не пойдут!

- Я думал, не направить ли вас с миссией получить ответ на мой вопрос... Мы обеспечили бы вам переход линии фронта...

С бароном мне не нужно было играть в прятки. Не провоцировать же ему меня!

- Сумеют ли переправить вам ответ, не знаю...

- Не отозвать ли вас в Берлин? Можно подумать, как вам выехать в нейтральную страну.

- Мой запрос отсюда пойдет быстрее и дойдет надежнее...

Барон поднялся, давая понять, что разговор окончен.

На прощание добавил:

- Кстати, о генерале! Он обратился и ко мне, надеясь на мое влияние... Здесь мы не можем распахнуть для него ворота в глубину страны, а войск для него взять неоткуда... В этой стране каждый несет свой груз тяжести и ответственности... В хоре голосов, поданных за эту войну, звучал и его голос. Ему не следует об этом забывать... А я вам разрешаю напомнить ему об этом! Подкреплений Гитлер ему не даст, он раздражен его медленным движением вперед.

Генерал между тем продолжал настоятельно требовать подкреплений. Офицер связи, прикомандированный от верховного командования к танковой группе, поддержал его просьбу на совещании в ставке группы армий "Центр". Офицер был тут же отстранен от должности.

Никто не хотел расставлять точки над "и", Рамфоринхи требовали оплаты векселей.

Между тем застопорилось продвижение в районе Коропа в

междуречье Десны и Сейма. Генерал взял с собой всю оперативную группу и выехал к линии фронта.

На тактической карте мешанина. Часть войск танковой группы переправилась через Десну, часть войск Красной Армии еще держалась на правом берегу. Получился обычный для танковых маневренных действий слоеный пирог.

Генерал собрал все, что оказалось у него под рукой, и бросил в наступление на те части Красной Армии, которые вцепились в правый берег.

С наблюдательного пункта можно было разглядеть значительную часть поля боя. Наши части были стиснуты с трех сторон и прижались к берегу реки. Контратаковать они не могли, на это у них не было сил, но они и не пятились под ударами.

Наступление намечалось на утренние часы. Вечером генерал и его штаб рассматривали позиции. Поднимался туман над поймой, кое-где можно было разглядеть свежевырытую землю, царило полное безлюдье. Тишина.

Все затаилось. Все зарылось в землю.

На рассвете на русские позиции обрушился артиллерийский удар. Вслед за этим пошли волнами пикирующие бомбардировщики. Казалось, что все там превращено в дым и пепел. Земля встала дыбом от разрывов.

- От такого огня, - сказал командующий артиллерией, - даже в бетонных укрытиях солдаты сходят с ума...

Как и всегда, отрепетированным сотни раз маневром ринулись вперед танки, пока самолеты пикировали на позиции. За танками выдвинулись бронетранспортеры с автоматчиками. Когда танки достигли первых траншей, тронулись бронетранспортеры.

В бинокль было видно, как "юнксрсы" направились в глубину обороны, а по первым траншеям, утюжа их, прошлись танки и двинулись ко второму ряду траншей, преодолевая с ходу противотанковые рвы.

Позиции оставались безмолвными.

Я смотрел в бинокль, не в силах оторваться от окуляров. Сердце сжималось тоской.

Хоть какая-нибудь надежда для наших солдат! Никакой... Слишком неравны силы.

- Оказывается, надо сделать усилие, и все становится на место, - сказал генерал командиру дивизии.

Танки вгрызались все глубже и глубже. не доезжая первых траншей, остановились бронетранспортеры, из них высыпали автоматчики и в полный рост побежали за танками. Ближе, ближе. Чего им опасаться? Траншеи проутюжены танковыми

гусеницами. После артиллерийского огня, после пикирующих бомбардировщиков, после танков кто же мог там уцелеть...

С наблюдательного пункта различить отдельные звуки боя было невозможно. Землю сотрясали бомбовые разрывы, били танковые пушки, слышался треск пулеметных очередей. Все слилось в сплошной гул.

Вдруг автоматчики залегли.

Генерал оглянулся на командира дивизии.

- Та же история! - ответил командир дивизии. - Они пропустили танки и отсекли пехоту...

- Поверните назад танки! - приказал генерал.

Но танки уже приблизились к лесу и начали вспыхивать один за другим, как факелы.

Они перестроились уступом и сделали еще один заход на лесок. И еще раз смешался их строй, они поползли назад, петляя и обходя невидимые с наблюдательного пункта препятствия.

А на автоматчиков поднялась в контратаку русская пехота. Удар в штыки, Но этого удара незащищенные танками автоматчики не приняли, они побежали к бронетранспортерам, а в это время начала бить редкими залпами наша артиллерия из лесочка.

Генерал ввел в бой второй эшелон танков.

И тут все смешалось,

Второй эшелон был встречен артиллерийским огнем, лишь только достиг линии, занятой автоматчиками, а из леса выскочили несколько русских танков.

- "Тридцатьчетверки"! - крикнул командир дивизии... - И мы опять не можем на них бросить авиацию - своим достанется...

- Пусть всем достанется! - приказал генерал.

Пошла команда командиру эскадрильи "юнкерсов".

Но пока эта команда дошла, немецкие танки попятились, а наши "тридцатьчетверки" уползли в лес. Удар с воздуха пришелся по немецким танкам. Атака захлебнулась.

Генерал потребовал нового артиллерийского удара.

Удар состоялся, но уже не в ту силу, с которой начинали артподготовку на рассвете.

- Атака пехоты! - приказал генерал. - Пока мы их не выбьем живой силой, танки не пускать!

- Потери! - заикнулся было командир пехотного полка.

- Во Франции командиры бригад шли впереди солдат! - бросил ему генерал.

Полковник молча проглотил упрек и вышел из блиндажа.

Пехотный батальон дивизии СС двинулся в атаку.

У каждого нашивка на рукаве, плечо в плечо. Поднялись из

траншей и пошли в полный рост. Отборная гвардия, кормленные, поенные на захваченных землях, захваченным хлебом, грабители двадцатого столетия. Их и держали для таких вот минут, когда рассудок должен слепо подчиниться приказу. С ними и полковник.

Кто-то из офицеров льстиво заметил:

- Это гордый дух тевтонских рыцарей!

Не было только барабанного боя, его не услышали бы. Но впереди двигалось развернутое знамя со свастикой.

Ближе, ближе. Один батальон, за ним второй. Шли строем, в линейку.

За Круппа, за рурских магнатов, за денежные мешки, за гитлеровский престиж.

Артиллерия молчала, дабы не тронуть своих, молчали и русские позиции. Молча шли цепи атакующих. Но вот они открыли огонь из автоматов. Не по цели, огонь устрашения. И эти автоматные очереди заглушили ударившие из траншей пулеметы.

В бинокль было видно, как редеют ряды атакующих.

Они не ложились, падали убитые и раненые.

Но побежали! Траншеи близки. Устилая трупами землю, рвались к траншее, к схватке. Навстречу взметнулись рыжеватенькие фигурки в гимнастерках. Встречная штыковая атака.

На какое-то мгновение человеческие фигурки смешались. Упало эсэсовское знамя. Стихли выстрелы, донесся далекий крик. И вот тевтонская гвардия побежала. Бегущие смяли ряды подошедшего батальона, не дали ему открыть огонь, и батальон ввязался в штыковой бой.

И в эту минуту выползли "тридцатьчетверки" из леса и в обход рукопашной схватки устремились на немецкие позиции, прямо на наш наблюдательный пункт.

Рота охраны залегла в цепь, а генерал кинулся к командирскому танку, он пошел впереди танковой колонны в контратаку на "тридцатьчетверки", а волна отступающих уже захлестывала траншеи.

Вместе с офицерами я сел в бронетранспортер, и он нас понес под защиту укреплений и танков.

Но и генералу в командирском танке пришлось ретироваться с поля боя.

Мы встретились вечером на командном пункте армии.

Он вызвал меня на допрос пленного. Офицер, который обычно переводил, был убит.

Ввели избитого старшину, паренька лет двадцати двух.

- Ты показываешь, - начал генерал, - что против нас в районе

Коропа действует одна дивизия...

- Я этого не показываю... Я не знаю... У меня была красноармейская книжка, и там сказано, из какой я дивизии и из какого полка.

Генерал подвинул к себе лист допроса, снятый с пленного еще в дивизионной разведке.

Прочитал вслух:

- Двести девяносто третья стрелковая дивизия...

- Так точно! - ответил старшина.

- Кто командир?

- Полковник Лагутин!

- Откуда он взялся, полковник Лагутин?

- Откуда берутся полковники? - ответил вопросом на вопрос старшина и пожал плечами.

- Раньше в боях участвовали?

- Нет, не участвовали!

- Не может быть, чтобы это была необстрелянная дивизия.

Старшина промолчал.

- Много танков?

- Много! - ответил старшина.

- Меня разведка уверяет, что там всего десятка два танков, а ты говоришь много!

- Для нас и два десятка много!

Генерал махнул рукой.

Пленного увели.

- Разведка уверяет меня, что там действует одна стрелковая дивизия русских и несколько десятков танков. Если это так, то очень плохо! Две наших дивизии не могут пробить ее оборону!

- При полном господстве авиации! - добавил я.

Генерала одолевали и другие заботы.

Танковому корпусу удалось иод Трубчсвском переправиться на восточный берег Десны, и тут же начали поступать радиограммы, что корпус не в силах отразить контратаки. А к утру пришло сообщение, что корпус покинул левый берег и отступил.

После войны я нашел в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генералполковника Гальдера такую запись:

"...Танковая армия в ходе своего наступления через р. Десна своим левым флангом настолько вцепилась в противника, что ее наступление на юг приостановилось. Она вынуждена была даже оставить уже захваченные участки местности".

"Вцепилась в противника". Я сказал бы "сцепился с ней противник до рукопашной".

На 293-ю стрелковую дивизию полковника Лагутина генерал двинул три танковые дивизии, подтянул корпусную артиллерию, вызвал крупные силы авиации.

Он собрал стальной таран не меньшей силы, чем при форсировании Мааса по флешам "линии Мажино".

В первый день этот таран потеснил дивизию и, осветив долину факелами горящих танков, прорвался на восточный берег Десны.

С наблюдательного пункта генерал следил за переправой, видел и я в бинокль все, что там происходило.

Через противотанковый ров танки прошли по заваленным в ров машинам и трупам своих солдат.

Дважды пятились танки, из полсотни машин на узком участке прорыва осталось семнадцать танков. Генерал вновь бросил их в атаку.

Танки прошли, но из семнадцати девять сгорели.

Генерал переправился на другой берег. Бой отодвинулся в глубину. Генерал пошел по полю взглянуть, кто удерживал атаку танкового полка.

Траншеи, несколько блиндажей, дзот с бревенчатым накатом, развороченный авиабомбой прямого попадания.

Ни одного противотанкового орудия. Офицер для поручений насчитал девять трупов красноармейцев и среди них командира с двумя кубиками. В винтовках у них не оставалось ни одного патрона. Танк. Под танком красноармеец, разорванный на куски взрывом противотанковой гранаты. Раздавленный красноармеец и сгоревший танк. Девять человек, девять танков.

Генерал шел по полю боя. В сторонке, там, где траншея замыкалась разбитым блиндажом, вдруг раздалась длинная автоматная очередь. Генерал упал на землю, его прикрыли солдаты. Мы спрыгнули в траншею. Автоматчики открыли огонь по разрушенному блиндажу.

Блиндаж молчал.

- Бронемашину! - приказал генерал.

К блиндажу двинулась бронемашина оперативной группы, поливая пулеметным огнем блиндаж.

Она подошла к блиндажу, расстреливая его из пулемета. За ней побежали автоматчики. У блиндажа разорвалась связка ручных гранат. Машина накренилась и вспыхнула. Автоматчики кинулись в блиндаж. Несколько очередей. И все стихло.

Генерал встал и подошел к блиндажу.

В разбитом блиндаже раненный в ноги лейтенант.

У него были трофейный автомат и ручной пулемет с диском. Автомат и пулемет остались, но без патронов, Связкой гранат

была разбита бронемашина, она же взрывом поразила и лейтенанта.

Один - и десять убитых автоматчиков, один - и разбитая бронемашина.

Генерал обернулся к командиру дивизии и процсдгл сквозь зубы:

- На Ромны!

Узкая полоска наступления, отмеченная пожарами и пепелищами, горящими танками, разбитой техникой.

По этой дороге смерти генерал и его опергруппа двинулись ночью в Ромны. Генерал решил там обосновать командный пункт.

Он пришел к выводу, что фронт прорван и можно наращивать удар на Киев.

Позади Конотоп, перерезана дорога Киев-Чернигов.

Ромны были обозначены на оперативной карте как захваченный город.

К городу подъезжали ночью. Тогда еще не очень-то остерегались налетов советской авиации. Шли со светом.

Но в город можно было въезжать с потушенными фарами: он горел со всех концов.

Опергруппа генерала двигалась как бы по стальному коридору между настороженно выстроившимися танками.

Танковые пушки били по невидимым целям, а быть может, просто для устрашения.

Вдруг откуда-то, словно из-под земли, из какого-нибудь подвала начинал бить пулемет. Пули цвикали по танковой броне и бронемашинам. Танки разворачивали пушки и били по пулемету. Но двигаться к пулеметной точке боялись.

Ни один танкист не решался выйти из машины, а на окраине то вспыхивала, то затихала перестрелка.

- Что происходит? Город взят или не взят? - спросил генерал у командира дивизии.

- Регулярных частей Красной Армии в городе нет! - ответил командир дивизии. - Но мы здесь встретили сопротивление...

- Партизаны?

- У партизан нет артиллерии, и они не сражаются в городах. Вооруженные жители...

- Разгоните эту шайку!

- Придется это сделать утром...

- Где мы разместим командный пункт?

- Здание школы...

К зданию школы связисты потянули провода, радисты установили рацию...

Над городом висел чад, танки не выключали моторы.

Однако утром подошла еще одна танковая дивизия, н танки двинулись вперед, 293-я стрелковая дивизия как будто бы исчезла. Наступление сдерживали лишь несколько танков да налеты истребителей на танковые колонны. Генерал рвался вперед. В штабе произносилось слово "прорыв". Но официально никто не решался утвердить это предположение.

Сузилась полоса наступления. Местами танки выстраивались двойным рядом, и по этому бронированному коридору перебрасывалась на автомашинах пехота.

Танков было много, все они сосредоточились на узкой полоске, на фронтальное наступление они не решались.

В ночь на 18 сентября на командном пункте в Ромнах, где уже, казалось бы, воцарилось спокойствие, получили радиограмму, что восточнее города отмечено движение русских войск. К утру в городе послышалась канонада.

Генерал поднялся на пожарную каланчу. Оттуда просматривался город, его окраины и поле за городом. Сначала мы увидели отходящую немецкую пехоту. По городу ударила советская артиллерия.

Танковый строй прошили несколько "тридцатьчетверок" и отрезали отступающую пехоту, а потом из леса на поле высыпала кавалерия.

"Тридцатьчетверки" подавили пулеметные точки, и конники врубились в пехоту. Можно было видеть с расстояния в несколько сотен метров, как конница обтекает город.

Генерал спустился с вышки и нырнул в командирский танк. Опергруппа едва успела разместиться по бронемашинам. Поступил приказ отходить в Конотоп.

В это время я впервые увидел наши краснозвездные истребители. В колонне началась паника, немецкие танки расползались по лесу. Эх, если бы летчики знали, что в колонне движется чуть ли не весь штаб танковой группы во главе с командующим! Они были заняты поддержкой атаки конников.

Так впервые встретились на поле боя командир кавалерийского корпуса генерал Белов Павел Алексеевич и командующий танковой группы. Кто знал, что предстоит еще одна их встреча и еще один побег генерала от кавалерийской группы Белова...

18 сентября я порадовался за удар в Ромнах, а наутро пришло сообщение, что Киев оставлен нашими войсками.

В плен был взят командующий одной из наших армии, оборонявших Киев. Его привели к генералу.

- Можем ли мы ожидать общей капитуляции?

Командарм был мрачен, измучен бессонницей, но держался

достойно и был скуп в ответах на слова.

- Капитуляция? Почему вы заговорили о капитуляции? - спросил он в ответ.

- Вы потеряли несколько армий! Украина открыта...

- Капитуляции не будет!

- Когда вы заметили мои танки?

- Обнаружили мы их восьмого сентября, но о повороте армий с Московского направления мы узнали в первые же дни начала вашего рейда...

- Почему же ваши войска не оставили Киева?

- Таков был приказ!

- Вы командовали армией, вы-человек, сведущий в крупных операциях... Не считаете ли вы, что дальнейшее сопротивление Красной Армии приведет только к бесполезному кровопролитию?

- Мне трудно заниматься прогнозами, находясь в плену! - ответил командарм. - Одно могу я сказать, сопротивление еще только нарастает.

После падения Киева две трети всех войск Восточного фронта объединились для удара на Москву.

Усилилась танковая группа, пришли новые машины, острие удара медленно поворачивалось на северо-восток. Центром сосредоточения войск стал Рославль. Я воспользовался приездом в Рославль, чтобы отправить очередное сообщение в Центр через тайник Максима Петровича.

Удар на Орел и Брянск-такие я делал выводы. Но, полагаю, что и на этот раз я не сделал открытия. Сосредоточение крупных танковых сил в районе Рославля не могло не быть отмечено нашей разведкой. А получится ли направление на Орел или Брянск-это зависело от многих условий, которые не могли быть предусмотрены не только разведчиком, но даже и командованием тех войск, которые шли в наступление, так же и командованием тех, кто оборонялся. Нельзя было подчинить единой воле миллионы случайностей.

Пришло известие, что приостановлено наступление па Ленинград, ибо командование группы армий "Север"

заявило, что своими силами оно не может продолжать наступление. И из группы армий "Север" и из группы армий "Юг" перебрасывались крупные войсковые объединения для удара на Москву. Собиралась армада, в которую Германия вкладывала все свои силы.

А для меня готовилась неожиданная встреча с моей юностью.

* * *

Штаб группы армий "Центр" 24 сентября нацелил танковую группу на Орел-Брянск-Тулу. Наступление было назначено на 30

сентября, на два дня раньше всей группы армий, чтобы иметь в первые два дня поддержку всего воздушного флота Германии, сосредоточенного на Восточном 4'фонте.

Под Ленинградом были полностью приостановлены наступательные операции, продолжал лишь свое движение вдоль побережья Черного моря (})ОН Клейст со своими танками, используя успех под Киевом.

Танковая группа генерала получила пополнение и состояла из трех тацкозых корпусов, двух армейских корпусов, кавалерийской дивизии и различных частей усиления.

Три танковых корпуса можно было тогда приравнять по своему составу к нашим трем развернутым танковым армиям.

Тысячи машин и около тысячи танков были сосредоточены на узкой полосе в районе Глухова. Рука генерала на штабном совещании прочертила жирную черту на свежей карте. Стрела уперлась своим острием в Орел...

- А дальше? - спросил кто-то из командиров корпусов.

- Если к тому времени с Москвой будет решено фронтальным наступлением, мы поворачиваем на Горький... Если потребуется помощь для удара по Москве, то на Тулу и через Тулу на Москву...

В треугольнике Глухов, Брянск, Орел располагалось небольшое село. Обнаружить его можно только на тактической карте. Судьба связала меня с этим селом, окруженным Брянскими лесами, далеким от железной дороги.

Еще до начала испанских событий я побывал в этом селе.

...Шли маневры, в которых принимала участие и та воинская часть, в которой я служил. Это была десантная рота. По условиям военной игры воздушно-десантный полк был выброшен в тыл "противника". Небольшая ошибка в расчете, и меня с парашютом отнесло на лес.

Я пытался, управляя натяжением строп, попасть на лесную поляну, но сильный боковой ветер сносил меня на макушки высокого сосняка.

Стремительно надвигалась земля, секунды оставались до посадки, под ногами мелькали разлапистые сверху сучья сосен, на полянке я успел заметить две девичьи фигурки в пестреньких платьях.

Я попытался смягчить удар о макушку сосны, по йоги скользнули в хвою, меня ударило о ствол, и очнулся я на кровати, на мягкой пуховой перине в крестьянской избе.

Стояла такая гнетущая тишина, что первой моей мыслью было, не оглох ли я?

В неширокое оконце, привычное для деревенских построек,

падал яркий солнечный свет, пробиваясь сквозь занавеску и листву густого фикуса.

Я догадался, что это раннее утро. В окно были видны яблони, осыпанные яблоками.

Горница невелика, я в ней один. Два шага от изголовья кровати до окна, дощатая перегородка, сосновые бревна горят, как янтарь.

Я прислушался еще раз, надеясь уловить хоть какойнибудь звук, все еще опасаясь, не оглох ли? Тишина...

И вдруг мягкий удар по полу, мягкий и пружинистый.

Спрыгнула на пол кошка. Стало быть, не оглох.

Поглядел на себя. Руки поверх одеяла, попробовал шевельнуть ногой, не шевелится, боль пронзила до сердца...

Где-то за стеной скрипнула дверь, еще одна, легкие шаги, и в горницу вошла девушка. Ее глаза, черные, блестящие, как облитая росой черная смородина, встретились с моим взглядом, она улыбнулась, приложила палец к губам и села на стул возле кровати.

- Предупреждаю сразу! Разговаривать вам нельзя!

Врач запретил! А теперь сделайте мне знак глазами, - вы слышите меня?

Я на мгновение закрыл глаза.

- Вот видите, какая удача! Врач очень боялся за ваш слух. У вас сильное сотрясение мозга, и вы очень долго пробыли без сознания... Еще перелом ноги... Нога у вас в гипсе...

Деловитость и строгость милой незнакомки были прелестны.

- Меня зовут Варен, - продолжала она почему-то шепотом. - Вы у нас в доме! В селе есть больница, но и сказала, что буду ходить за вами лучше, чем в больнице... Отец никак не хочет вас отпускать, пока не поправитесь... И еще мне будет помогать моя сестренка, Машенька. Она школьница, а я в Москве учусь... Нам сказали, что зовут вас Никитой Алексеевичем, что фамилия ваша Дубровин. Командир части приезжал на машине забрать вас в госпиталь, но вы...

Варя на секунду запнулась, перед тем как произнести трудное слово.

- Врач сказал, что вы нетранспортабельны...

Мне хотелось узнать, в какой я деревне. Варя угадала мой вопрос.

- Это большое село, здесь центр колхоза "Заветы Ильича". Мой отец председатель колхоза, Иван Иванович Хренов... Маму зовут Марья Ефимовна.

Обстановка была обрисована исчерпывающе.

В то же утро я перезнакомился молча со всем семейством.

Пока я был оставлен на попечение сестричек.

Вскоре приехала ко мне мать. Тогда она работала в Центральном Комитете партии.

До революции в селе... было имение барона фон Дёрвиза, обрусевшего немца, выходца из Восточной Пруссии, крупного капиталиста и ученого человека. Он по доброй воле и желанию своему передал большевистскому правительству все свое состояние, вплоть до вкладов в иностранные банки, и стал учителем...

Его замок, сооруженный в конце прошлого века, вычурный и тяжелый. В двадцатых годах там разместили колонию для беспризорных, а позже открыли санаторий для детей, больных костным туберкулезом.

Надобно сказать еще несколько слов о младшенькой, о Марьюшке. Мать моя забрала ее учиться в Москву, чтобы не тосковала по сестре, а быть может, и потому, что очень она пришлась ей по сердцу своим характером.

...Пришел ответ на мой запрос по поводу реляций барона. Из Центра мне посоветовали передать фон Рамфоринху, что переговоры о прекращении войны возможны, лишь когда ни одного солдата не останется на советской земле, когда правительство Гитлера будет отстранено и Германия обязуется восстановить разрушенное.

Барону не сиделось в Берлине, он приехал на фронт в канун наступления.

Я ему изложил ответ Центра, внутренне ликуя над ним и надо всеми, кто стоял за его спиной.

- Недурно! - сказал он. - Условие первое - ни одного солдата на советской земле. Это разумно. Германия восстанавливает причиненный ущерб. Это меня не касается. Назовем это репарациями. Их выплачивать будет немецкий народ, но ни я, ни мои коллеги... А вот третий пункт, относительно Гитлера и его партии, - это сложнее. И мне с моими друзьями нелегко вырвать власть у него из рук... Но что вместо Гитлера? Что и кто?

Если мы устраним Гитлера и наци, то на их место придут или коммунисты, или социалисты... А этого ни я, ни мои друзья допустить не можем... Это посягательство на наши интересы... Наци несут не только завоевательные функции: они и охраняют нас от рабочего движения... Можете это передать и...

Барон замолк. Взглянул на меня своими бесцветными глазками и чуть заметно усмехнулся.

- А впрочем, не надо торопиться... Я чуть было не сказал, что вы свободны от обязательств, мною на вас возложенных. А это бы означало, что вам в танковой группе делать нечего... Но не надо

торопиться!

Полоса для главного удара была определена лишь в несколько километров.

На рассвете ударила артиллерия. На позиции Красной Армии обрушился огонь в несколько сот стволов на один километр прорыва. Затем весь воздушный флот группы армий "Центр", усиленный за счет группы армий "Юг"

и "Север", завис над позициями на восточном берегу Десны. Двинулись танки.

Танки первого эшелона рвались на минных полях, проваливались в рвы, за ними двинулся второй эшелон, и линия обороны была проткнута, как раскаленным шилом. В какой-то мере это было для барона оплата по векселю.

В узкий коридор устремились моторизованные войска, танки растеклись по тылам Красной Армии. Они рвались вперед, сокрушая и сжигая все на своем пути. Их фланги прикрывали эсэсовские части.

Три танковых корпуса, защищенные армейскими корпусами и эсэсовскими частями, устремились по направлению к Орлу, оседлав шоссейную дорогу.

Впереди гремели бомбовые удары, над танковыми колоннами висели истребители.

Генерал и его опергруппа двинулись за наступающими опять по бронированному коридору, как это было в Ромнах.

Стрелу на карте генерал начертил значительно жирнее, чем это получилось в бою. Сунулись на Путивль, и танковый корпус целиком вынужден был повернуть обратно, сузив полосу прорыва. Под Штеповкой были начисто уничтожены два немецких пехотных полка.

В первый день танки прошли километров сорок в глубину, заняли Севск.

Барон собирался уезжать, когда ему кто-то сказал, что впереди "населенный пункт с немецким имением".

Разведка установила, что имение это принадлежало барону фон Дервизу. Барон выразил желание осмотреть бывшую баронскую усадьбу. Оказывается, он слышал о немецком бароне, отдавшем свое состояние большевикам.

- Если он жив, мне любопытно было бы с ним встретиться, - сказал Рамфоринх. - Я вас попрошу быть у нас переводчиком, если он забыл свой родной язык в этом глухом и диком углу. Мне трудно понять психологию моего соотечественника...

...Следуя за опергруппой генерала, мы с бароном выехали в село ранним утром.

На въезде в село, на пригорке, с давних пор стояла ветряная

мельница. Скорее всего, недосуг было ее разбирать.

На всхолмье, у ветряка, генерала поджидали командир корпуса и командир дивизии,

Село тянулось вдоль берега неширокой речушки и уходило на другой ее берег в гору. На горе поднимался своими шпилями из дубовой рощи замок Деовиза, виднелись арочные ворота в готическом стиле, жилые дома. Фермы стояли раньше вдоль берега. Не осталось ни одной животноводческой и хозяйственной постройки.

- Здесь выполнен приказ Сталина! - доложил командир дивизии. - Взорвана плотина и электростанция, сожжены все общественные постройки, в селе не осталось ни одного жителя. Замок пуст. В залах только детские кровати...

- А жаль, что не везде вот так же выполнен приказ Сталина! - с иронией произнес барон. - Долго им пришлось бы возрождать пустыню...

Генерал скосил глаза на барона, но увидел на его губах ироническую усмешку и промолчал. Потом он мне как-то заметил:

- Если бы был везде выполнен приказ Сталина, мы оказались бы в выжженной пустыне...

У ветряка вся эта живописная группа пережила неприятные минуты. В воздухе вдруг появилось несколько советских самолетов. Они обрушили удар на танковую колонну, движущуюся по дороге. Барон имел возможность увидеть, как немецкие танкисты шарахаются от советских самолетов.

Генералу, барону и его штабу пришлось залечь в мокрые от дождя траншеи и окопчики. По рации из командирского танка были вызваны истребители. Над селом загорелся воздушный бой.

Три советских истребителя схватились с восьмеркой "мессершмиттов".

Я лежал в окопчике рядом с бароном. Он следил за боем.

Три советских истребителя устроили умопомрачительную карусель для восьмерки "мессершмиттов". Через несколько секунд вспыхнули два немецких самолета, черные точки летчиков отделились от машин, раскрылись над ними парашюты.

Остались шесть против трех. Ни один из шестерки не мог зайти в хвост советскому самолету. И вот еще два из шестерки задымились и отвалили в сторону, четверка вышла из боя. Советские истребители прошлись над остатками колонны, поливая пулеметным огнем бронетранспортеры с пехотой, и ушли на восток.

- Откуда это? - спросил барон, глядя на генерала с нескрываемым удивлением. - Много ли у русских этих самолетов?

- Когда мы начинали, их почти не было, а теперь появляются все чаще и чаще... Я полагаю, что эти образцы вошли в серийное производство.

- Где? Украина в развалинах, мы под Москвой...

- Быть может, на Волге, а быть может, и еще дальше, в Сибири... ответил генерал. - Мне довелось прочитать показания одного гражданского инженера. Он показал, что эвакуация промышленности на восток началась в первый же день нашего наступления.

- Я это знаю... Но когда же они успели? Вывезти оборудование в массовом масштабе и монтировать его заново, на это нужно годы! не могу поверить в такую мобильность советской промышленности... Это, должно быть, работа сибирских авиазаводов...

- Не знаю! - сухо ответил генерал. - Но если они появятся над Москвой, а к ним еще и тяжелые русские танки...

- Что же тогда случится? - спросил Рамфоринх.

Генерал не ответил.

Двери во все дома-нараспашку. До прибытия саперов никто не решался зайти ни в один дом.

В домах мин не обнаружили. Колодцы завалены землей.

За несколько часов фронт значительно отодвинулся.

Танки рвались вперед, торопясь оседлать шоссейную дорогу. Но генерал, памятуя о своих приключениях, позаботился о безопасности Рамфоринха. Пустая деревня страшила.

Между танками медленно проползла в гору штабная машина. Остановилась у ворот.

Генерал оставил в распоряжении Рамфоринха старшего офицера из опергруппы.

Барон вышел первым, за ним офицер, потом уже и я.

Над воротами вывеска: "Детский оздоровительный санаторий". Расчищенная дорожка, умощенная булыжником, вела к подъезду.

Командир саперной роты отрапортовал офицеру, что замок проверен, мин нет.

Барон медленно направился к замку.

В замке чистота. Больничная чистота. В комнатах и залах детские кроватки, на втором этаже классы, больные дети здесь ч учились.

Все оставлено, никто ничего не убирал. На стенах географические карты, в шкафах книги, в ботаническом кабинете в неприкосновенности остались незамысловатые коллекции насекомых и чучела лесных зверьков.

Барон задержался в учительской.

Просторный, полукруглый зал. Огромные окна открывали широкий обзор, из них видны парк, парадный въезд, кирпичный мост через речку, село, далекая пойма реки.

Барон остановился у окна. Подозвал меня.

- Фон Дервиз прекрасное выбрал место. Я здесь устроил бы себе охотничий замок. В лесах и на лугу запретил бы всякое появление двуногих, развел бы оленей, кабанов, лосей... Жизнь дается один раз! Каждый должен брать от нее все по своим возможностям...

Барон обернулся к офицеру:

- Вы сообщите по своей линии, что я беру это имение. Я в Берлине все устрою...

Барон обернулся ко мне. Улыбались его губы, глаза не улыбались.

- Вот видите, как все делается у людей дела! Через несколько дней я пришлю сюда рабочих, и замок приведут в надлежащий вид...

- Надеюсь, вы пригласите меня на первую вашу охоту?

- О, да! Обязательно! - ответил с усмешкой барон.

- Когда ждать приглашения?

Барон был готов к этому вопросу.

- Ну, скажем, на первый зимний снег!

Барон прошелся по залу.

- Никогда не надо откладывать хорошие вещи. Сейчас попрошу очистить этот зал и расставить столы для дружеского обеда. Я хочу отметить свое приобретение...

Барон прогулялся по парку, осмотрел все постройки.

Мы стояли у окна в зале, когда на горке, на дороге, поднимающейся из села к замку, появилась странная процессия.

Двигалась колонна подвод, запряженных лошадьми.

Эту процессию .можно было назвать большим обозом.

Десятка три подвод. На подводах дети.

- Что случилось? Что это за явление? - спросил барон, обращаясь к офицеру.

Офицер пожал плечами и пообещал немедленно справиться. Но я догадался и без его справки.

- Эго дети из санатория! - ответил я барону и взглядом задержал офицера. - Все понятно. Они слишком поздно эвакуировались. Танки перехватили все дороги, и они возвращаются назад, а с ними, быть может, и учителя, и врачи...

Офицер подтвердил мое предположение.

- Такие вещи и раньше случались, - пояснил он барону.

- А дети больные, - добавил я. - Сами они ходить не могут... Здесь лечат больных костным туберкулезом...

- Кто лечит? - спросил барон. - Кто платит за лечение, хотел я спросить?

Но я помнил о своем положении при штабе генерала п не торопился с пояснениями.

- Должно быть, - ответил я уклончиво, - к нам сейчас явятся воспитатели... Они все и объяснят!

- Если вы окажете любезность быть переводчиком!

Барон, видимо, решил мелкими уколами вывести меня из себя. Он не мог не понимать моего душевного волнения в ту минуту, хотя и не знал, что это село близко мне не только как обычное русское село.

- Делегацию привести ко мне! - распорядился барон.

Обоз между тем на подъезде к замку был остановлен автоматчиками, офицер пошел передать распоряжение барона. Мы остались вдвоем.

- Вы всерьез решили сделаться хозяином этого замка? - спросил я.

Барон покачал головой.

- Вы неисправимы, мой молодой друг! В Германии такое имение стоит целого состояния, через администрацию я этот замок получу почти даром... Мне нравится здесь...

- Тогда я, вероятно, могу с вами говорить как с хозяином этого имения?

- Я понял вас! Вы будете просить разрешения разместить этих детишек в замке... Гуманность и прочее.

Сначала послушаем их воспитателей!

Дверь открылась, и офицер пропустил вперед женщин. Они переступили порог и остановились, не зная, кто в зале главный, к кому обращаться. Офицер указал на барона. У меня возникли серьезные опасения - вдруг кто-то из них видел меня здесь до войны и узнает. Но никак я не ожидал того, что выпало на мою долю.

К барону подошли... моя мать и Марьюшка... У меня не только не оставалось времени что-то сделать, но даже обдумать свершившееся. Уйти я не мог ни под каким предлогом, ведь мне предстояло переводить.

Марьюшка здесь... Это еще объяснимо, она могла приехать к отцу, поступила воспитательницей к детям... Но как же оказалась здесь моя мать? Как могло случиться, что ее застигли немцы?

Мгновения, отпущенные мне на то, чтобы опомниться, истекли. Мать обратилась к барону на немецком языке, назвав себя и Марьюшку воспитателями детского санатория.

- О-о! - воскликнул барон. - Нам не нужен переводчик!

Барон сдержанно поклонился.

- Я представлюсь вам! Барон фон Рамфоринх!

И тут он обернулся ко мне...

- Это мой друг... - произнес он, указывая глазами на меня. - Я иногда пользуюсь его услугами при переводе с русского...

Мать и Марьюшка оглянулись на меня.

Мне ничего не оставалось, как приблизиться к ним.

Марьюшка тут же отвела взгляд, но мать, мать-то меня сразу узнала. Не дай бог, как говорится, пережить такое даже во сне...

Я знал ее выдержку, она ничем не показала, что узнала меня. Самое страшное мгновение проскочило. Но теперь ей предстояло преодолеть второй барьер, и не менее сложный. Перед засылом в Германию меня предупредили, что и она не будет посвящена, куда и зачем я уезжаю, Для нее я уехал в Испанию... Война в Испании давно окончена, я исчез, и вдруг здесь, рядом с бароном, да еще в роли его "друга".

Но я не заметил ни тени волнения на ее лице, она, конечно, мгновенно все поняла и сумела подавить волнение. Мать взяла Марьюшку за локоть как раз в ту секунду, когда она опять посмотрела на меня.

- Я предупреждала вас, Маша, - раздался неожиданно строгий голос матери. - Я вас предупреждала, что вы ничему не должны удивляться! Ничему! - повторила она с ударением.

- Переведите! - попросил меня барон.

- Я это могу сделать сама! - ответила мать. - Я предупредила свою спутницу, чтобы она ничему здесь не удивлялась... Она молода, не знает жизни, не понимает вашего мировоззрения...

- А вы знакомы с нашим мировоззрением? - спросил барон.

- Я - знакома!

- Вы немка?

Мать отвечала без промедления, навязывая стремительный ритм беседы.

- Нет! Но я много лет жила в Швейцарии и в Германии...

- Да, у вас прекрасное произношение...

Теперь я чувствовал по быстрой ее речи, что она в крайнем волнении, но боялся лишь за Марьюшку, что она не сможет понять мое появление.

- Политическая эмиграция? - спросил барон.

- Политическая эмиграция...

- Кто же революционер? Вы или ваш муж?

- И я и мой муж!

Зачем она все это ему говорит? В этакой откровенности нет никакой нужды, коммунисты никогда не вызывали симпатий у барона.

- Вы интеллигентный человек. Вы из дворян?

- Да, я из дворянского сословия...

- Коммунистка?

- Да!

- Итак, - продолжал барон, неуклонно продвигаясь к своей цели услышать откровения о войне, - вы заявили, что вам известно наше мировоззрение... С какой просьбой вы решили обратиться к нам?

- Теперь уже к вам, господин Рамфоринх, если только вы не однофамилец главы международного химического концерна...

- О-о! Вы знаете не только немецкий язык, вы осведомлены о германской промышленности... Я действительно... - барон помедлил, подыскивая слово, и вдруг улыбнулся, ему показалось, что он нашел остроумный ответ, - акула империализма, король вооружений, закулисный хозяин Гитлера. Я понятно выразился? Мне кажется, что именно так называют нас в ваших газетах...

- Приблизительно так! - согласилась мать. - Но я имею в виду то, что ваша власть выше военной власти.

Мы просим вас разрешить оставить детей в помещении санатория. Мы не успели увезти детей в далекий тыл...

Танки нас обогнали...

- Разрешите поинтересоваться, а что за эту любезность будут иметь немецкие власти? Согласно нашему мировоззрению мы не занимаемся благотворительностью.

Детей нужно кормить, им нужны медикаменты... На какие средства? Этот замок - наш военный трофей! Какая может быть с вашей стороны компенсация?

- Вокруг найдутся русские люди... Они помогут!

- Да, да... Русские крестьяне могут помочь детям.

Но я не вижу развития этого альтруизма. Каково будущее этих детей? Они обречены быть инвалидами... В переустройстве мира, которое предпринял фюрер, инвалидам места не отведено!

- Вы рассматривали вариант победы Германии.

А если поражение?

Барон обрадовался. Наконец-то он подвел разговор к вопросу, который его волновал.

- У вас есть основания предполагать, что Германия потерпит поражение?

- Предполагать? Нет, я уверена, что Германия мчится навстречу своей катастрофе!

- Откуда у вас такая уверенность? Наши танки в нескольких переходах от вашей столицы!

- Поставим вопрос несколько иначе, господин барон!

На что рассчитывала Германия, начиная поход? На внезапность? Внезапность не имеет решающего значения при

российских просторах!

- Численность населения, пространство, сырьевые ресурсы... Это все известно! Но если бы географический фактор не был бы решающим, мы не знали бы ни походов Александра Македонского, ни наполеоновских завоеваний, не Индия была бы английской колонией, а Англия индийской колонией!

- Вы очень обузили, господин барон, значение географического фактора... Куда вы дели психический фактор? За время своей истории русский народ не имел ни одного военного поражения... Даже так называемое монгольское завоевание имело весьма условный характер.

Сложился тот психический склад у народа, который не воспримет никакого иноземного владычества. В момент, когда европейские государства капитулируют, в России только развернется во всей силе народное сопротивление!

- Промышленный потенциал... - начал было барон, но мать перебила его.

- Вот-вот! Это и сгубило Германию! Самоуверенность технократов!

- Мадам! Вы читаете мои мысли! Ваша промышленность получила такой сильный удар, что уже не оправится!

- Промышленность перебазируется на восток...

- Эвакуация! Но на это нужны годы!

- Нет! Не годы, когда над народом нависла угроза гибели! Через год, через два завершится перевооружение армии, и ваши танки утратят преимущество. Чем глубже вы проникнете на нашу территорию, тем дольше и ужаснее будет агония Германии!

- Искусство воевать тоже кое-что значит! - подбросил барон новую мысль.

- Рисовать разноцветные стрелы на картах? Это вы называете искусством воевать? Это еще не искусство!

Высшее военное искусство - это иметь высокую цель в войне, понятную для каждого солдата! А что может быть выше, как отстоять свою национальную независимость, свою свободу, свою Родину, своих детей! Такой цели вы для своих солдат не имеете!

- От вас, наверное, скрыли, какое поражение понесла Красная Армия под Минском и Киевом?

- Это невозможно скрыть, иначе ничем не объяснишь ваше появление на Брянщине! Быть может, мы проиграем и еще одно, два сражения! Но не это изменит ход войны, и лишь одно проигранное немецкой армией сражение приведет ее к катастрофе!

Барон резко прервал полемику. Все, что он хотел услышать, он услышал. Вокруг этих вопросов он не впервые бродил, их он

имел в виду, когда говорил мне, что поход в Россию - это поход через темный неосвещенный коридор. Он переменил тему:

- Я не спешу запачкать руки жизнью этих детей!

Но давайте вернемся к исходным позициям... Кто и по какому праву передал этот дворец, частную собственность фон Дервиза, больным детям?

- Дворец строился русскими каменщиками и русскими плотниками. С этим дворцом есть еще одна частность, которая вашим правом не отрицается...

Мать обернулась к Марьюшке.

- Марьюшка, - сказала она по-русски, - покажи письмо фон Дервиза... - И на немецком языке пояснила: - Это копия с письма Ленину хозяина этого замка...

Подлинник хранится в Москве.

Листок, пожелтевший от времени, бисерный, твердый почерк, без помарок.

"...27 ноября 1917 года.

Господину Ульянову-Ленину, председателю народного правительства России!

Господин председатель!

Я, Людвиг фон Дервиз, прошу народное правительство принять от меня безвозмездно все мои промышленные заведения, земельные владения, конные и стекольные заводы, мои вклады в банках, в том числе в швейцарском и немецком.

Я считаю, что Вы нашли единственно правильное решение переустройства мира и покончили с положением, при котором собственность на землю, капитал, заводы и фабрики сосредоточивалась в руках немногих, что не соответствует современному развитию цивилизации.

Прошу прислать ко мне уполномоченных лиц, чтобы все мое движимое и недвижимое имущество было принято по описи.

Мою усадьбу я хотел бы отвести под детские лечебные заведения.

Прошу предоставить мне возможность заняться преподавательской деятельностью, соответственно моему званию магистра математики.

Людвиг фон Дервиз".

Перевел я и добавление, что подпись фон Дервиза заверяется председателем сельского ревкома Иваном Хреновым, учителем Дмитрием Вохриным и приходским священником отцом Савватием...

Барон внимательно осмотрел документ. Обычная его насмешливость погасла.

- Документ убедительный! - согласился он. - Имя фон Дервиза

известно в Германии... Из уважения к его воле я разрешу разместить детей в замке... Жизнь прибьет их к своему берегу... Каждому свое... Но я хотел бы поговорить с вами...

Барон сделал знак офицеру, чтобы он и Марьюшка вышли. Меня он оставил.

Он пригласил мать за стол, открыл бутылку рейнского, налил стаканы, бокалов здесь не нашлось.

- Вас не должно смущать присутствие этого офицера, - он кивнул на меня. - Это мое доверенное лицо...

Барон сделал несколько глотков вина, спросил разрешения у матери закурить сигару.

- Неужели все учительницы немецкого языка так подготовлены к политическим спорам?

Мать уловила его иронию, но твердо шла к своей цели.

- А кто вам сказал, что я учительница немецкого языка? Я случайно оказалась здесь, у своих родственников, и пыталась спасти детей...

Барон осторожно положил сигару в пепельницу.

- Я опустил вопрос о вашем имени... Мне думается, назвав свое имя, русские люди будут чувствовать себя стесненно в своих высказываниях... Весомость ваших выоказываний, однако, должна быть подкреплена именем...

Мать взглянула на меня и с этой минуты не сводила с меня глаз, как бы ожидая моего предостерегающего знака, выверяя по моим глазам, не совершает ли она ошибки? Мне в ту минуту все было безразлично, кроме ее безопасности.

- Я шла навстречу этому вопросу, господин Рамфоринх!

Я чуть прикрыл глаза, давая ей попять, что она может говорить все, что сочтет нужным.

- Мне никак не удалось бы скрыть своего имени, ибо меня знают и воспитатели, и дети... Мне известно, господин Рамфоринх, какими узами связаны моя и ваша семья...

- Через эту бумажку? - Барон небрежно подвинул конверт с письмом Дервиза к себе. - Я не состою в родстве с Дервизами...

- В Испании, господин Рамфоринх, ваш сын был взят в плен республиканскими войсками...

Я обомлел. Стало быть, ей все известно!

- Да, да, - говорила она, обращаясь больше ко мне. - Мне это стало известно значительно позднее тех событий...

Барон мгновение молча смотрел на нее, обернулся ко мне. В его серых глазах настороженность и удивление.

- Я вижу рядом с вами моего сына!

Мать встала, я шагнул к ней навстречу, потянулся ее обнять, но она удержала меня, крепко сжала руку, и я первый раз в жизни

увидел в ее глазах слезы.

Барон тоже встал, быстро прошел к двери, распахнул ее, удостоверился, что около двери никого нет, вернулся к столу. Он не мог подавить охватившее его смятение и молча смотрел на нас. Наконец уронил:

- Случайность?

Взгляд его серых глаз был холоден и строг, это признак гнева. В гневе и в раздражении он никогда не повышал голоса.

- Случайность на фронте протяженностью в тысячи километров?

Ну что же! Быть может, наступил и конец. Что стоила моя безопасность, если в опасности мать и Марьюшка.

Никаких возможностей воздействовать на то или иное решение Рамфоринха я не имел. Что я мог противопоставить его неограниченной власти? Даже если бы он и не воспрепятствовал бы моему допросу в гестапо, мой голос не был бы услышан. И если бы следователь гестапо вдруг осмелился бы меня выслушать, вслед за мной и он был бы уничтожен, как и я. И каждый, кто прикоснулся бы к тайне моих связей с бароном, исчез бы из жизни. Только одно могло спасти мать, Марьюшку - его интересы, судьба его сына.

- Вам неизвестны некоторые обстоятельства, господин барон. Шесть лет назад я был в этом... селе.

- Подожди, Никита! - остановила меня мать. - Мне показалось, что ты о чем-то просишь господина Рамфоринха! Господин Рамфоринх, мы сейчас, конечно, в вашей власти... Но мой сын возле вас. И концы этой связи не здесь, и они недоступны и неподвластны вам!

- Вы меня пугаете? Вы мне пытаетесь угрожать?

- О нет! Господин Рамфоринх... Просто объективная оценка сложившейся ситуации... Вы ищете выхода из этой ситуации. Я вам его подскажу! На короткое время устройте здесь детей... Учителя сумеют их развести по домам... Я уйду, уведу с собой эту девушку, и никто никогда из ваших не найдет меня...

- Куда вы уйдете?

Мать подошла ко мне, барон отвернулся к окну.

- Как и куда ты пойдешь? - спросил я ее. - Это трудно...

Барон резко обернулся.

- Вы можете помочь матери?

- Могу! Если бы нашлись средства переправить их в Рославль.

- В Рославль вы проводите их на моей машине, и под охраной...

К барону вернулось самообладание.

- Пусть мое решение подтвердит мою веру в победу

Германии. Сильный может себе позволить отпустить на свободу противника... Обладание властью иногда доставляет удовольствие показать эту власть!

Барон распорядился разместить детей в санатории.

В Рославль пошли две машины. Впереди представительская машина барона, сзади штабная легковая машина, впереди два танка и бронетранспортер с автоматчиками, сзади три танка и два бронетранспортера с автоматчиками. Насторожены были посты полевой жандармерии и гарнизоны узлов немецкой обороны. Короля химической промышленности охраняли, и никто не пытался даже поинтересоваться, кто едет в сопровождающей его машине...

В Рославле все оказалось труднее, чем я мог предположить. Связаться с Максимом Петровичем нетрудно.

Но как вывезти из города двух женщин? Город оцеплен и охраняется. Выйти двум путницам не разрешили бы...

Вывезти их Максим Петрович не мог. Договорились с ним, что мать и Марьюшка должны оказаться в деревушке километрах в десяти от города, куда немцы без особой нужды избегали заглядывать. Пришлось еще раз просить барона о помощи.

- Сделав первый шаг, от второго шага не отказываются, - ответил он мне. - Я все пресек бы, если бы все еще не нуждался в вас...

Я еще раз имел случай убедиться, что тайная власть выше власти явной. Мать и Марьюшку переправили в деревню. А сутки спустя я получил через тайник уведомление от Максима Петровича, что они "на месте"... Это означало, что они в партизанском отряде...

* * *

Танки генерала ворвались в Орел и повернули на Тулу. Настроение его опять приподнялось. Он поделился со мной известиями, что главные силы группы армий "Центр" завершили окружение крупной группировки Красной Армии в районе Вязьмы и нацелились на Москву.

Я поймал несколько его фраз, которые могли свидетельствовать, что он вновь уверовал в свою доктрину неотразимости танковых прорывов в глубокие тылы противника. Он уже не столь критично отнесся и к задаче, начертанной ему в указаниях из высших штабов, - спешно замкнуть кольцо на востоке от Москвы с соседними танковыми группами, наступающими севернее столицы.

Разведка ему доносила, что вплоть до Тулы не замечено серьезной группировки Красной Армии.

Казалось бы, все складывалось в лучшем для него варианте-

танки оседлали дорогу и движение шло по открытой сухой местности, без болот, по осенним укатанным дорогам. В Орел танки ворвались внезапно. Когда первые танки выскочили на городские улицы, еще ходили трамваи.

Передовой командный пункт разместился в здании городского Совета, позже туда перебрался и штаб танковой группы.

На другой день пришло донесение, что танки выступили на Мценск.

Военная комендатура устроила генералу встречу.

Отыскался в городе бывший генерал царской армии, бодрый старичок лет семидесяти. Вид он имел совсем не генеральский. Худой, суетливый. Работал он в какой-то конторе делопроизводителем, помнится, чуть ли не в домоуправлении.

Наш генерал принял его соответственно давнему званию, и "бывший" легко и без усилий вошел в свою роль.

Одет он был в скромненький пиджачок, изрядно потертый на локтях. Под пиджачком черная сатиновая косоворотка, подпоясанная плетеным шелковым пояском. Но осанку он сумел принять, и откуда взялся низкий и отлично поставленный баритон.

- Ну вот, свершилось! - объявил этому "бывшему"

генерал. - Мои танки на подступах к Москве... Полагаю, что им осталось один или, на крайний случай, два перехода... Я жду с минуты на минуту сообщений, что они возьмут Мценск... Вы рады?

- Чему? - спросил суховато гость.

- Как мне вас понять?

- Я-старик... Я могу лишь радоваться, как божьему дару, каждому новому рассвету в моей жизни... Мои страсти давно похоронены... Обо мне что за речь!

- Но вы можете радоваться за Россию! За ее судьбу!

- За Россию, покоренную Германией, я не могу радоваться!

- Неужели у вас угасло чувство справедливости!

- Какой?! Лет двадцать тому назад, быть может, вы и нашли бы тех, кто вас ожидал... Встретили бы вас с ликованием, чтобы потом разочароваться и повернуть против вас штык. Теперь никто вас, кроме лишенных разума и чести, и не ждал. Мы пережили самые трудные годы, мы справились с ужасающей разрухой... И сейчас вы не найдете человека, который не понимал бы, что участие в разрушении России приняла и немецкая армия в годы гражданской войны... Мы вырвались из тьмы;

встали на ноги, ваш приход отбрасывает нас на двадцать лет назад! Чему же радоваться?

- Быть может, действительно ваш возраст убил все желания?

- Нет! - живо перебил генерала гость. - Не все...

Я не желаю войны, у меня внуки на фронте и сражаются против вас... Я не желаю войны, я не желаю поражения армии, в которой сражаются мои внуки...

- Я полагаю, что и тут от вашего желания ничего не зависит?

- Так же, как и от вашего! - твердо ответил гость. - Я вам как солдат солдату скажу прямо... Германия никогда не сможет одержать победы над Россией... Это исключено самой природой русского парода и всего его исторического предначертания! Этого не может быть!

И все тут! И сколько бы вы ни захватили наших городов, грядет страшная расплата! Мне нечего терять!

Я старый человек, и вы не сможете зачислить в свои подвиги мою смерть или мои муки... Вы в Орле, мне это горько, но уверенности, что вы отсюда уйдете, у меня не убавилось...

Не получилась беседа.

Однако настроение у генерала испортилось не от этого. Он уже успел послать в генеральный штаб донесение, что его прорыв на Орел создал классический образец танкового наступления. Он указал в донесении, что впереди, на его правом фланге, нет войск противника. А к вечеру поступило сообщение авиационной разведки, что в районе Мценска появились части Красной Армии, что там идет концентрация войск, что под Мценск войска перебрасываются и на самолетах. С "классикой" не получилось.

Донесение было получено к вечеру, а вечером в город ворвались советские танки.

Из них два тяжелых танка генерал видел из окна командного пункта. Танки промчались, сокрушая на своем пути автомашины и бронетранспортеры с автоматчиками, двигавшимися к выходу по направлению к Мценску.

На северной окраине города началась ожесточенная канонада. На узких улочках города невозможно было развернуть крупное танковое соединение. Два тяжелых советских танка уничтожили более десятка немецких танков, а на выходе из города была остановлена крупная немецкая танковая колонна, в несколько секунд сгорело несколько танков, и командир дивизии отдал по рации приказ оторваться от противника и отступить в город.

Над городом занимался дождливый рассвет. По шоссе двинулись к Мценску мотоциклетные дозоры. Они донесли, что шоссе свободно, русских танков нигде нет. Генерал приказал выдвинуть к Мценску полк моторизованной пехоты, который взял бы под свою охрану шоссе Орел-Мценск.

После дозора и в полной уверенности, что ночное происшествие чистая случайность, командир полка двинул бронетранспортеры, автомашины и артиллерию по шоссе. Он спешил к Мценску.

Но полк не ушел далеко из города.

Советские танки опять совершили внезапный налет с правой стороны шоссе из оврагов, поросших густым орешником. Они выдвинулись на обочину шоссе и беглым огнем подожгли сразу несколько танков, разбили и расстреляли несколько бронетранспортеров. Ни вперед, ни назад двинуться было невозможно. Немецкие танки устремились с шоссейной дороги, но на другой стороне шоссе были встречены таким же беглым огнем из леса. Началась паника. Танки и бронетранспортеры пытались развернуться на шоссе и подставили себя под огонь из засады. На дорогу вырвались русские танки и начали утюжить пехоту, давить орудия, тараном разбивали бронетранспортеры.

Командир полка успел сообщить по рации, что наткнулся на "значительные танковые силы русских". Генерал поднял в воздух пикирующие бомбардировщики.

Они проложили ковер смерти вдоль шоссе. Но наземная разведка не обнаружила ни одного сгоревшего советского танка.

Можно было бы обвинить командира полка, что ему все приснилось, но его нигде не удалось обнаружить. Ни среди спасшихся бегством и уцелевших от пулеметного огня, ни среди убитых.

Я заметил, что на этот раз генерал не торопился осмотреть поле боя. Потерь у русских не было, так гласило донесение об этом бое, а потери колонны, выступившей на Мценск, были немалыми. Десять танков, два тягача с противотанковыми орудиями, пять автомашин с пехотой и несколько сот солдат.

Генерал сообщил накануне, что его передовые части входят в Мценск, а тут надо было пробиваться из Орла.

Не решаясь двинуться по прямой на Мценск, командир дивизии двинул танки в обход шоссе, чтобы вырваться на него в тылу неуловимого подразделения русских.

Авиаразведка донесла, что русские установили оборону в пяти километрах юго-восточнее Орла. Туда и были брошены до пятидесяти танков, сотня бронетранспортеров с автоматчиками, с противотанковыми орудиями на прицепе.

Генерал с нетерпением ждал сообщений о прорыве обороны русских и об уничтожении появившегося у него на фланге танкового подразделения.

Он распахнул окна здания горсовета и слушал бой.

Канонада доносилась до центра города вполне отчетливо.

Опытное ухо могло без труда установить, что идет интенсивная дуэль танковых пушек. В наступление двинулись два танковых полка. Но через три часа они запросили помощи, сообщив, что атакованы с флангов превосходящими силами русских.

- Этого не может быть! - кричал в телефонную трубку генерал,

Я еще не видел его в таком раздражении. Впервые ич моих глазах он пригрозил командиру дивизии военным судом.

До вечера прорыва так и не состоялось. Потери-восемнадцать танков, до десятка требующих ремонта, несколько сот солдат.

Генерал потребовал, чтобы любой ценой был схвачен "язык".

Ни авиаразведка, ни наземная разведка не могли внести ясности в обстановку.

На другой день генерал собрал двести с лишним танков и попытался осуществить прорыв по прямой на Мценск.

Бой на этот раз развернулся на шоссе, точнее, сбоку от шоссе, в районе Нарышкина.

Разведка установила, что сбоку от шоссе оборонительные позиции заняла русская пехота.

Командир дивизии счел необходимым обезопасить свой фланг.

Впереди двинулись мотоциклы, сзади танки. Они тащили на прицепе противотанковую артиллерию, за ними бронетранспортеры с пехотой. Таран осуществляли танки T-IV.

Мотоциклистам пришлось тут же попятиться под огнем русских. Танки двигались, стреляя на ходу. Генерал выехал к месту боя.

Страшно было смотреть на эту лавину стали даже со стороны. Казалось, ничто не могло ей противостоять.

И действительно, с ходу, не прекращая ураганного огня, они ворвались на русские позиции. Видно было в бинокль, как они утюжат окопы. Не пехоте же их остановить!

И вдруг из-за холма, из какого-то укрытия выкатились всего четыре танка, всего четыре "тридцатьчетверки"... Они ударили с фланга, их огонь приходился по бортам немецких T-1V. Огонь с расстояния в бросок гранаты. Но четыре танка против сотни! Немецкие танки развернулись и двинулись в обход "тридцатьчетверок".

Но "тридцатьчетверки" не попятились. Они промчались вдоль строя немецких танков и исчезли так же мгновенно, как и появились.

Вдруг совсем с другой стороны такая же стремительная четверка. Я даже был готов подумать, что это те же танки. Но уж очень быстро они изменили позиции, действуя, как в хорошо

отрепетированном спектакле. Они вновь прошлись по флангу танковой армады и оставили пятнадцать горящих танков. А в это время с другого фланга последовал столь же стремительный налет.

Я уже знал от генерала и его командиров, что "тридцатьчетверку" немецкий танк мог поразить, только зайдя ей сзади. Но советские танкисты не подставляли спины, они все время шли сбоку от немецких танков, поражая их в самые уязвимые места.

- Они кое-чему научились! - выдавил из себя генерал.

Он приказал прекратить атаку и сосредоточиться для нового рывка. На этот раз в броске должны были участвовать двести танков и сто бронетранспортеров с пехотой.

Шел дождь, подступали осенние сумерки. "Юнкерсы"

ничем не могли помочь танкам. Но двести танков и без "юнкерсов" сокрушительная сила.

Командир дивизии явился к нам на наблюдательный пункт с донесением, что все силы дивизии сосредоточены для атаки, что они должны ударить почти в одну точку.

Он даже осмелился спросить, не сядет ли генерал в свой командирский танк посмотреть, как будут сбиты позиции русских. Генерал колебался. Еще дребезжали сумерки, но уже расплывались далекие очертания перелесков.

Вдруг дрогнула земля, и откуда-то из-за пригорка возник оглушающий рев и свист. Стало светло как днем, огненные кометы опоясали землю. Рев нарастал, как в кошмаре. Генерал и несколько офицеров из опергруппы сидели в надежном убежище, в километре от сосредоточившегося для атаки танкового тарана.

Опытный глаз уловил, что удар огненных комет проносится мимо, а если бы и не проносился мимо, то и на землю падать в блиндаже не имело бы смысла.

Взрывы слились в один сплошной звук горного обвала. Вспыхнула земля, заплясали языки жаркого пламени. В общий грохот ворвались звуки рвущихся боеприпасов. Горели танки... Горели, как подожженные солнечным жаром. И огонь-то был необычным, языки пламени имели странный голубоватый оттенок.

Генерал, ни слова не обронив, стремительно выбежал по ступенькам из блиндажа. Внизу, в долине, где сосредоточились танки для атаки, все пылало и плавилось...

- Я слышал об этом под Ельней! - обронил он сквозь зубы. - Без разведки ни шагу вперед! Боюсь, что Советы здесь успели против нас выставить танковую армию...

Ночью генерал продиктовал письмо в ставку. Он потребовал

приезда из Берлина комиссии, которая удостоверилась бы в превосходстве над немецкими танками советских "тридцатьчетверок".

Утром пришло донесение о потерях: сорок три танка немецких и два русских...

Командир дивизии казался потерянным. Я его помнил по первым дням наступления, помнил под Ромнами.

Таким его видеть не приходилось. Он не мог скрыть дугневного потрясения.

- Вас смутило новое оружие русских? - спросил его генерал. - Никакое оружие не может изменить соотношения сил...

- Мастерство их танкистов, - парировал полковник, - это уже постоянно действующая величина... Они бьют из засады, а мы гоняемся дивизией за несколькими танками... Я не верю, что перед нами танковая армия...

Несколько десятков танков остановили дивизию...

- Ну, до этого мы еще не дожили! - оборвал его генерал.

- Наши подбили русский танк... Водитель жив...

- И сейчас жив? - нетерпеливо воскликнул генерал.

- Сейчас? А вот этого не знаю!

- Я требовал "языка" для личного с ним разговора!

Полковник поморщился.

- После того как наши горели в долине? Я отдал распоряжение, чтобы его перевязали, привели в порядок... Но я не могу ручаться!

- Немедленно доставить его ко мне!

Мне генерал бросил на ходу, что я должен быть у него переводчиком.

Привели русского танкиста. Обгоревший комбинезон, рука на перевязи, обмотана бинтами шея, повязан левый глаз. Лицо черное, от въевшейся в кожу гари.

- Водитель танка? - спросил генерал.

Пленный ответил утвердительно.

Последовал сразу же главный вопрос:

- Сколько на шоссе Орел-Мценск сосредоточено русских танков?

Я не успел перевести вопроса, вмешался полковник:

- Он дал об этом нелепые показания... Пленный увеояст, что перед нами сосредоточено более трехсот танков... В одной точке мы не встречались с такими танковыми силами русских... Оно не могло не быть замечено нашей авиаразведкой... Я положил перед ним карту н попросил указать, где же сосредоточены эти танки?

Он указал на пустые места...

Генерал расстелил на столе карту. Поманил пальцем

пленного. Танкист оглянулся на меня.

- Подойди к карте! - предложил я ему.

- Где танки? - спросил генерал и протянул танкисту карандаш.

Он был тяжело ранен, ему с трудом давался каждый шаг. Он опять оглянулся на меня и сказал:

- Объясните генералу, что я не обучен читать карту.

Могу и ошибиться...

- Передайте ему, - ответил генерал, - что, если он расскажет правду, хотя бы как он ее знает, мы сохраним ему жизнь. Мы положим его в госпиталь... И я даю слово после госпиталя отпустить его и не посылать в лагерь для военнопленных.

Пришлось перевести с полной точностью слова генерала, я не исключал возможности, что полковник знал русский язык.

Спокойно и даже вроде бы ласково взглянул на меня голубой глаз танкиста. Если он и разыгрывал покорность, то должен сказать, что бог его наделил актерским талантом.

Танкист подвинулся к карте...

Генерал ткнул указкой в точку, указывая на Орел:

- Здесь? Это город Орел!

Танкист кивнул головой. С трудом давалась ему речь.

- Был приказ взять Орел с ходу! Мы вот здесь на станции наткнулись на вашу противотанковую батарею.., и отступили... Несколько танков прорвались в город. Бой шел всю ночь.

- Танки вернулись? - живо спросил генерал.

- Три танка не вернулись, остальные прошли сквозь город и вышли обратно к нам...

Генерал обернулся к полковнику.

- Пока что он говорит правду...

- И о тех танках, которые вернулись из города? Мне думается, что в город и ворвались всего лишь три танка...

- Сколько танков ворвались в город? - спросил у танкиста генерал.

- Батальон шел... - ответил танкист. - Разве вы больше, чем тройку, подбитых насчитали?

Я начал понимать танкиста. Живуча была в нем солдатская хватка. Он ничего не сказал, чего не знали немцы, а у них уже попытался выспросить о судьбе прорвавшихся в город танков. Генерал подтвердил, что в городе были подбиты три танка. Видимо, танкиста волновала судьба товарищей.

- У нас так и решили! - подтвердил он.

- Сколько у вас танков? - крикнул полковник.

- Танки выгружаются каждую ночь... - ответил танкист. - Сейчас, я думаю, уже больше трехсот!

- Вот! - крикнул генерал, обращаясь к полковнику. - Я говорил! Перед нами крупное танковое соединение!

- Где эти танки?

Все вернулось к первому вопросу. Танкист долго рассматривал карту.

- Какое сегодня число? - спросил танкист.

- Шестое октября, вечер! - ответил я ему.

Танкист показал здоровой рукой на карту.

- Вчера мы были здесь!

И он указал на ту долину, где был нанесен удар по немецким танкам советскими реактивными минометами.

Полковник зло бросил:

- И там были все триста танков?

- Да нет... Должно быть, не все... Они будут защищать Мценск...

- Кто ваш командир? - задал последний вопрос генерал.

- Генерал Катуков!

- Катуков? - переспросил генерал. - Кто такой Катуков? Я думал, что здесь генерал Жуков! Не путает танкист? Вы правильно произнесли фамилию генерала?

Это уже был вопрос ко мне. Я переспросил танкиста.

- Катуков...

- Кто он?

- Танкист...

Генерал пожал плечами.

- Нет, это несерьезно! Нам надо взять в плен высшего офицера... А кто этот танкист?

Танкист объяснил, что он тракторист, колхозник, из Подмосковья, что родился он в двадцатом году 20 апреля...

Генерал быстро взглянул на полковника, полковник развел руками.

- Передайте! - сказал генерал. И для танкиста я перевел: - В Германии есть закон, всякому даруется жизнь, даже преступнику, если он родился в тот же день, что и наш фюрер...

Показания танкиста имели свои последствия. Ни седьмого, ни восьмого октября генерал не возобновил наступления.

А каждый день и каждый час в те дни были драгоценны для обороны Москвы.

Командир корпуса и генерал собрали мощную колонну в шестьсот танков. 9 октября передовые отряды корпуса в составе сотни танков предприняли новую атаку там, где им не удалось пройти седьмого октября. Боя мне не довелось наблюдать, генерал не захотел рисковать встречей с реактивным оружием русских. Сто танков - огромная сила. Но эти танки были активно

атакованы с флангов русскими танками. Бой был ожесточенным, и казалось, что русские должны были попятиться... Но тут произошла история с горючим.

Бросив на прорыв сотню танков и надеясь на прорыв по прямой на Мценск, командир корпуса подтянул резервные цистерны с горючим к месту сосредоточения главных сил.

Колонна, приготовленная к прорыву, растянулась в общей сложности километров на пятнадцать вдоль шоссе. С флангов ее охранял стальной коридор из танков.

Впереди шел бой на прорыв. Пылало более десятка танков.

Командир корпуса приказал усилить давление танками и бросил в бой танковый батальон. Батальон двинулся на исходные позиции для атаки вдоль шоссе. Авиационную разведку из-за погоды вести было невозможно.

Обычно над таким скоплением танков барражировали несколько звеньев истребителей, а по флангам делали облет разведывательные самолеты.

Из-за пригорка выскочили три "тридцатьчетверки".

Они прошили насквозь таранным ударом броневое охранение и выскочили на шоссе. Рассказывали, что танки проутюжили участок шоссе, занятый бронетранспортерами с пехотой, наскочили на цистерны с горючим и расстреляли их в упор. Взрывы и огонь ста тонн горючего были и слышны и видны в городе. Должно быть, это было столь же страшно, как и взрывы реактивных снарядов. Цистерны с горючим были рассредоточены вдоль колонны, пламя перекидывалось с одной на другую, сжигая свои же танки, бронетранспортеры и автоматчиков.

Солдаты побежали с шоссе в поле, там их встретил пулеметный огонь из засады.

- И этот день для наступления оказался потерянным.

Семь дней боев - и почти никакого продвижения.

Мценск и на десятое октября оставался трудно достижимой целью. В штабе подсчитали потери: сто тридцать три танка за семь дней на пятидесяти километрах продвижения. И это только на участке Орел-Мценск.

В обход Мценска двинулись все танки корпуса, усиленного соседями. Бой за город длился дотемна. Порой по донесениям казалось, что танковое соединение русских попало в окружение. Но наутро на южном берегу небольшой речушки Зуша не оказалось ни одного советского солдата. Подсчитали потери. На поле боя догорали два тяжелых русских танка, три "тридцатьчетверки" и двадцать три немецких танка.

Генерал объехал поле боя. На минуту мы остались вдвоем.

- А вы знаете, - сказал он. - Боюсь, что... русский танкист

морочил нас! Здесь не было много русских танков... Они не выскользнули бы по железнодорожному мосту... Я думаю, что барону будет небезынтересно узнать, что мы утратили превосходство в материальной части наших танковых сил... Русские и раньше бросали в бой эти танки... Их было не так-то уж и мало! Но они еще и сами не знали, сколь грозным оружием они располагают... Теперь русские это знают и умеют его применять... Как имя русского командира?

Танкиста?

- Мне помнится, - ответил я, - что пленный назвал его Катуковым...

- Я запомню это имя! Должно быть, у пас с ним еще будут встречи... Теперь мы на быстрый успех рассчитывать не можем... Когда мы стояли в Орле, перед нами не было боеспособных русских частей, теперь весь мой фланговый марш утратил смысл... Перед нами фронт, и надо вновь собираться с силами, чтобы его прорвать...

От Глухова до Орла около двухсот километров. Танки генерала прошли этот путь в три дня. От Орла до Мценска пятьдесят километров. На пятьдесят километров было потрачено восемь дней.

От Мценска до Черни тридцать два километра. Десять дней шли бои в районе Мцеиска. 22 октября вновь были сосредоточены для удара все силы корпуса. Но 22 октября удар не дал своих результатов. Фронт прорвать не удалось, 23 октября русские начали отходить.

С боями оставили Чернь. Чтобы пройти тридцать девять километров, понадобилось двенадцать дней. Но бои за город и его окраины продолжались еще два дня, и под Чернью понес большие потери отборный эсэсовский полк "Великая Германия".

До Тулы оставалось сто километров с небольшим.

Все силы танковой армии нацелились на Тулу. Верховное командование требовало быстрейшего продвижения к Туле. Одновременно пришла радиограмма от Гитлера.

Он требовал выбросить подвижные отряды к Оке и обойти Тулу со стороны Серпухова.

- На это мы уже не способны! - заметил мне генерал.

Я написал барону записку:

"Господин барон!

Я был свидетелем, как трудно дались последние километры наступления. Немецкий солдат, а главное, офицеры стоят на грани психологического шока. Инерция европейских побед перестала действовать. Только теперь стало известно в штабе, что наше наступление на Мценск сдерживали две танковые бригады.

В одной из них насчитывалось пятьдесят танков. Думаю, что генерал постесняется упомянуть об этом в официальных реляциях".

Я знал, что в Рославле были сосредоточены крупные немецкие штабы, но я все же выехал туда, чтобы отправить посылочку в Центр через Максима Петровича.

Я сообщил, что целью всей танковой группы генерала теперь определялась Тула, что генерал и его офицеры потеряли бодрость после боев за Мценск. Но вместе с тем я сообщал, что вся танковая армия в целом пока является мобильном силой, что ее ударная мощь остается опасной для южных подступов Москвы. Теперь я уже мог и с известной точностью перечислить ее соединения и оружие.

* * *

Двадцать с лишним дней танки генерала пробивались до Черни и прошли за это время восемьдесят километров. От Черни до Тулы, собранные в кулак со всех участков фронта, они прошли за три дня.

29 октября передовые отряды головного танкового корпуса подошли вплотную к Туле. До городской черты оставалось четыре километра. Командир корпуса подтянул вторые эшелоны и бросил танки на штурм города.

Генерал распорядился заготовить донесение о взятии Тулы и решил выехать на фронт к передовым отрядам.

Второе донесение из-под Тулы им было получено в дороге. Командир корпуса сообщал, что его танки на окраине города встречены шквальным огнем зенитных батарей, а с флангов выдвинулись русские танки и довершили удар. Пришлось попятиться. Командир корпуса заключал свое донесение соображениями о невозможности взять Тулу штурмом. Он предлагал фланговый марш с востока.

Генерал остановился в Черни, по рации он получил сообщения разведки, что справа на его правый фланг выдвигаются какие-то новые русские силы.

Части танковой группы наткнулись в районе Теплое на свежие части Красной Армии. Завязались встречные бои. Имея на фланге такого рода угрозу, генерал отложил штурм Тулы. Забегая вперед, замечу, что бои под Теплым продолжались с переменным успехом десять дней. И только сняв танки из-под Тулы, генерал смог потеснить части Красной Армии.

В ночь с 3 на 4 ноября ударили морозы, сковали землю. Танки получили возможность широкого маневра, генерал приободрился. Оживилось и командование группой армий. К генералу на его командный пункт приехал фельдмаршал фон Бок,

чтобы поторопить танковую группу с наступательными действиями.

А из Теплого шли донесения, что наступают русские.

Генерал показал эти донесения фельдмаршалу. Но фельдмаршала не интересовали такие мелочи, его мысль была устремлена к далеким и большим целям. Его радовал мороз, замерзшие дороги, возможность для танков широкого маневра.

Генерал побывал на передовом наблюдательном пункте под Тулой. 6 ноября вернулся в штаб и созвал оперативную группу. Он был мрачен и неразговорчив. Выслушаз донесения, попросил оставить его одного. Меня задержал.

- Боюсь, что вам придется вылететь к барону в Берлин... Настал и ваш час! От Тулы до Москвы сто восемьдесят километров, а мы ие можем пройти до города четырех километров...

- Нужны подкрепления? - спросил я лишь для того, чтобы не молчать.

Генерал поморщился.

- Нужны еще три или четыре такие же танковые армин... Я боюсь, что там, в Берлине, не очень-то понимают, что здесь происходит... Читать одно, а видеть своими глазами-другое... Такое впечатление, что у русских расчет был привести наши армии к столице и здесь, в глубине, бросить в бой решающие резервы!

- Кутузов сознательно сдал Москву без боя французам и выиграл войну одним сражением, после которого ОТСТУПИЛ...

- Это я знаю... Но он нигде не обмолвился, что умышленно сдаст Москву, и оставит нас по этому поводу в неизвестности. Он не мог объявить об умысле! А может ли Сталин объявить своим близким о таком умысле?

Мог А!! он сказать своим генералам и помощникам, что враг будет остановлен лишь под Москвой. Но если так, то почему же он не вывел войска из-под Киева? Завтра мы с вами послушаем радио...

8 десять часов 7 ноября из приемника донесся перезвон московских курантов, начался парад на Красной площади.

Генерал тут же соединился по телефону с фельдмаршалом авиации Ритхофеном.

- Вы третий, кто мне звонит! - раздались раскаты фельдмаршальского голоса. - На подступах к Москве идут воздушные бои... Это все, что я могу сделать... В город прорваться невозможно!

На другом конце послышались гудки отбоя.

9 ноября головной корпус, все еще пытавшийся пробиться в

Тулу, вынужден был перейти к обороне. Из Тулы началось наступление частей Красной Армии. Это уже были не контратаки местного значения.

12 ноября начальник штаба армии привез из Орши, где проходило совещание всех командующих армиями группы "Центр", приказ на осеннее наступление. Танковой армии предписывалось развивать успех в направлении на Горький.

Генерал тут же прикинул на карте расстояние до Горького. Получилось шестьсот километров.

Он вопросительно взглянул на начальника штаба.

- Я им заявил, - ответил начальник штаба, - что это не Франция! Мы не можем продвинуться на несколько километров...

Но приказ о наступлении подписан, и генерал обязан его выполнить.

Наступление началось...

На другой день оно застопорилось. Авиация оказалась бессильной расчистить дорогу танкам. Она наталкивалась на воздушный щит над расположением частей Красной Армии. С каждым километром продвижения нарастали потери в танках.

21 ноября генерал распил бутылку коньяку за своего прежнего командующего по французскому походу и противника его доктрины, за фон Клейста. Его танки заняли Ростов.

- Теперь они впереди, - сказал он мне с горечью. - Там, во Франции, они меня сдерживали, теперь рвутся вперед... А я думаю о последствиях...

Мне даже показалось на минуту, что он завидует фон Клейсту. Но он уже предугадывал, что фон Клейста ждет в Ростове. Поэтому двумя днями позже отправился к командующему группы армий "Центр" попросить изменения приказа о наступлении на Горький. Приехал еще более мрачным.

- Теперь генералы рвутся вперед, а не только Гитлер... Они сошли с ума, а не фюрер!

30 ноября все еще шли споры с высшим командованием, как овладеть Тулой, а с юга пришло сообщение, что фон Клейст оставил Ростов, чуть было не потеряв всю танковую армию. Гитлер сменил командующего южной группы войск, но и новый командующий откатывался от Ростова под ударами с флангов.

Авиационная разведка донесла, что над районом Каширы русская авиация создала непроницаемый заслон, что оттуда, из-под Каширы, идет движение к фронту крупных соединений русских войск. Кашира-открытый фланг. Генерал потребовал уточнений. Но русские истребители не подпустили к Кашире ни одного немецкого самолета.

2 декабря генерал перенес передовой командный пункт в

Ясную Поляну.

Кто-то из офицеров пошутил:

- Здесь можно быть спокойным... Имение графа Толстого русские бомбить не будут...

Генерал не улыбнулся шутке.

Он решил осмотреть парк. Было пасмурно, падал колючий снег, в поле мело, и с пригорка была видна смутно лишь деревня Ясная Поляна.

Сапоги генерала печатали шаги на снегу, свита медленно двигалась за ним.

Генерал шел к могиле.

Я помнил это место. Отец не раз возил меня сюда.

Овраг, молодая березовая поросль, старые клены, липы и дубы, одинокий поросший травой могильный холмик.

Это здесь маленький Левушка искал в детстве волшебную палочку, которая приносит счастье человеку.

Около могилы вырубка, на вырубке деревянные и железные кресты сотен немецких могил. Генерал остановился. К нему заторопился командир корпуса.

- Вы думаете, - спросил генерал, - им лучше лежать рядом с русским графом?

- Это солдаты распорядились... Обер-лейтенант ответил мне, что здесь не тронут могилы, не станут портить могилу Толстого.

- Кто не тронет? Кто не станет портить?! - воскликнул генерал.

- Обер-лейтенант имел в виду русских...

- Каких русских? Здешних?

- Нет! Не здешних... Он говорил о тех русских, которые придут сюда, когда нам придется уйти.

Генерал постоял у могил и молча пошел назад. В кабинете Толстого на полу лежал лист железа и на нем пылал костер.

У костра грелись танкисты...

Они вскочили. Странен был их наряд. Кое-кто был обут в валенки, явно сдернутые с ног колхозника, лапти.

- Найдите теплую избу, - сказал он танкистам, - мне надо здесь побыть одному...

- Осмелюсь доложить, господин командующий! - выскочил вперед танкист. Все избы заняты...

- Вы воюете или по избам прячетесь?

- Мы наступаем! - ответил он.

- У костра в этом барском доме?

- И они наступают, господин генерал... Мы не знаем, кто наступает...

- И что же? Нет сил сбить противника?

- Господин генерал! Один раз, еще один раз мы как-нибудь и собьем русских с их позиций... А дальше!

Дальше еще позиции и нет этому конца! Москвы они не отдадут!

- Ее надо взять с боя!

Я приглядывался к генералу. Не было гнева в его глазах. Я понял, он воспользовался разговорчивостью танкиста, чтобы выяснить настроение солдат. Не каждый солдат решился бы так свободно разговаривать с командующим армией. Офицеры застыли в почтительном недоумении, хотя в общем-то каждый из них знал, что за словами этого танкиста стоит горькая правда.

Солдат подтянулся.

- Господин командующий, - начал он несколько торжественным голосом, с той долей патетики, к которой так любили прибегать в немецкой армии. Господии командующий, мне завтра с утра в бой и, быть может, последний в моей жизни...

- Ты идешь от границы? - спросил генерал.

- В нашей роте не осталось ни одного человека от границы... Мы из Франции пришли в Рославль... Во Франции, когда пал Минск, мы ждали сообщения о падении Москвы...

- Надеялись, что кто-то другой за вас совершит этот подвиг?

- Нет! Надеялись, что Москва падет без боя! Но русские будут ее защищать до смерти, и нас не хватит, чтобы пройти в этот город по своим трупам!

Генерал сделал знак рукой, танкисты вышли.

Порученец спросил у генерала:

- Сообщить об этом танкисте в гестапо?..

- Сообщите в гестапо о своем командующем! - оборвал он порученца.

Генерал расположился с картой за письменным столом Льва Толстого. Был задумчив и молчалив. Вечером пришло донесение, что его танки наконец-то перерезали шоссе Тула-Серпухов. Но и это известие не изменило его мрачного настроения.

- Это же чуть заметная точка в этих бесконечных снегах... - заметил он начальнику штаба.

А утром пришло сообщение, что танки отброшены от шоссе, что со стороны Серпухова русские наступают.

Генерал поехал в объезд Тулы в передовые части.

С ним двинулась и оперативная группа. Днем он встретился с танкистами, которые побывали на шоссе Серпухов-Тула.

- Почему вы отступили? - спросил он у командира танковой роты.

- Русские открыли ураганный огонь! Откуда у них снаряды, господин командующий? Откуда у них столько снарядов?

- Будет еще больше! - пообещал генерал. - Надо сделать еще одно усилие или будет поздно!

Командир дивизии доложил, что русские накапливаются для атаки, что здесь стало небезопасно для командующего. Генерал вернулся к командирскому танку.

В дороге поднялась метель. Стемнело. Исчезли все ориентиры, танки шли с зажженными фарами, но снежную крутоверть фары не пробивали, впереди стояла млечная, плотная завеса.

Мела поземка, овраги вздыбились сугробами, склоны их оледенели. Водитель не успел затормозить, командирский танк с генералом сполз в овраг и зарылся в глубоком сугробе. Танкисты разожгли костер. По рации вызвали буксирный танк.

Генерал перешел в штабную машину. Она отапливалась.

Наступило четвертое декабря.

В три часа ночи пришел буксирный танк и поволок за собой по трассе штабную машину.

В кабинете Толстого горел костер, начальник штаба собирал донесения из частей, разбросанных южнее и восточнее Тулы.

- Что под Каширой? - спросил его генерал.

- Под Каширой нас теснят...

- Кто теснит?

- По нашим данным, танковая дивизия, стрелковые части и кавалерийская дивизия. Днем русские активно бомбили наши позиции...

Минул еще один день. Изо всех корпусов доносили, что наступление возобновить не удалось ни на одном из направлений. Наступающие части встречены огнем русских и контрударами при выходе на исходные позиции.

- Кго наступает, мы или русские? - задал вопрос генерал начальнику штаба и собравшимся в кабинете Толстого офицерам.

- Они контратакуют! - решился кто-то ответить на этот вопрос.

- Они контратакуют, а мы откатываемся назад?

Генерал встал.

- Властью, которой я облечен, в этот трудный час я приказываю повсеместно перейти к обороне и отвести войска на удобные рубежи для обороны! Я ответствен в едином лице перед командованием! Прошу немедленно выполнить приказ и довести его до войск, находящихся .в соприкосновении с противником...

Генерал попросил всех работников штаба остаться при его переговорах с командующим группы армией.

- Господин фельдмаршал, - доложил он, - я отдал приказ о прекращении наступления. Мои войска отходят с ночными боями,

и я вырабатываю сейчас со штабом линию, на которой им предстоит занять оборону...

- Где вы находитесь?

- Сейчас только с трудом пробился на передовой командный пункт с линии фронта между Серпуховом и Тулой... Все наши попытки выйти на исходные позиции для атаки были сбиты противником...

- Вы отдаете себе отчет в том, что вы не выполнили приказ высшего командования? - спросил после короткой паузы фельдмаршал.

- Я всю ответственность взял на себя и немедленно

передам командование тому, кто сможет выполнить этот приказ! Я был бы счастлив сам об этом доложить фюреру!

Фельдмаршал обещал сделать все возможное, чтобы фюрера соединили с командным пунктом генерала.

- Вы будете пытаться убедить фюрера? - спросил начальник штаба.

- Иногда мне это удавалось! - ответил генерал.

- Это когда вы настаивали на наступательных операциях!

Генерал опустил веки.

В ожидании вызова из Берлина, через центр связи в штабе группы армий, генерал связался с командующими соседними армиями.

По всему фронту четвертого декабря ни одному крупному подразделению не удалось стронуться с исходных позиций для атаки.

Генерал вынул из папки, переданной ему разведчиками, газету "Правда". Попросил меня перевести отчеркнутые абзацы. Это была "Правда" от 27 ноября. Карандашные пометки стояли на передовой. Она называлась:

"Под Москвой должен начаться разгром врага". Я перевел ее название.

- Пожалуйста! - подбодрил меня генерал.

Офицеры штаба сгрудились возле меня. Я переводил только отчеркнутые строчки.

- Мужественное сопротивление частей Красной Армии задержало разбег фашистских полчищ. Они вынуждены перейти на медленный шаг. Они не мчатся вперед, как бывало, а ползут, обильной кровью поливая каждый свои шаг. Но они все же ползут! Значит, надо удесятерить стойкость защитников Москвы...

- И вот уже не ползем! - уронил генерал. - Когда вышла эта газета?

Я назвал число.

- Неделю назад мы еще ползли! Дальше!

Я читал ровным голосом, стараясь ничем не выдать своего состояния. Меня познабливало от волнения.

- ...Под Москвой началась расплата за все кровавые злодеяния, за слезы и муки, которые фашизм причинил нам...

Я остановился, опасаясь бурной реакции офицеров.

- Продолжайте! - приказал генерал твердым голосом.

- ...Уничтожив врага под Москвой, мы начнем уничтожение его на всей захваченной им территории...

Генерал сделал мне знак, чтобы я остановился.

Вес молчали, ожидая его реакции. Но генерал молчал, склонив голову над картой, растеленной над столом, за которым были написаны и "Воина и мир" и "Анна Кареинна".

Занимался поздний мутный рассвет. Над деревьями струился иней, одевая окрестности туманом. Метель прекратилась еще ночью. Утро обещало мороз и солндс.

Генерал стоял у высокого окна и глядел сквозь морозные узоры на стекле, изредка поглядывая на часы.

Н вот раздался зуммер вызова. Он не рванулся к аппарату связи. Подошел к нему медленно, как бы переступая через какой-то незримый барьер.

Голос Гитлера он не мог расслышать. Все усилия связистов ни к чему не привели. Офицер связи из штаба группы армии начал передавать ему слова Гитлера. Работали усилители радиотелс.фона. Мы всё слышали так же, как и генерал.

- Никакого отступления! - рубил голос офицера. - Я не уйду из-под Москвы! Это преступление перед всеми, кто сложил голову, чтобы достичь этих рубежей! Нация, которая не сумеет одержать победы, теряет празо на жизнь! Никаких выравнивании линий фронта! Мы должны овладеть Москвой, мы заключим ее в кольцо смерти!

Я высылаю вам немедленно подкрепление воздухом...

Я сейчас же посажу на самолеты пятьсот человек...

Генерала фюрер не пожелал слушать. Рация замолкла.

Генерал постоял возле рации и так же медленно, как к ней подходил, вернулся к столу.

Молчание становилось трудным. Чтобы как-то его разрядить, начальник штаба заметил:

- Сегодня летная погода!

- Вы в плену иллюзий! - остановил его генерал - Время, когда мы радовались летной погоде, прошло...

Теперь это означает, что наши войска будут получать удары с воздуха...

Он отошел от стола и настроил приемник на Москву.

Передавали сводку Советского информбюро. Мне пришлось

переводить. Я едва успевал за диктором, но главное все же успел перевести:

- ...Сильный контрудар нанесен врагу в районе Наро-Фоминска. Противник отброшен. Захвачено пятьдесят три подбитых танка... Немцы начали отходить из Яхромы и на соседних участках. ...Группа Белова продолжает наступление...

- Белов? - живо переспросил начальник штаба.

- Вам известна эта фамилия? - спросил генерал.

- Из-под Каширы выдвинулся кавалерийский корпус... Я никак не мог установить, кто командует этим корпусом... Они сами сообщили нам его имя... Ромны! Вы помните кавалерийскую атаку? Это на рассвете, когда нам пришлось покинуть город... Кавалеристами командовал Белов...

Генерал обернулся ко мне. Злая усмешка застыла у него на губах.

- А там не упомянуто имя Катукова?

- Не слышал, - ответил я.

- Этот танкист меня больше волнует! Мы еще услышим о нем... Итак, господа, обстановка ясна! Время не терпит! Приказа я своего не отменяю! Я еще ваш командующий... Придется мне ехать в Германию и лично объясняться с фюрером...

Минул еще один день.

Генерал сидел, прильнув к приемнику. Он довил какое-то нужное ему сообщение. Я предложил свои услуги для перевода.

- Не то! - ответил он мне. - Я жду сообщения, которое будет передано на всех языках мира... Настал час выступить Японии... Только ее выступление еще может нас спасти!

7 декабря войска генерала пытались оторваться от наседавших на них частей Красной Армии, но это не удалось. Начиналась паника... Восточнее Тулы фронт грозил падением.

8 декабря последонал приказ Гитлера перейти к обороне, и в тот же день генерал наконец поймал сообщение по радио о нападении Японии... на Соединенные Штаты Америки!..

- Барон не смог сдержать своего слова! - бросил он мне. - Он уверял, что Япония поможет нам в поединке, а теперь на нас поднята и вся Америка!

Бушевала метель. Низкие свинцовые тучи сыпали крупными хлопьями, ветер спрессовывал их в сугробы, перепоясывал сугробами дороги, оковывал гривастыми обручами деревни, прикрывал увалами разбитые немецкие танки, машины, пушки. Сводки указывали, что метель разгулялась но всему Подмосковью.

Метель спасала немцев от полного разгрома, ибо советские самолеты не могли действовать, но армия отступала под

нарастающими ударами русских.

Генерал собрался в Германию, ничуть не сомневаясь, что к армии он больше не вернется. Он получил намек, что фюрер недоволен им, что от него отступились и его покровители.

В Рославль, в штаб группы армий, мы выехали с ним вместе, без него мне в армии делать было нечего.

Он полагал, что из Рославля я сразу отправлюсь в Берлин к барону.

Теперь он хотел выглядеть умным и прозорливым.

- Вы помните совещание под Минском? - спросил он меня. - Я тогда задал вопрос, где мы предпочтем получить затяжную войну? На близких или на растянутых коммуникациях? Все предпочли получить ее на растянутых коммуникациях... Можете передать барону, что мы вползли в затяжную войну, вдалеке от баз снабжения...

Барону и его друзьям надо сегодня искать возможности договориться с Западом...

Генерал недоговаривал, боялся ли он меня, или самого себя, но не произносил слово "поражение", хотя уезжал от отступающих войск, а это он считал поражением.

У Максима Петровича меня ждало сообщение из Центра. "Переправиться в спецотряд и ждать новых указаний".

Я сообщил Максиму Петровичу, что моя миссия окончена, и просил его переправить меня в лес к его людям.

- Пора, - ответил Максим Петрович, - и мне пора!

У меня других заданий, как только держать связь с вами, здесь не было...

На всякий случай, чтобы не иметь неприятностей с полевой жандармерией, я доложился генералу.

Он пожал плечами.

- Молодость! В такие часы и охота!

- Я не думаю, что еще раз попаду в Россию... Хочу побывать в русском лесу... Офицеры часто выезжают на охоту...

- На охоту? Хм! Я сутками не снимал сапог и не раздевался, а тут охота! А впрочем, быть может, это легче - ничего не принимать близко к сердцу...

Метельным утром, на розвальнях мы выехали с Максимом Петровичем в лесную сторожку к его брату. Пост полевой жандармерии проверил наши пропуска, лошадка рысью побежала к лесу.

Петр Петрович Веремейкин тоже снялся с места.

Втроем мы углубились в лес. Лошадь шагала по снежной целине, снег тут же засыпал ее следы и следы от полозьев.

Отряхивали снег приспущенные от его тяжести ветви, стыли

оголенные осинки, шумели шапки сосен, Там вверху гулял ветер, набирая силу для снежной бури.

Теперь уж скоро нас окликнут из леса и встретят советские люди.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На одном из аэродромов под Москвой приземлился воздушный лайнер, совершающий регулярные рейсы между Москвой и европейскими столицами.

Все, что произойдет, я мог узнать не выходя из своего служебного кабинета. Но как удержаться и не взглянуть на старого "знакомца", который и не подозревал, что в лице чекистов нашел терпеливейших исследователей его запутанной и до невозможности затемненной местами биографии, его характера, его личности во всех ее проявлениях.

Мы ждали его... Рано или поздно он должен был вновь появиться. Тогда нам не сразу удалось установить, кто он такой.

Обычная суетня на большом аэродроме... Кто-то торопится к трапу, кто-то проходит таможенный досмотр.

Провожающие, ожидающие, встречающие... Все это смешивается в беспорядочный хаос. Но вот диктор объявляет о прибытии лайнера, которого ждем и мы. Лайнер подруливает к назначенному ему месту, по трапу спускаются вниз на летное поле пассажиры.

Вот он! Он идет, перекинув плащ через левую руку, в руках у него модный кожаный портфель. На голове шляпа, он в сером летнем костюме.

Жарко. Он снимает шляпу и вытирает белоснежным платком пот со лба. Житейский, бытовой жест. Но так ли это? Мы знаем, что у этого человека отработан каждый жест, а не только каждое движение.

Я посмотрел на своих товарищей. Они обратили внимание на его манипуляции со шляпой и платком. Ищут, кому же он подал знак? Неужели его кто-то встречает?

Но это, конечно, только предположительное объяснение его жеста. Так он может подать знак тревоги или, напротив, известить, что все благополучно, что он спокоен, что все развивается по заранее намеченной и обусловленной до мельчайших деталей схеме.

Одного из встречающих мы заметили несколько ранее.

Он приехал минут за двадцать до приземления лайнера.

Это Нейхольд, корреспондент одной из зарубежных газет.

Нсйхольд молодой человек, ему лет тридцать. В своих корреспондснпиях он сдержан, искусно демонстрирует объективность, проходит мимо скандальных сенсации.

Но вот уже несколько лет он работает на этого господина или

на тех, кто посылает этого господина к нам в гости. Значительный приработок к гонорарам в газете?

А может быть, журналистская деятельность всего лишь прикрытие?

Нейхольд одет небрежно, с какой-то даже нарочитостью небрежно: изрядно потершиеся джинсы, сандалеты, замшевая курточка.

Прямые черные волосы. Горбинкой нос обличает европейца-южанина. Он смугл, но смугл от загара, который с первыми же жаркими лучами легко затягивает его кожу. Такого типа лица встречаются на Средиземноморском побережье, на юге Италии, во Франции - ближе к испанской границе. Он был бы красив, если бы не пренебрежительная ирония в уголках его губ и в темных глазах.

Господин, которого он встречает, тоже был южанином, но не европейцем. Его по внешнему виду, но цвету волос и кожи можно было принять и за араба, и за перса, и даже за айсора.

Последний раз мы видели этого господина пять лет тому назад. Он уже немолод, поседел, углубились морщинки у глаз. Держится он все так же прямо, едва заметно приспустились плечи.

Его можно принять за коммивояжера. Интересно, какими он на этот раз запасся документами? Он предпочел легальный, открытый въезд в страну. Но это совсем не означало, что вот сейчас, немедленно, он не попытается исчезнуть с наших глаз.

Итак, он снял шляпу, вытер белым платком пот со лба...

Нейхольд, перекидывая из одного угла рта в другой сигарету, бесстрастно смотрел на приближающихся пассажиров. Этот жест приезжего не вызвал у него никаких эмоций. И все же!

Наши товарищи уловили в общей сумятице вокзального хаоса целеустремленное движение человека. Это - шофер такси. На голове у него форменная кепочка. Молодой, лет двадцати пяти-двадцати шести. Он шел не торопясь, небрежно, полы пиджака нараспашку, в зубах сигарета.

Остановился у киоска с сигаретами, прошелся вдоль книжного прилавка, подбросил в руке связку ключей.

Профессиональный жест шофера. Через минуту он оказался за рулем. К нему подходили пассажиры и тут же отходили. Он отказывался ехать...

На привокзальной площади интересующий нас господин. Поглядывая поверх снующих пассажиров, он высмотрел машину, прямо направился к такси, где сидел за рулем тот самый таксист, что обратил на себя наше внимание.

Он подошел к окошку со стороны шофера, протянул ему

листок бумаги и что-то начал объяснять знаками.

Сторонние наблюдатели этой сценки могли бы подумать, что иностранец, не знающий русского языка, объясняет шоферу, куда ему надо поехать. Шофер посмотрел на листок бумажки и согласился отвезти пассажира.

Сальге, так звали гостя, сел в машину. Такси медленно тронулось, пристроилось к веренице других машин на выезде со стоянки.

Он сел к "своему". Это усложняло наблюдение, требовало особой осторожности. Но мы его ждали, стало быть, готовились и к неожиданностям.

Вслед за такси пошли оперативные машины. А через несколько минут мне доложили, что на этот раз Сальге приехал под именем Ноахима Паппера, что ему забронирован номер в гостинице "Украина".

С этим господином требовалась удвоенная осторожность. Я запретил сотрудникам наблюдения пользоваться радиотелефоном. Телефон проводной связи стоял в будке ГАИ на полпути с аэродрома в Москву. Возле будки ГАИ дежурили наши люди. Их предупредили, чтобы оперативные машины были сняты с маршрута, если такси под номером 33-19 пройдет мимо поста.

Его надо было встречать в гостинице, а не идти за ним следом.

Имелся какой-нибудь шанс, что он захочет где-то побывать до приезда в гостиницу?

В двух точках, наиболее вероятных, мы тоже были готовы к встрече с ним... Могла быть и третья точка, нам неизвестная.

Ну, что же... Пришлось для этого применить старый и испытанный прием. Он известен всем разведывательным службам мира, его знают разведчики любой квалификации. Но, несмотря на это, он действует всегда безотказно.

С поста ГАИ почти в открытую за ним пошла наша "Волга". Что она действительно наша, ни ему, ни его "человеку" за рулем неизвестно. Но "Волга" прицепилась, повисла на хвосте. Что это за машина? Наблюдение, слежка? Если слежка, если наблюдение, то все на этом и закончилось. Никуда и ни при каких вариантах уйти от слежки в большом городе с большим движением невозможно. Тут же вся служба наблюдения будет приведена в действие. От слежки не избавишься. Что делать? Ничего не делать! Следовать намеченным маршрутом и ни в коем случае не выходить ни на одну из своих нелегальных целей.

"Волга" проводила их до въезда в Москву и замешалась в общем потоке транспорта.

Здесь уже и без хвоста он не решится на маневры, здесь

любая машина может быть службой наблюдения...

Нам же нужно было, чобы он приехал в гостиницу и взял номер. Мы должны были разобраться с шофером такси...

А Нейхольд все еще был на аэродроме. На стоянке стояла его машина. Но он присутствовал на аэровокзале, когда прибыл Салые, как когда-то Сальге провожал его, Нейхольда, в Париж, наблюдая за его посадкой в самолет со стороны.

Не так все начиналось пять лет тому назад...

Поздним вечером в городской отдел милиции небольшого подмосковного городка явилась Клавдия Ивановна Шкаликова - пожилая женщина, местная жительница. Она всех знала в городе и ее все знали. Тихий, небольшой городишко вокруг леса. В городе швейная фабрика, вот и вся его промышленность. В пригородах пионерские лагеря. Колхозная земля начинается сразу за городской чертой.

Она вошла к дежурному по отделению милиции в двенадцатом часу ночи. Старшина дремал, уронив голову на стол. Происшествия, когда требовалось бы вмешательство милиции, в городке были редкими.

Он проснулся от удара входной двери, подняв голову, и протер глаза. Шкаликова... Он сразу узнал ее. Она жила на соседней улице. Ее плотная полнеющая фигура, ее круглое лицо с доброй улыбкой примелькались ему в городе. Она была явно не в себе. У нее подрагивали губы, а в глазах стояли сдерживаемые слезы.

Она подошла к барьеру и тихо сказала:

- Сынок! Ты уж извини меня! Где Иван Иванович?

Это было в стиле городка. Все друг друга знали по имени и отчеству. И он не удивился, что она именно так спросила о начальнике городского отдела. Удивился он другому. Как это она не взяла в толк, что начальника отдела в такой поздний час не должно было быть на работе.

- Начальник? Спит он... Отдыхает!

Старшина подтянулся, сообразив, что не на огонек зашла Шкаликова в милицию.

- Что случилось? - спросил он.

Шкаликова было наклонилась ближе, но, с сомнением оглядев старшину, отпрянула.

- Нет, Николай!

Она знала по имени и старшину.

- Нет, Николай... - ответила она как бы самой себе. - Иван Иванович мне нужен...

- Какая срочность? Приходите, Клавдия Ивановка, утром...

Шкаликова рассказывала потом, что уже было и собралась все

отложить до утра. Очень у нее было все неустойчиво в ту минуту, но чувствам своим она привыкла больше верить, чем рассуждениям. Она уже было и к двери пошла, но вернулась. В голосе се что-то послышалось такое, что старшина смирился.

- Нельзя утром... Буди начальника!

Старшина поднял телефонную трубку...

Рассказ Шкаликовок строился лишь на впечатлениях и ощущениях, ничего она точно не могла сформулировать и ничем основательным свою тревогу ис подкрепила.

Все произошло недавно, полчаса тому назад... Ее дочка, Леночка, сидела у открытого окна и читала.

Кто-то постучался пальцами о подоконник из сада.

В саду было темно. На свет из окна вышла фигура незнакомого челвека. Леночка испугалась, но незнакомец тихо попросил:

- Дочка! Разбуди отца!

Здесь Шпаликова проснулась, услышав сквозь сон мужской голос, с легким восточным акцентом.

- Кого? - удивленно воскликнула девочка. Удивиться было чему. Прошло пятнадцать лет без малого, как ее отец утонул. Кто из близких не знал этого?

- Отца позови! Отца! - повторил незнакомец. И уже нетерпение слышалось в его голосе. Шкаликова встала, накинула платье. Разговор у окна продолжался.

- Дома отец-то? - продолжал незнакомец.

- Мама! Мама! - позвала Леночка. - Тут папу спрашивают...

- Отец-то где? - опять послышался голос незнакомца.

- Он умер... И давно... Пятнадцать лет прошло, как умер...

Шкаликова успела увидеть смуглое лицо, приметила даже раздражение в лице незнакомца... И все исчезло Шорох за стеной, тишина. Шкаликова быстро подошла к окну. Из сада к подоконнику тянулись ветви старой яблони. Тут же стеной стояла гряда густых вишневых кустов. Сквозь них ничего не было видно. Словно бы под окном никто и не стучался. Но чей же она слышал?

голос из-за перегородки? С кем разговаривала до чка?

- Кто здесь был? - спросила Шкаликова у дочери

- Не знаю... Какой-то человек... Я боюсь, мама! Кто это был?

Руки у девочки дрожали.

- Никого нет!

- Я боюсь, мама! Почему он не знал, что папка умер? Почему? Кто он такой?

Шкаликова погасила огонь, закрыла окно.

- Кто это, мама? - спросила опять Леночка.

Шкаликова велела ей ложиться спать, торопливо оделась и залами, огородами вышла к милиции.

- Почему он не знал, что мой муж умер? - спросила она Ивана Ивановича.

Иван Иванович был старым оперативным работником.

Именно оперативная работа приучила его не отмахиваться от трудноуловимых, невыраженных впечатлений. Худой, немного уже сгорбленный, но собранный, как пружина, человек. Он сумел уцепиться за почти неуловимое в рассказе Шкаликовой. Ответил ей спокойно и как бы успокаивая ее, чтобы еще больше обострить ее чувства.

- Что же тут удивительного, Клавдия Ивановна?

Разве все должны знать, что ваш муж умер? Были же товарищи, друзья...

- Ни друзей, ни товарищей у него не было...

- Так уж вы всех и должны помнить. Он воевал...

Может быть, какой-нибудь фронтовой товарищ вспомнил?

- Может быть... - с долей иронии согласилась Шкалнкова. - Всю войну мой муж в плену был!

Иван Иванович ничего сразу не ответил. Пока еще очень смутно проглядывало объяснение ночного визита.

Вместе были в плену. Шкаликов прошел комиссию, ни в чем оказался не виноватым. А этот незнакомец мог быть и повязан преступлениями в лагере где-то... Словом, мог он отбывать и наказание. Вышел... Прошли годы.

Решил повидаться с товарищем по плену. Но осторожен, всего боится... Чего же ему бояться? В городок приехал повидать товарища, товарищ умер. Час поздний... Повернулся и ушел. С женой товарища не захотел повидаться.

Почему? Чего он боялся?

Шкаликов умер задолго до того, как Иван Иванович начал работать в городке. Он посмотрел на часы. Еще не отошел из ночной автобус последнего рейса. Он приказал патрулю проехать к автобусной остановке и задержать незнакомца со смуглым лицом и проверить его документы.

А со Шкаликовой продолжал разговор.

- Вы думаете, Клавдия Ивановна, что это кто-то из знакомых его по плену?

- Только по плену и были у него знакомые. Он бежал из плена... Сам мне рассказывал.

Вот еще объяснение. Может быть, кто-то из бежавших с ним из плена. Но тогда настороженность его вдвойне и втройне необъяснима.

Иван Иванович попытался сопоставить все как-то во времени

и задал всего лишь уточняющий вопрос;

- Когда умер ваш муж?

И вдруг ошеломляющий ответ:

- Он не умер... Он жив!

- Сбежал, что ли? К другой ушел?

- Утонул... На льду около полыньи нашли его телогрейку... А на самом деле не умер он... И к другой не уходил!

Несколько позже Шкаликова мне повторила свои рассказ. Мешались в этом рассказе вещи вполне понятные и вещи, заставляющие задуматься...

- Получила я открытку - пропал без вести... - рассказывала Шкаликова. Не похоронная! А что это означает: пропал без вести? Где он? Какое ему лихо? Слезы душат! Долгие ночи все о нем думаю. Из-под венца на войну ушел... А тут эвакуация. Мыкалась одна, как могла. Первенький наш от скарлатины в дороге умер... Войне кончилась - явился...

Разговор шел дома у Шкаликовой. Мы к ней приехали двумя днями позже.

Иван Иванович подправлял ее, возвращая ее к той форме рассказа, в которой она ему все выложила.

- Да не волнуйся ты, Клавдия Ивановна, - урезонивал он ее. - Не торопись!

- Явился! - продолжала она, стараясь не потерять нити рассказа. Только гляжу, порченый он! Ночью проснется, закричит... Зубы скрипят. В плену всю войну...

- Плен дело не шутейное! - поддержал Иван Иванович.

- Боялся он! - объяснила Шкаликова.

Вот она точка, вот те два слова, которые привели начальника отдела милиции к нам в Комитет государственной безопасности.

Я тут же спросил ее:

- Кого ои боялся?

Шкаликова скосила на меня глаза, вздохнула и не ответила. Задумалась.

- Рассказывай, рассказывай! - подбадривал ее Иван Иванович. - Это полковник госбезопасности Дубровин и его помощник. Им все нужно знать, чтобы разобраться!

- Как ночь, под кровать топор кладет... - продолжала Шкаликова. - На стенку ружье вешал, чтобы сразу рукой дотянуться. На окна глухие ставни поделал. У нас их сроду не было. Он закрывал ставни изнутри и снаружи. Запрется кругом, запрет ставни, тусклую лампочку зажжет, ложится, а не спит... Не спит... Лежит часами с открытыми глазами. Или всю ночь ходит и ходит...

Собака залает: одна рука к ружью, другая - за топор...

Успокаивала я его... Допытывалась... Сергей, говорю, ежели в чем виноват, пойди повинись... А он посмотрит на меня чудными глазами и молчит...

- Ждал он кого-то! - подсказал Иван Иванович.

Я смотрел на Шкаликову. Ответ мне ее был известен со слов Ивана Ивановича. Ответ этот тоже был всегонавсего намеком.

- Ночи долгие... Сама ведь тоже не сплю... Как-то ночью совсем измаялась. Спрашиваю, кого ты ждешь?

А он вдруг говорит: если б знал, кто придет, встретил бы... И топор взял бы!

Иван Иванович многозначительно посмотрел на меня поверх ее головы. Понятно? Понятно, кого топором встречают?

Но сам Шкаликов, сам он, кто же таков?

Из ее рассказа мало что прояснялось. Работал он, как из плена пришел, на тихих, незаметных работах.

Служил в бухгалтерии лесхоза контролером, ушел обходчиком леса, потом ночным сторожем на складе. Вернулся он из плена еще молодым. Почему же ему не захотелось попытать себя на деле более значительном и интересном?

И не пил... Трезво жил.

Шкаликова заканчивала:

- А как дочь родилась - успокоился. Радовался он ей! А тут и исчез...

И вдруг открылось: каждый месяц аккуратнейшим образом шли к ней денежные переводы из разных городов и поселков. Всегда одна и та же сумма. Смутило нас, что переводы шли от разных лиц. Города, из которых приходили переводы, в разных концах. Могло создаться впечатление, что человек, делающий переводы, все время находится в дороге. Я сейчас же дал указание изучить географию переводов, чтобы уловить хоть какую-нибудь связь между ними.

Со своим помощником Василием Михайловичем Снетковым мы работаем уже несколько лет. Он пришел в Комитет государственной безопасности со студенческой скамьи нз юридического института. Мне из кадров прислали его в отдел "посмотреть".

Сильные очки искажали глаза Снеткова, укрупняя их, когда он снимал очки, выражение его лица становилось беспомощным. Снетков очень скупо и даже серо рассказал о себе. Могло показаться, что это скучный человек, но и под очками и без очков глаза его говорили о многом. О широте, о мягкости, светился в них и юмор. Он скорее напоминал ученого-историка. Такие сидят в библиотеках часами над фолиантами, выискивая удивительные открытия, и там, где, казалось бы, уже открыть ничего

невозможно.

С тех пор много утекло воды. Я имел случай убедиться, что Снетков, я звал его просто Василием, способен вникнуть в самые запутанные дела, что он и находчив и смел.

Он присутствовал при нашей первой встрече с начальником отдела милиции. Выслушал его рассказ. Я спросил Василия, как он относится к этой истории.

- Топор, ружье, ставни... Это интересно! Не от милиции и не от нас он собирался отбиваться топором... Послушайте, Никита Алексеевич! Интересное это дело!

Разрешите я поеду...

Поехали мы вместе. Прежде чем войти в дом к Шкаликовой, мы с Василием подошли к окну. Заглянули внутрь комнаты. Интересная деталь, в окно была видна задняя стена. На стене, как это обычно бывает в деревенских избах, развешано множество семейных фотографий. Висел портрет молодых: Шкаликов в солдатской гимнастерке и его жена. Несколько послевоенных фотографий Шпаликова. Заглянув в окно, ночной посетитель мог увидеть все эти фотографии. Они могли подтвердить ему, что он пришел по адресу.

Итак, Шкаликова все рассказала. Мне в общем-то были понятны мотивы, которые привели ее в милицию.

Но мне хотелось, чтобы она сама это объяснила. Я спросил, что ее заставило обратиться в милицию. Шкаликова задумалась.

- Для себя вы никакой беды не ждали?

- Для себя? - спросила она с удивлением. Но тут же удивление и прошло. Она задумалась. - Для себя? - переспросила она. - Нет! Для себя не ждала! Бабье чутье подсказало, что вот он, тот самый, кого боялся Сергей, для кого ружье и топор под рукой держал...

Я слушал ее и думал, как спросить о переводах? Сказала, что - муж жив, переводы получала, не могла же она не знать, от кого идут переводы?

- Скажите, Клавдия Ивановна, когда вы получили последний денежный перевод от мужа?

- На днях! - ответила она чуть слышно.

- Алименты по договоренности?

Она оставалась по-прежнему спокойной, как спокоен человек, ничего не утаивающий.

- Ни о чем я с ним не договаривалась... Исчез - и все... Утонул... Так я и считала, что утонул...

- Когда вы догадались, что переводы идут от него?

- Чего же гадать? Кто же еще пошлет? Кому нужно? Думала поначалу, что другую нашел... Другую нашел бы - деньги не

посылал бы!

- Где же он?

- Не знаю...

- Вы его искали?

- Зачем? Что с ним делать, если жизнь ему с нами занедужилась?.. Дочь поднять - он мне помог! Спасибо ему и на этом! Подросла вот! Да какие у него заработки? Таится от всех, боится всего...

- Что? Что его заставило уйти? - спросил Василий.

Не хватало, ему, видимо, какой-то последней точки в психологическом рисунке Шкаликовон.

- Намек он мне давал... Оттуда должны прийти...

С пленом это связано! Что у них там вышло, не знаю...

Только говорил: придут - мне один конец. Или руки на себя наложить, или топором встретить!

- За мужа испугались? - не выпускал ее Василий.

- За него...

- Вы не сказали гостю, что ваш муж жив?

- Никто этого не знает... Я только вам открылась...

На этом все здесь и обрывалось...

Итак, Шкаликов боялся, что к нему явятся "оттуда".

Он не хотел этой встречи. Стало быть, эта встреча была для него ужасна. Или топором встретить того, кто придет, или руки на себя наложить.. Это не ссора!

Это...

Иван Иванович взял на себя смелость произнести это слово, когда мы пришли к нему в кабинет.

- Его завербовали на оседание... Связь оборвалась...

Он боялся, что придут... Потребуют работы...

Версия как версия... Я против того, чтобы так быстро выстраивать версии. Решили немедленно искать Шпаликова.

* * *

Почему исчез Шкаликов, что заставило его скрыться от семьи? Никаких сомнении, что он любит дочь! Никаких! Неужели он так ни разу и не повидал ее? А если и повидал, то никто об этом и не догадывался...

И сразу же вопрос: когда он скрылся? Год и день мнимой смерти ничего не разъясняли. Он скрылся после того, как родилась дочь. Это единственная внешняя примета. Они как-то увязаны, эти два события в его жизни.

Но как? Почему он скрылся, что заставило его разыграть смерть? Что-то очень серьезное!

Само по себе исчезновение Шкалнкова не побудило бы нас взяться за это дело, его поиски остались бы в компетенции

милиции. И переводы со сложной географией мало еще о чем говорили. Такого рода истории встречались и без столь мрачной подоплеки. Главное - это намек Шкаликовой, что он ждал кого-то "оттуда". "Оттуда" мог появиться экземпляр, интересный и для нас.

Искать Шкаликова. Вот к чему сводилась наша задача, искать ночного посетителя было почти безнадежно.

И все же...

Дочери Шкаликовой пятнадцать лет, вполне сознательный возраст... Она видела в лицо незнакомца. Надо было составить словесный портрет. Дочка Шкаликовой вдруг предложила:

- Я его сама могу нарисовать...

Оказалось, что она отлично рисует.

Наши товарищи попросили ее дать и словесный портрет. В результате что-то получилось. Мы имели хотя бы некоторый намек на его внешний облик. Это уже большое дело. И оно впоследствии сыграло свою роль.

Я верил Шкаликовой, что она не открылась незнакомцу, что она действительно с ним не разговаривала, что она ни с кем не поделилась своими догадками, что се муж жив, и, уж конечно, никому не говорила, что регулярно получает от него алименты.

Мог ли кто еще знать, что Шкаликов жив? Мог ли этот незнакомец, мог ли Сальге (мы теперь знаем его имя) искать Шкаликова через других лиц? Этого мы тогда не знали

Подняли архивы. След, как это ни было удивительно, все же нашелся. Что побудило старшего лейтенанта Колобкова из особого отдела 39-й гвардейской стрелковой дивизии оставить это дело в архиве, не знаю. Старший лейтенант Колобков погиб смертью храбрых при штурме польского города Познани.

Именно там, на подступах к Познани, "группа Шкаликова" вышла к нашим войскам, В протоколах допроса она так и именовалась группой Шкаликова. Их было четверо. Шкаликов Сергей Николаевич, рядовой до пленения, год рождения 1920. В плен был взят, как он сам показывал, после ранения под Ярцевом осенью сорок первого года. Под Ярцевом попала в окружение наша часть. Установить, попал ли Шкаликов в плен раненым, или, поддавшись панике, он поднял руки, сейчас уже не представлялось возможным.

Значился по материалам дела в группе Шкаликова некто Власьев Николай Павлович. В плен он попал на Северном Донце в августе 1943 года. Лейтенант, артиллерист.

Следующим в списке стоял Алексей Алексеевич Раскольцев. Год рождения 1922. В бои он вступил под Ярцевом и сразу же попал в плен. Опять же показание: взят в плен после, тяжелого

ранения. Младший лейтенант. Закончил ускоренные командирские курсы.

Подполковник Анатолий Иванович Голубев, свое звание в лагере для военнопленных он скрывал, выдал себя за шофера. В плен был взят в Белоруссии в июле месяце сорок первого года немецкими танкистами.

Бежали из лагеря для военнопленных под Познанью...

Колобков тщательно записал рассказ о побеге всех четверых. Все в этих показаниях совпадало. Наиболее полным и интересным, хотя несколько и суховатым, мне показался рассказ Голубева.

Вот выдержка из протокола допроса:

"Следователь. Скажите, как вы познакомились в лагере с Сергеем Николаевичем Шкаликовым?

Голубев. Совершенно случайно... Это было где-то перед Новым годом... Наступал год сорок пятый. Я всю войну провел в лагере для военнопленных неподалеку от Познани... Работал... Герой из меня не получился...

Следователь. Какого рода работы вы выполняли?

Голубев. Скрывать не буду...

Следователь. Я этого не советовал бы делать.

Лагерь освобожден. Мы это легко можем установить.

Голубев. Работал... Немцы оборудовали заново и перестраивали форты и крепость в Познани. Было много земляных работ... Лопатой работал. Землекоп.

Следователь. Вы показали в лагере, что по профессии вы шофер...

Голубев. Показал. Но это их не интересовало. Машину они мне не доверили.

Следователь. Итак, вы познакомились со Шкаликовым в канун Нового года.

Голубев. Не помню, какого это было числа. Мы не следили за числами по календарю. В это время наша авиация бомбила железнодорожные узлы, где скапливались немецкие войска. Разрывы были слышны и в лагере.

Из военнопленных создали несколько бригад для расчистки железнодорожных путей. Я попал в одну бригаду со Шкаликовым. Я его ранее в нашем лагере не видел.

Но тогда много появилось "новеньких". Немцы отступали и переводили военнопленных из тех районов, куда вступала Красная Армия. В этой же бригаде оказались Власьев и Раскольцев. Они тоже были переведены из других лагерей. Раскольцев утверждал, что он по случайности выбрался живым из Майданека.

Следователь. Вы тогда знали, что такое Майданек?

Голубев. Я и сейчас хорошенько не знаю, что это такое. Я знал, что есть такой лагерь под Люблином. Мы его название произносили шепотом. Плохо, но и у нас работал свой "вестник". В Майданек отправляли тех, кто уже не мог работать на земляных работах. Отправляли и тех, кто решался на побег и попадался. Мы его называли между собой "преисподней"... Это была смерть.

Следователь. Шкаликов рассказывал, как он попал в плен?

Голубев, Рассказывал... Был ранен. Попал в плен без сознания. Но это все так говорили: ранен, контужен...

Проверить я не мог и не очень-то вникал в его рассказ...

Следователь. Но он был организатором побега... Вы должны были бы иметь к нему доверие.

Голубев. А если бы я ему не доверял? Что это изменило бы? Мы все были обречены. Все, кто имел какое-то отношение к строительству укреплении. Я доверял ситуации. А ситуация была удобна для побега. Это могло прийти в голову любому из нас. Шкаликов сообразил первым. А может быть, и не первым. Он первым рискнул заговорить об этом с товарищами. Мы расчищали железнодорожные пути на больших станциях. Все было в завалах: обрушенные здания, провалы в стенах. Вокруг лес... Мы знали, что в лесах нет немецких частей, что они сосредоточены в крепостных фортах. По слухам, в лесах действовали польские партизаны. Бригада десять человек. Сопровождает нас одни автоматчик. Из инвалидной команды. Нам попался немец лет пятидесяти пяти.

В очках. Равнодушный. По-моему, он всего боялся. Десять человек могут уйти от одного автоматчика, когда кругом пожары, руины, обвалы. Шкаликов предложил бежать. Двое должны были вырвать у немца автомат.

Он мне предложил напасть на немца.

Следователь. Почему именно вам?

Голубев. Не знаю... Власьев присоединился к нам в самую последнюю минуту. Заранее с ним Шкаликов не сговаривался.

Следователь. Кто-нибудь собирался бежать с вами из вашей бригады?

Голубев. Собирались...

Следователь. Почему никто с вами больше не ушел? Вас ушло из десяти только четверо...

Голубев. На этот вопрос ответить невозможно... Почему мы раньше не пытались бежать? Куда бежать? В лес? А дальше? Начнут искать... К кому мы обратимся в чужой стране? Кто нас скроет?

Следователь. И вы все же бежали!

Голубев. Бежали... Нас могли выдать в первой же деревне. Нас не выдали.

Следователь. Вы скрывались на хуторе?

Голубев. В подполе у хозяйки. Молодая, красивая полька... Она нас скрыла.

Следователь. Я прошу поподробнее рассказать, как она вас скрыла.

Голубев. Я и Шкаликов напали на автоматчика.

Старик. Шкаликов сбил у него с глаз очки, я вырвал автомат. Я застрелил его, чтобы не поднял шума. И побежали... Но не в лес... В лес сразу нельзя. Хватятся, с собаками найдут. Мы скрылись под обломками. Огляделись. Оказалось нас четверо... Я, Шкаликов, Раскольцев и Власьев. Под обломками нас не нашли. Мы слышали собачий лай. Но в кирпичной пыли, на битом камне собаки не взяли следа. Ночью опять бомбили наши. Все, что удалось за день немцам расчистить, все было вновь разбито и разбросано. Ночь и следующий день мы сидели под обломками. В тот день немцы не выгоняли наших на работу. Ночью мы двинулись в лес. Шел мокрый снег пополам с дождем. Это удача. Собаки не берут след после дождя. Шли на запад. Так нам казалось надежнее. Вел Шкаликов. Он сказал, что у одного поляка разузнал дорогу к хуторам. Там мы надеялись выпросить какой-нибудь еды.

Следователь. Вам не говорил Шкаликов, у какого поляка он расспрашивал дорогу?

Голубев. Я не спрашивал... Мне было все равно.

Поляков в лагере было много. Их тоже заставляли работать на укреплениях.

Следователь. Кто пошел на хутор?

Голубев. Шкаликов...

Следователь. Почему именно он? Он знал немецкий или польский язык?

Голубев. Немецкий язык знал у нас один Раскольцев. А что было делать с немецким языком? Мы шли к полякам.

Следователь. Но почему пошел на хутор именно Шкаликов? Он что, очень смелый человек?

Голубев. Наверное, не из трусливых! Мы оставались в лесу. Если бы он на хуторе наткнулся на немцев, ему спасения не было бы! У нас оставались какие-то шансы. У меня был автомат.

Следователь. Он объяснил вам, почему вас решила скрыть эта полька?

Голубев. Объяснил... Она считала, что скоро придет Красная Армия. Она спросила, кто с ним. Он рассказал.

Следователь. Вы с хозяйкой общались?

Голубев. Нет! Я все время сидел в подполе. К ней выходил по ночам Раскольцев. Он ей понравился... Молодой, холостой. Бойкий он был парень. Студент..."

По сюжету этой истории все показания совпадали.

Во всех показаниях Голубева меня заинтересовала одна фраза. Это ответ на вопрос следователя, смелый ли человек Шкаликов? Голубев ответил: "Наверное, не из трусливых". Он был вообще очень сдержан в своих оценках, а я сказал бы, даже скромен. Он добился возвращения в строй. Сражался. Был тяжело ранен в тяжелых боях на Магпушевском плацдарме, где несколько дивизии 8-й гвардейской сдерживали массированный удар немецкой танковой группы. Ранение было тяжелым. Он два года провел на госпитальной койке и умер в сорок седьмом году.

Стало быть. Шкаликов "не из трусливых". Что же с ним случилось, когда он вернулся домой? Не таким нам его обрисовала его собственная жена. "Боялся он", - говорила она. И рассказывала о великом его страхе. Даже если что-то и было, чего он мог опасаться, зачем двойные ставни? Ночи не спал... И смело пошел один на хутор. Сам вызвался. Любой из четырех мог пойти. Пошел он...

Несколько иным, чем обрисовала его Клавдия Ивановна, представал он и из допроса.

Из протокола допроса Шкаликова старшим лейтенантом Колобковым:

"Следователь. Расскажите, Шкаликов, как вы попали в плен?

Шкаликов. Попал, и все... Как и все тогда попадали. Меня ранило. Сила перла. Растерялись, А тут крики, минометы бьют... Окружение. Немецкие танки далеко сзади нас оказались.

Следователь. Решил, что Красной Армии конец?

Шкаликов. Про Красную Армию какой разговор?

Про себя решил, что конец! Настает такая минута, гражданин начальник...

Следователь. Я не начальник!

Шкаликов. Извиняйте! Привычка лагерная, каждого начальником звать, кто без номера на спине.

Следователь. Куда был ранен?

Шкаликов. В плечо. Поглядите! Кровью в поле истекал, они подняли и в колонну... Как в колонну попал, так и пошло... Никуда не отобьешься.

Следователь. В каких был лагерях?

Шкаликов. Во всяких... Все разве упомнишь? Далеко меня не загоняли. В Белоруссии, потом в Польше...

Следователь. Что делал в лагерях?

Шкаликов. Все, что и другие... Работал. Лес валил, дороги

мостил, насыпи ремонтировал на железной дороге. В каменоломнях камни выбивал. Так и жили...

Жрать-то надо было. Не работал бы-с голоду подох.

И без того кожа да кости остались... А тут подвернулось бежать... И нельзя было не бежать. Знали мы много. Крепости строили, подземные заводы. Все равно нас сничтожили бы...

Следователь. Группу возглавил?

Шкаликов. Чего же ее возглавлять. Сказал одному, другому. Вижу, не продадут, сами все смерти в глаза глядят. Не продали..."

Бойко отвечал. Так держат себя люди, уверенные в своей правоте, или те, кто разыгрывал уверенность, которой нет.

Я не люблю и побаиваюсь уж слишком простых схем в нашей работе. Но начинается в общем-то все с самого простого. Потом первооснова, которая всегда проста, затягивается паутиной всяческих премудростей.

Очень уж облегченно выглядел в рассказе Шкаликова весь побег от начала и до конца. Так вот запросто доверился совершенно незнакомым людям в лагере, где все было пронизано агентурой гестапо, военнопленные этого лагеря работали на немецких военных объектах первой важности. Очень удачно все смягчала обстановка, в которой совершался побег. Немцам и в особенности гестаповцам тогда было уже не до военнопленных.

Расчистка завалов при бомбардировке. И тут все сходилось. Пришлось поднять некоторые архивные материалы в Министерстве обороны. Да, действительно, накануне Нового года наша авиация усилила налеты на железнодорожные узлы. И подслеповатый конвоир. Скорее всего, из фольксштурма, из народного ополчения, тогда Гитлер ставил под ружье всех, кто мог стоять на ногах.

И именно Шкаликов сбил у конвоира очки, а Голубев пристрелил. Не Шкаликов, а Голубев пристрелил. Мог стрелять и Шкаликов. Но кто-то умный, очень осторожно все складывал. Почти герой, да не герой... Война прошлась по польской земле туда и обратно. Польская вдовушка... Она много могла рассказать. Прошло более двадцати лет. Где же ее найдешь?

12 января наши войска уже перешли в свое последнее наступление. И где-то уже в двадцатых числах Колобков вел свой допрос. Они вышли из подвала. Неужели польская крестьянка никому не сказала бы, что четверо русских помещены были к ней гестаповцами?

* * *

Искали Шкаликова...

Сначала наши товарищи должны были найти, если она вообще имелась, закономерность в смене городок, откуда шли

переводы.

С чего начинать? Ну, конечно же, выписали прежде всего все названия городов, станций, поселков, откуда шли переводы. Складывалось впечатление, что Шкаликов только тем и занимался, что следы свои запутывал, все пятнадцать лет провел на колесах. Пятнадцать лет!

В каждом году двенадцать месяцев. Сто восемьдесят раз он отправил переводы из разных мест. Перекидки были просто удивительны. Возьмем, к примеру, подряд любую серию. Идет денежный перевод из Волгограда. Это в январе. В феврале, в тех же примерно числах, перевод отправлен из Ташкеша. В марте - из Баку, в апреле - из Егорьевска, в мае - из Новороссийска, в июне - из Москвы, а в июле - из Владивостока. Повторялись города.

Но маленькие станции иной раз и не повторялись. Логическим путем установить центр, откуда разбрасывались переводы, не удалось.

Нужна была идея. В точной науке это называется гипотезой. Надо было условно допустить какое-то решение.

Если оно окажется неверным, то оставался хотя бы способ решения исключением.

Собрались у меня в отделе на совещание все, кто занимался этим делом.

Василий Михайлович Снетков, как я уже говорил, включился в расследование сразу. Григорий Иванович Волоков, подполковник, обычно занимался у нас изучением архивных материалов. Он поднял протоколы Колобкова, искал и другие документы. Это тоже немалая работа.

Архивы разбросаны по стране, не сразу и определишь, что и в каком архиве искать. Подключил я опытного человека, майора Сретенцена. Он как раз и решал голозоломку с переводами.

Попросили его доложигь, как продвинулось разрешение головоломки. Сретенцев человек осторожный.

- Закономерность пока не обнаружена! - коротко доложил он.

- Вариант проводника? - спросил я его.

- Проводник... - начал он раздумчиво. - Соблазнительно! Я вас понимаю! И проводник при таких условиях иголка в сене... Однако был бы намек! Отрицать и вариант проводника опасно, коли ничего нам пока не известно.

- Проводник - это решение лежит на поверхности! - ответил я ему. - Но как самое простейшее, рассмотрим хотя бы и это! Для чего умер Шкаликов, для чего он исчез?

Сретенцев усмехнулся:

- На этот вопрос ответ у нас есть... Умер он, чтобы скрыться.

- И понадежнее! Не так ли?

- Понадежнее...

- Проводник - это надежно?

Сретенцев не торопился с ответом. Вмешался Василий.

- Проводник все время в дороге...

- И что! - подбодрил я Василия.

- И все время на людях! Встречи, встречи и встречи!

Это ненадежно! Спрятался, чтобы внезапно встретиться с теми, кого боялся? Нет! В проводники не пойдет!

- Малая вероятность случайной встречи! - отпарировал Сретенцев.

- Человек, который скрывается, больше всего боится невероятных встреч, вообще невероятностей преступник опасается больше, чем логических вероятностей.

- Шкаликов, я думаю, незнаком с такой системой взглядов. Он не профессиональный шпион, - заметил Волоков.

- Это как шестое чувство! - настаивал Василий. - Сначала преступник или замысливший вот так же скрыться человек продумывает всякие невероятные случайности... Иначе и преступлений не было бы! Логический ход событий ими упускается из виду. Ну копнись по-настоящему милиция в его смерти! Разве не установили бы, что он инсценировал свою смерть? Это почему же телогрейка появилась на льду? Почему? Под водой телогрейку снял? В ледяной воде-то! И еще даже из полыньи на лед положил! С переводами все запутал, а этакую мелочь не предусмотрел. Телогрейка шьется на ватной подкладке, она в воде так тяжела, что самому легче на кромку льда вылезть, чем ее выбросить!

Срстенцев вздохнул:

- Я тоже на такой легкий ход не рассчитывал. Проводник - это железная дорога. Фотографии Шкаликова у нас есть... Разослали бы по управлениям кадров всех железных дорог, время спустя он и обнаружился бы!

Много их, проводников, но это все же была бы надежная ниточка. Отправной момент, что ли... Не проводник он!

Спрятался в глухой угол, сидит смирно.

- Хорошенькое смирно! Каждый месяц из разных городов весточку подает. Когда только успевает!

Один человек этого сделать не может! - заключил Сретенцев.

- И два не могут! - заметил Волоков.

- Как сообщаются между собой все точки отправления? - спросил я Сретенцева.

- Все до одной? - переспросил он.

- Ну, хотя бы все до одной?

- Всяко сообщаются! - ответил он. - И железными дорогами

они между собой связаны, и аэролиниями, и водой...

- Вы хотите сказать, что железнодорожный узел отпадает?

Сретенцев поднял глаза, мы встретились взглядами.

Вижу, тяжело ему. Не нашел точки опоры. И понимаег, что торопиться надо.

- Все годится, товарищ полковник! И железнодорожный узел, и аэродром... Важен здесь принцип, не откуда шли переводы, а кто их делал? Зацепиться не за что! Разные стоят на квитанциях фамилии. Ничего не значат эти фамилии. Любую поставить можно. Но я нашел десяток схожих почерков. Считайте, что десяток переводов сделан одним и тем же почерком. Ни один из этих почерков Шпаликову не принадлежит. Значит, делали переводы многие и многие люди по его просьбе! В этот круговорот втянуто более сотни людей!

- Что же вы думаете делать? - спросил я наконец Сретенцева, догадываясь, что какое-то все же решение у него есть, хотя он в нем и не уверен.

- При такой схеме этот Шкаликов может сидеть, скажем, где-нибудь под Москвой... Ночным сторожем в лесу, колхозе, лесным объездчиком. Выйдет на любой вокзал, любому встречному, кому поверит с первого взгляда, передаст деньги для перевода и попросит перевести из того города, куда едет. Но вы меня спросили, как связаны между собой все пункты отправления? А если не все?

- Пусть не все! - согласился я немедленно.

- Опасно, товарищ полковник! Вдруг пойдем по ложному следу? Далеко он нас уведет...

И все-таки был, был проблеск во всей этой головоломке. Сретенцев серьезно занялся этой загадкой. Шкаликов слал не письма, а деньги. Это заметил и Сретенцев. Такто Шкаликов уж первому встречному и доверял деньги?

Проверить же, получила ли его жена перевод, он не мог...

Стало быть, доверяя деньги, он должен был как-то подстраховываться возможностью встретиться с тем, кто делал перевод. С кем он мог встретиться во всем этом калейдоскопе? Сретенцев был прав, решение задачи лежало не в географической плоскости, а в психологической. Нужна была идея.

- Поставим вопрос так, - начал я. - По какому принципу отбирал Шкаликов своих "первых встречных"? По внешности, по глазам, из бесед, что ли, он устанавливал, что перед ним честный человек? Все эти категории ненадежны! Он делал переводы через проводников пассажирских вагонов и товарных поездов. Я остановился бы на этом варианте!

Теперь понравился этот вариант и Василию. Он оживился.

- Конечно, проводники! Через проводников! Всегда остается возможность проверить, сделан ли перевод?

Подгадает, когда приходит поезд, встретит... И проводник знает, что отправителю он известен и никуда не денется!

Сретенцев попросил карту железных дорог страны.

Карту тут же нашли, он развернул свою карту. Положил две карты рядом.

- Вы согласились, товарищ полковник, - начал он, - что мы можем поискать закономерность во всех переводах. Я отбросил все непонятные отклонения... На сто восемьдесят переводов да еще при такой системе могли быть и всякие неожиданности. Если отбросить исключения, хотя их немало, мы вдруг увидим...

Сретенцев начал перечислять по одному из своих списков города и железнодорожные станции. Он попросил Василия отмечать эти пункты отправления переводов на карте красным карандашом. Поименование городов и станций шло вразброс. Сначала мы никак не могли уловить систему. Но вот города и станции начали повторяться. Один за другим пункты отправления переводов как бы нанизывались на невидимую ось. Сретенцев явно проверял себя. Он не указывал отгадки.

- Все эти города, - начал Сретенцев, внимательно глядя на меня, связаны одним железнодорожным узлом... Василий Михайлович, проследите по карте, где этот железнодорожный узел... Прочертите красным карандашом...

Легла одна линия, вторая, третья. Еще и еще линии, и все они скрестились в Рязани.

- Рязанский узел! - воскликнул Василий. - Но это же все можно разбрасывать и из Москвы. Москва-тоже центр пересечений!

- Справедливо! - немедленно согласился Сретенцев. - Вот тут нам должны помочь исключения... Они тоже распадаются на несколько вариантов. Назовем эго так: варианты ближней связи... За пятнадцать лет определилась одна странность! Десять переводов пришли не с железнодорожной станции... И все десять - весной. Апрель или май... Иногда в марте... И все десять переводов из Рязанской области... Словно бы какое-то препятствие вставало перед Шкаликовым, и он не мог попасть в Рязань... Словно стена перед ним вырастала!

- Весной? - переспросил Василии.

- Весной...

- Города?

- Есть и города, и поселки...

Сретенцев начал зачитывать пункты отправления весенних переводов. Василии наносил их на карту. Десять наименовании

на пятнадцать лет...

Василии отметил последний пункт, и все определилось.

Все десять переводов ушли с левого берега Оки. Весенний разлив!

Сретенцев поставил точку.

- Мостов через Оку, действующих во время разлива, в Рязанской области нет.

Итак, сто тринадцать переводов оказались связанными между собой Рязанским железнодорожным узлом, десять пришли с левого берега реки - из Рязанской области, остальные шли в разбивку, не предусмотренными никакими путями сообщения. За мной оставалось последнее слово.

Можно было предположить, что площадку для поисков Шкаликова, необозримую и безграничную, мы сузили до масштабов области. И не только области: левобережья Оки в области... Все же легче. Это не вся страна... Но и здесь, конечно, могли быть неожиданности. Множество могло быть неожиданностей, все и не перечтешь...

Всех нас волновал, конечно, и незнакомец, этот таинственный южанин. Он тоже искал Шкаликова. Искал своими путями. Получалось что-то похожее на гонки. В этих гонках его возможности мы никак не могли предугадать.

Одно было известно: если он ищет Шкаликова, то не сличением квитанций от переводов. Какой же поиск короче? Кто найдет Шкаликова быстрее, если он все же его ищет! Сколько могло оказаться жителей в левобережье Рязанской области? Сколько там деревень и колхозов? Сколько там городков, сколько глухих узлов, где может затаиться этот Шкаликов?

Решили так. Василии поедет в Рязань, попросит помощи в областном управлении Комитета государственной безопасности и выйдет на железнодорожные станции.

В Рязани две железнодорожные станции: Рязань I и Рязань II. На станциях в проходящих поездах он мог спрашивать проводников, не делал ли кто через них денежные переводы. Мы снабдили Василия фотографиями Шкаликова.

Сретенцеву тоже надо было ехать в Рязань и искать Шкаликова с рязанскими чекистами, сужать площадку поисков, искать на левобережье какую-то закономерность в возможных передвижениях отправителя переводов.

Уехали...

Волоков между тем нашел Раскольцева и Власьева.

Николай Павлович Власьев обнаружился в Сибири.

Далеко же он забрался. Когда посмотрел я справку, что-то дрогнуло у меня. Село Третьяки. Есть у реки Обь приток Чулым.

После Томи и Шегарки красавица сибирская, королева рек Обь лишь слегка набирает силу, после Чулыма она раздается вширь, расправляются ее плечи, и катит она свои воды к северному морю, неумолимо рассекая тайгу. Чулым берет начало в коренной глуши, это таежная река. Редко на ней встретится городок, не чаще и деревня. У Чулыма тоже немало притоков. Есть и приток Чичка-Юл. Кучумово царство... Уходит дремотная история этих мест в глубь веков, во времена покорения Сибири. Чичка-Юл тоже таежная река. На иной карте не отмечено на этой реке ни одного жилья. Но жилые места есть, и там обживались русские люди. Третьяки зацепились за берег Чичка-Юлы. на сто верст вокруг нет ни одного человеческого жилья. А в полутораста верстах стоит большое село Зимовское...

На дороге от Третьяков на Зимовское я родился. Отец мой, Алексей Федорович Дубровин, отбывал в Третьяках царскую ссылку. Мать приехала к нему на правах вольной поселенки.

Настало время появиться мне на свет. Урядник запретил ссыльному "за политику" сопровождать роженицу.

Повез мою мать на лошади к фельдшеру хозяйский сынишка. Было тогда Мише Проворову пятнадцать лет. Положил мальчишка в сани берданку, от лихой и неурочной встречи с серыми хозяевами леса, завернули мать в тулупы, заложили сеном, чтобы не замерзла.

Миша Проворов... Он стал близким человеком в нашем доме. Я его помню, да и как не помнить. Он из Москвы провожал меня накануне войны в первый мой длинный путь в Германию. Как много может вместить в себя человеческая жизнь... Сколько людей вторгаются в нее, оставляя свой след! Михаил Иванович Проворов не след оставил, он как бы озарил всю мою жизнь прекраснейшей о себе памятью.

Выехали они с матерью из Третьяков рано утром.

Дорога из деревни вела в лес на зазимок, как свернули - пошла целина. Объехали лес и спустились на ледовый путь. По реке снежных наносов меньше.

Зимний день короток. К вечеру остановились покормить лошадь овсом. Мать встала, сошла с саней. Низко над землей сверкали звезды, легко пронзая своим далеким светом морозный воздух. С крутого южного берега реки на разные голоса стонали, выли, плакали волки.

- Страшно было? - спрашивал я Михаила Ивановича.

- Это страшно для тех, кто не слышал... Когда-то от них отбивались огнем, прятались в пещерах... Боятся они теперь человека. Нет ничего для них страшнее человеческого голоса... Но тут началось, и не до волков нам стало.

Вот где я родился.

Третьяки... Много раз я собирался съездить на свою родину...

Власьев Николай Павлович был в Третьяках председателем большого животноводческого колхоза. Всрнулся туда сразу после плена. Осмотрелся, отдохнул... Выбрали председателем. В конце пятидесятых годов ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

... Раскольцев близко. Врач с обширной частной практикой, специалист но печеночным заболеваниям, автор научных издании. До войны он успел закончить первый курс медицинского института. Вернулся, поступил на второй курс. Окончил институт с отличием. Был направлен в одну из московских клиник, ассистировал у известного специалиста.

Волоков провел огромную работу в архивах. Проще, конечно, было спросить самого Раскольцева. Но как спросишь? Оступиться в таком деле легко, поправиться трудно.

Недопустимо обсуждать какие-либо версии без доказательства. Но опасаться того, на что намекнул Иван Иванович, мы должны были. Но с чем мы пришли бы - Раскольцеву? Человек был в плену, были годы, когда к бывшим военнопленным относились с недоверием. Это было клеймо и несло за собой немалые душевные травмы. Опять, что ли, подозрительность? Нет! Нельзя!

И кто он, Раскольцев, кто Власьев, кому из них мы могли верить до конца? Голубеву я поверил сразу даже по протоколам. Но Голубева не было.

Волоков по документам обнаружил след польской вдовушки. Она тогда же приехала с Раскольцевым в нашу страну. В какой-то степени история выглядела даже романтично.

Раскольцев был возвращен в ряды Красной Армии.

Зося Шаскольская упросила зачислить ее в ту же часть санитаркой...

До Берлина Раскольцев не дошел. Он был ранен на Одере... Несколько дней он пробыл в армии. Зося вынесла его с поля боя и выходила. Зося дошла до Берлина.

Волоков нашел и военкомате ее послужной список.

В сорок восьмом году родилась у них дочь. Назвали ее Еленой. В пятьдесят втором году Зося умерла...

- Не так ли, как и Шкаликов? - бросил реплику Василий.

Пустым считать этот вопрос было бы неосторожным.

Мы прикоснулись к вещам, крайне путанным, закрытым временем.

Так к кому же обратиться? К Раскольцеву или к Власьеву?

Шкаликов прятался за закрытыми ставнями, Раскольцев и

Власьев не прятались, жили на виду и даже очень на виду. Так кому же мы могли бы довериться?

Ни Раскольцева, ни Власьева я себе совершенно не представлял.

Тогда мы поставили вопрос несколько иначе. К кому безопаснее обратиться, исходя из интересов дела?

Предположим, что тот, кто ищет Шкаликова, пришел бы в своих поисках к Раскольцеву или к Власьеву. Как бы выглядел этот приход?

Раскольцев - врач. Он принимает в клинике и у себя на даче. Частная практика. У него есть квартира в Москве. Дача в двадцати минутах езды иа электричке от Москвы. Каждый день к нему приходят десятки незнакомых людей.

Встреча с посланцем, который навестил Шкаликова, могла пройти незамеченной. А если бы этот незнакомец, некий Сальге, сегодняшний Иоахим Пайпер, поехал бы к Власьеву?

До Томска он мог доехать на поезде или долететь на самолете. А от Томска до Чичка-Юлы? Там ему пришлось бы пересесть на самолет местной авиалинии или ехать на пароходе. На пароходе долго... На самолете. Самолет местной авиалинии, это уже только десять пассажиров.

Забираются туда люди приезжие редко. Каждый новый человек приметен и остается в памяти его случайных спутников. Люди, живущие там, известны друг другу.

Не доезжая до Третьяков, мы уже обнаружили бы следы незнакомца.

...До подмосковного аэродрома в тридцати километрах от города мы ехали сорок минут, до Томска - три тысячи километров мы покрыли на реактивном лайнере за три с половиной часа. Три часа мы добирались на автомашине до Пышкино-Троицкого, до последней точки между Томском и Третьяками, которая была связана с областным центром автомобильной дорогой. Прыжок на самолете до Зимовского (это туда не доехала моя мать в ту зимнюю ночь), и мы на последнем до Третьяков аэродроме. Здесь местные жители знали друг друга в лицо. Знали здесь все и Николая Павловича Власьева. Наш товарищ из областного управления без труда установил, что за весь год к Власьеву и в Третьяки ни один человек, сколь-иибудь похожий на посетителя Шкаликова, не приезжал. И вообще не заезжал сюда никто из лиц неизвестных. Приезжали из областной газеты корреспонденты, работники обкома партии, приезжали работники разных областных организаций. Сам Власьев не выезжал из Третьяков с весны. Весной он был на совещании, которое собирал обком партии. А дальше - посевная, сейчас в разгаре сенокос. Не до

поездок председателю колхоза. Из предосторожности мы еще раз сузили площадку. В Третьяки выехал предварительно чекист из областного управления. Нам представлялось необходимым в Третьяках окончательно установить, не навещал ли кто Власьева?

И тут в Зимовском меня настиг телефонный звонок Василия...

Вернемся немного назад и посмотрим, что происходило на станциях Рязань I и Рязань II.

Василий несколько дней кряду выходил к поездам дальнего следования и спрашивал проводников. Не так-то это было легко.

Представиться по форме нельзя. Ему могли ничего не ответить, а Шкаликову сообщить, что им интересуются.

К станции Рязань II подошел поезд из Волгограда.

Он шел в Москву. Василий начал опрос с первого вагона. Шел от проводника к проводнику. Приглянулась ему проводница попроще и подобрее, угадал он ее общительный нрав.

- Скажите, - начал он, - вам никогда не приходилось делать денежные переводы?

Что и говорить, вопрос от незнакомого человека вполне удивительный и даже в какой-то степени нелепый. По надо знать Василия. Очки, несколько растерянный и отрешенный вид. Проводница удивилась и переспросила:

- Переводы?

- Деньги по почте никогда не посылали?

- Посылала! А вам зачем знать? - насторожившись, ответила проводница.

А Василию того и нужно было, удивить и разговориться.

- Свои или чужие? - вновь спросил он.

- Это зачем же чужие? А кто вы такой?

Василий снял очки и сразу беспомощным, наивный сделался весь его облик.

- Да вот тут... - заговорил он невнятно и скороговоркой, - отца разыскиваю... Ушел из дома... А деньги посылал, пока я рос. Да все под чужими фамилиями посылал, незнамо откуда! Мать не искала его... Я хочу найти, спасибо сказать!

В точку попал.

- Вот оно что! - воскликнула проводница. - Слыхала я что-то! Беги в десятый! Спросишь Пчелкина!

Василию пришлось действительно бежать. Поезд стоит недолго, Пчелкина упускать никак нельзя было.

У десятого вагона стояло два проводника.

- Кто из вас Пчелкин? - спросил, подбегая, Василий.

- Ну, я! - ответил проводник постарше.

- Мне на вас из третьего вагона указали...

- Семечки, что ли, покупаешь? - спросил в ответ Пчелкин.

- Нет, не семечки... Отца разыскиваю!

Пчелкии оказался человеком не без юмора. Он тут же ответил:

- Я детей не терял!

Рассмеялись Пчелкин и его товарищи, и все стало близким и возможным. Василий, как бы оправдываясь за свое неудачное обращение, объяснил:

- Ушел из дома... Отец ушел! Пятнадцать лет посылал мне деньги, пока рос, и никак не объявлялся! То из Баку, то из Волгограда, то из Арчеды... Мать не искала его! Я ищу! Может быть, я теперь ему могу помочь?

Пчелкин снисходительно улыбнулся.

- Знаю я твоего отца!

Вот она, поворотная точка во всем деле. Это уже не проблеск, это уже свет в полную силу, прорезающий тьму всей этой истории.

На встречный путь в это время подошел поезд из Москвы. В Москву поезд шел из Волгограда, из Москвы - в Баку.

Пчелкин отвлекся, высматривая у вагона знакомых проводников. На платформу сошла толпа пассажиров.

Кто совсем приехал, кто вышел прогуляться.

- Знаю, знаю я, помню такого... - продолжал Пчелкин. - Он даже мне фамилию свою называл... Запамятовал.

Василий, как и Пчелкин, оглянулся на проходящих мимо пассажиров. Прямо на него, в сером костюме, в защитных зеркальных очках от солнца, в соломенной шляпе шел человек, удивительной схожести с тем, которого нарисовала дочка Шпаликова, чей словесный портрет попытались перенести на бумагу наши специалисты.

Василий весь сжался. Все это могло быть лишь наваждением.

Он пропустил гражданина мимо.

- Знаю я твоего отца! - твердо заявил Пчелкин. - Посылал я деньги по его просьбе. Он мне и фамилию свою называл...

Василий оглянулся на незнакомца, похожего на посетителя Шкаликовой. Тот отошел уже достаточно.

- Прибытков, Прибыткин, Прибылков... - вспоминал проводник. - Мы даже с ним пол-литра распили здесь на станции...

Василий стиснул зубы. Еще ни разу не подводило его чутье. Как он его может бросить? И путь к нему короче, чем от проводника к Шкаликову. А Пчелкин говорил и говорил.

- Он здесь где-то неподалеку живет... Постой-ка! Он говорил, что у него дочь, а не сын...

- Так он же, наверное, нарочно так говорил! - нашелся

Василий. Скрывался - вот и говорил...

- Притыков! - воскликнул проводник. - Герасим Иванович. Точно! Каждое второе число он здесь на платформе появляется... Найдешь!

- Спасибо! - воскликнул Василий и стремительно пошел за незнакомцем, скрываясь за общим потоком пассажиров.

- Постой! Погоди! - крикнул ему вслед пораженный Пчелкин.

Сальге вдруг вошел в вагон. За ним в тот же вагон подниматься было нельзя. Василий остановился возле проводника соседнего вагона. Площадки вагонов соседствовали.

- Места есть? - спросил Василий, чтобы как-то завязать разговор, чтобы хоть какое-нибудь найти пристойное прикрытие себе.

- Есть места! Есть! - воскликнул проводник. - Куда ехать?

В этой спешке выпали из памяти у Василия все промежуточные станции.

- В Баку! - ответил он.

- В Баку! Надо билет, браток, взять! Беги! Поезд еще постоит!

Надо отходить, больше здесь делать нечего. Василий сделал два шага к тому тамбуру, в котором скрылся Сальге. Дверь была открыта и на другой стороне тамбура. Василии поднялся в тамбур. Заглянул внутрь вагона.

Вагон был "мягкий". В коридоре стояли несколько пассажиров. Так вот просто и без билета в мягкий вагон не сядешь. Осторожно, не сразу высовываясь, Василий поглядел на платформу с другой стороны поезда. На платформе - ни души. Он выглянул из тамбура. У самых вагонов кое-где стояли пассажиры этого поезда. Вышли поразмяться. Незнакомца не было видно. Здесь тамбур был открыт на две стороны, так могло быть и в других вагонах. Василий спустился на ту платформу, но которой шли пассажиры на переход через пути. И на этой платформе его не было.

"Если бы это не "он", не исчез бы!" - рассудил Василии.

По междугородному телефону он нашел меня в Зиморском.

Доклад был лаконичен.

- Говорю из Рязани! На нашего "друга" вышел... Известна фамилия... Видел незнакомца... Ушел! Он тоже ищет!

Гонки! Так оно и есть! Мы сошлись на суженной площадке.

- Поспешите! - приказал я Василию. - Берегите "нашего друга"!

..."Газик" выехал из леса, и вот оно, на взгорье село Третьяки.

Прозоров-старший, у которого в доме проводил ссылку мой отец, рассказывал, что здесь, в Третьяках, поселялся дед его деда. Петровская эпоха... Кто из нас сегодня, захлестнутых

стремительным и все ускоряющимся ритмом жизни, может похвастаться, что помнит свой род на двести лет назад? Иван Проворов помнил... И рассказывал отцу, как строилась в Третьяках церковь.

Вот она и церковка эта знаменитая. Не думал, что доживет до моего запоздалого приезда...

Церковь невысока, рядом звонница. Покрыли церковь шатровой крышей, а по крыше пустили как бы множество колоколенок, словно опята рассыпались по пню. Вон куда затащила поморскую манеру церковь поднимать.

У околицы встретил нас томский чекист. Предупредил, что Власьева в деревне нет, уехал на дальние сенокосы, Так что время у нас нашлось проехать и к церкви, и к ручью. Был у меня тут еще один должок, но я опасался, не опоздал ли я его отдать? Медлил сразу туда идти...

Церковь ухожена. На стене табличка. И сюда забрались историки. На табличке указано, что возводилась церковь в начале восемнадцатого столетия и охраняется как памятник русской архитектуры и народного творчества.

Обошли вокруг церквушку. Где-то здесь должна быть и тропка в распадок. Вот она! От церковной ограды, круто вниз. За триста лет обтоптались на ней камни. Ступеньками, ступеньками, то влево, то вправо, вниз и вниз.

Еловые великаны своими могучими корнями держат ее, не дают осыпаться и сползти. С полгоры уже слышен голос Раточки. Точит камни...

Такой я себе ее и представлял. Пенится у валунов и бьется по мелким камешкам. Неширокая, но живая и прекрасная. Не сразу подберешь, как и назвать такую красоту, земную красоту. Раточка... Что-то здесь от шепота ее воды, и вместе с тем от звонких ее всплесков. Рато, рато... - так бьется вода о мелкие камешки. Очка, очка, очка, очка - шепчет она, обтекая валуны.

В тихих заводях ее течение неприметно, в них она умолкает, чтобы, накопив силы, снова побежать вприпрыжку.

А вот и те два камня, на которые отец спускался за водой. "Здесь я полюбил до слез мою Россию!" - говорил он мне.

Я ступил на камни, не замочив ботинок. Опустил руки в воду. Конец июня, самое жаркое время в этих местах.

Руки мгновенно заломило. А когда брызнул водой на лицо, лицо загорелось. Настоящие родники, из немыслимой глубины они здесь выбивают. И срезы пластов на обрыве, и обточенный известняк - это раннее утро нашей планеты...

- Вы бывали здесь когда-нибудь, товарищ полковник? - спросил меня томский чекист.

Что ему ответить? Родился здесь, малое удержала память. Но там, в Швейцарии, вдалеке от России, где жили отец и мать в эмиграции, отец вместо сказок рассказывал мне об этой Раточке, я видел ее в детских снах, а когда не стало отца, являлся иной раз он мне во сне с этих вот камней, в этом распадке, который наконец-то я увидел наяву.

Мы поднялись в деревню. Там уже знали, что к Власьеву приехали "чуть ли не из Москвы"... Власьев еще не вернулся. Выехать навстречу? В правлении колхоза нас отговорили. Не угадаешь, какую лесную дорогу он выберет, поехал верхом...

Пояснения давал молоденький прораб, на вид ему было лет девятнадцать. Держался солидно, отчего его рыжеватые, цвета спелой пшеницы брови чуть хмурились. Но широкое, круглое лицо выдавало в нем веселого, задиристого парнишку. На ремне, перекинутом через плечо, висел у него транзистор. Он порой машинально включал звук, но перед нами ему становилось неудобно, и он тут же его глушил. Заметно было, что ему не терпится спросить, откуда мы, но не в местных обычаях обнаруживать излишнее любопытство.

- Мне тоже нужен председатель! - говорил он. - Спросить его надо... Мы тут дом новый рубим... Для кого - еще не определено. Спросить надо, какую печку ставить... У нас тоже на паровые котлы многие переходят...

- Вы местный? - спросил я его.

- Рожак здешний! - ответил он важно.

- Вы Проворову Анну Ивановну не знали? - спросил я его.

- Анну Ивановну? Кто же ее не знает!

Жива, значит, моя сверстница, сестра Михаила Ивановича. Младшая сестра. Двумя годами раньше меня она родилась. Моя трехлетняя нянечка.

Только мгновения сохранила мне память. Кто-то нес меня маленького по саду, и склонялось надо мной лицо, которому я всегда улыбался. Оно чем-то радовало... Больше мы с ней никогда не встречались. Время было, письмо собирался ей написать, а потом рука не поднялась. Боялся. А вдруг напишут чужие руки, что нет ее на этом свете.

Так и растерялись мы с ней.

- Работает она в колхозе, - говорил Николай Николаевич. - До недавнего времени дояркой была... Руки устали... Сейчас за телятами ходит...

- Где она живет? - спросил я его,

- Все там же, в их доме...

Правление колхоза стояло в новых порядках деревни.

Старая деревня примостилась за церковью, на скате

обрывистого берега. Окнами она развернулась к реке.

Время было обеденное, Николай Николаевич объяснил, что мы Анну Ивановну застанем дома. Он поехал с нами.

Машина остановилась у изгороди. Я вышел один.

Все так... Стояли у крыльца четыре ели. Остались пни. Высохли, должно быть, спилили их. И пни ужесгнили. Крыльцо все то же! Как и на порыжевшей от времени фотографии тех лет из нашего семейного альбома. Неужели по этим ступенькам ходили отец и мать?

А может быть, и ступеньки на крыльце уже заменены и уже успели подгнить, протереться и покоситься. Дом и порядке. Рублен он из вечного дерева, из лиственницы.

Такие стоят веками.

В окне мелькнуло лицо, обрамленное темным платком.

Дверь не заперта, я постучал. Небыстрые и грузные шаги в сенцах. Открылась дверь. Она! Пересекая годы и расстояния, стирая все приметы времени, память выхватила почти из небытия эти черты.

- Здравствуй, Анюся!

Так я ее называл. Это было одно из первых моих слов, которые я научился произносить.

Она не попятилась, она ступила из сенцев на крыльцо, всматриваясь в меня. Отца моего она тоже не так-то уж могла помнить. Я был похож на отца. Сохранила ли ее намять это имя? А может быть, кто-нибудь и еще так ее называл.

Она смотрела, смотрела на меня. Мне было легче, я знал, что это она!

- Здравствуй, Анюся! - повторил я. - Забыла меня?.. И я забыл...

- Смотрю я... Смотрю... Глаза подводят... Знаю я, кто ты... Знаю .. Сказать боюсь...

- Чего же боягься? Светит солнце... Чайки вон над рекой летают... День белый!

- День белый, Никита Алексеевич! Днем покойники в гости не ездят.

Узнала! Но почему же покойник? Это что же, она так высказывает свою обиду, что я не подал весточки? Или?

- Я не покойник, Анна Ивановна! Живой!

- А говорили, погиб... Где же в такую войну живым остаться!

- Остался, Анна Ивановна! Приехал вот...

- Ко мне приехал?

Что тут скажешь? И не оправдаешься, лучше и не оправдываться.

Я взял ее руки. Кисти рук развернуты в разные стороны. Что-

то говорил прораб о ее руках. Устали, дескать, руки. Так мы стояли, глядя друг на друга, отыскивая прошлое скпозь пласты времени.

А вот и он, Власьсв.

Невысок ростом, сибиряки больше в кость раздаются.

Легко спрыгнул с коня, провел пальцами по усам, стряхивая пыль, и к нам. Мы его в правлении ждали.

Твердая поступь, солдатская выправка. Окинул нас коротким взглядом из-под седых, надвинувшихся на глаза бровей. Поздоровались... Сел за свой стол, еще раз посмотрел на нас. Томский товарищ и Волоков вышли.

Мы остались вдвоем. Таиться было нечего. Я представился. Он удивился.

- Полковник? Из Москвы? Что же такое стряслось?

Далекие наши края. Не говорю глухие - нет глухих мест, где человек живет... Однако далекие.

Он еще раз взглянул на мое удостоверение.

- Дубровин? Алексеевич! У нас тут знают Алексея Федоровича Дубровина...

Он вопросительно посмотрел на меня.

- Алексей Федорович - мой отец...

- Этим и обязаны вашему приезду?

- Нет! Просьба, Николай Павлович! Разговор должен остаться между нами...

- Такое уж у вас учреждение, и без предварения понятно! Так что же? Не плен ли вспомнить приехали?

- Плен...

Власьев сдержанно вздохнул.

- Много раз вспоминать приходилось! Забыть и сам не забудешь...

- Вам что-нибудь может подсказать из далекого прошлого фамилия Шкаликова?

- Как не может! Обязательно даже может! Только что же покойника вспоминать?

- Покойника? Откуда у вас такая уверенность, что он умер?

- Как меня председателем выбрали, написал ему письмо... Знаю... По себе... Трудно нам было, кто в плену побывал. А мне люди нужны. Приглашал его работать в колхоз. Жена ответила, умер, дескать! Утонул! Тому лет пятнадцать уже...

- Жив Шкаликов!

- Жив?! Хм! Удивляться не хочу! Всякое может быть... Фокус, конечно, занятный! Но плохого вы от меня о нем не услышите! Жизнь он мне спас!

- Вы что же, без него не решились бы на побег?

- Побег? Оттуда? Из немецкого лагеря? Каждый час о побеге думал! И не я один! Только бежать некуда! Далеко не убежишь! Так хоть надежда какая, свои вот-вот придут! А побег - это очередь из автомата!

- Вас выводили на работы... Это было за пределами лагеря. Завалы, разрушения...

- Протокол нашего допроса, я вижу, вы изучили, Никита Алексеевич! Сохранился?

- Сохранился...

- Со Шкаликовым не беседовали?

- Ищем, чтобы побеседовать!

- Нового он вам ничего не расскажет! Бесполезно! Хотя придется объяснить, зачем умер!

Власьев грустно усмехнулся:

- Выжил я, товарищ полковник, потому, что умел молчать. Разные там и всякие подворачивались с разговорами о побеге... Может, кто и искренне искал попутчиков, а чаще - от лагерного начальства проверку делали... Игру такую любили. Сколотит провокатор группу для побега, соберутся. Немцы даже помогут. Только из лагеря долой - они следом... И весело, и начальству реляция, вот, дескать, какие мы молодцы ребята! Никто от нас уйти не в силах! Шкаликова откуда-то перевели.

Шальной он, что ли, или испугался, что из нашего лагеря уже никуда не переведут. Он прямо в открытую предлагал всякому и каждому... Бежим - и все тут!

- На этот раз вы не испугались, что это провокация?

- Я опять же ничего ему не ответил... Завалы, обвалы там всякие... Это все не существенно... Шкаликов ударил по очкам немецкого солдата. Сбил очки. Голубев вырвал у солдата автомат и прошил очередью немца. Как они убили немца, я сразу и решил - можно бежать!

Если Шкаликов провокатор, то и ему беда, не простят - И в побеге он не выдаст...

- Вы этого не рассказывали на допросе...

- А если Шкаликов не провокатор, а просто шальной и отчаянный малый? А? Загубил бы я его таким предположением! Потому и не рассказывал...

- Почему именно он пошел на хутор договариваться? Голубев считает, что по своей смелости...

- Голубев доходил... Он обессилел от голода... Куда ему идти? Раскольцев сам не спешил... Я так считал: если Шкаликов провокатор, а на хуторе немцы - не пойдет.

Должен провокатор знать, где беглецов ждать договаривались... Нет немцев - снова риск... Вызвался идти, пусть

идет. Жребий кидать между мной и им надо было!

- Ну и как сейчас вы считаете? Провокатор он или нет?

- Никак не считаю... Не знаю, и точка! Всем, чем могу помочь, помог бы ему оправдаться!

- Помогите! Почему вы решили, что мы обязательно хотим его в чем-то обвинить? Во всяком расследовании всегда есть две стороны. Я тоже был бы рад, если бы он оказался честным человеком. Может быть, так оно и есть... Человек он во всяком случае сложный. Он исчез из дому. Скрылся... Разыграл спектакль... Утонул...

И пятнадцать лет каждый месяц посылает деньги дочери... Такое напридумывал с этими переводами, мы ищем, никак найти его не можем! То из одного города идут переводы, то из другого! И все под разными фамилиями...

- Мне он там особо сложным не показался... Говорю, скорее шальным! А этот его фокус с переводами объяснить не могу. Не виделись с той самой поры, как к следователю из особого отдела ходили...

- Раскольцев-то женился на той польке...

- Да ну! - воскликнул Власьев и подался ко мне через стол.

- Это вас удивляет?

- Приглянулся он ей, значит... На голодного не похож был... Может, он в каком хозяйстве у немки батрачил... Подхарчила. Смазливым он был пареньком...

- Он старше вас.

- И я тогда был не старик. Что он там в протоколе показывает?

- Перечисляет лагеря, где был...

- По тем временам другого ему не оставалось... Не нравилась мне его ухватистость... Да ведь недолго мы вместе были... И помалкивали... Польку мне хотелось бы повидать...

- Умерла она... Дочь от нее осталась...

- Они в Польше жили?

- Нет! Здесь. Раскольцев врач... Заметный! Специалист но печеночным заболеваниям!

- Печень у меня больная, но лечигься к нему не поеду!

...Все. однако, сметалось в моем повествовании, хотя я и стараюсь развертывать действия, как шло расследование. Но события развивались не в одном плане Мы пока видели одну цель: найти Шкаликова, выяснить, кто его ищет, кого он боялся.

Случай на станции Рязань II с Василием вызывал сомнения. Но не такая уж это случайность, если разные люди ищут одного человека. Могло с Василием сыграть злую шутку просто нервное напряжение.

А между тем существовал во всей этой истории второй план.

* * *

...Нейхольд дождался на аэродроме своего гостя. Не Сальге - Иоахима Паинера встретил он, а господина Эдвардса.

Это уже было похоже на мистификацию. Пять лет.

тому назад полковник одной из иностранных разведывательных служб приезжал сюда туристом.

Он посетил нашу страну ранее Сальге-Пайпера.

Турист, да еще в группе. Он ходил по музеям, но выставкам, осматривал достопримечательности Ленинграда и Москвы. Обычный туристский маршрут. Заниматься его персоной мы тогда не имели никаких оснований. Позже стало известно...

Пойдем, однако, но порядку.

Жил-был художник-реставратор Евгений Прокофьевич Казанский. Пять лет тому назад ему было двадцать шесть лет. Ходил он к тому же в начинающих художниках-живописцах.

Само по себе все, что произошло с Казанским, не следует типизировать. Озлобленная бесталанность может принять самые неожиданные, а порой и чудовищные формы.

Казанский учился в Суриковском институте, но разошелся с профессурой в оценке своих работ. Не приняли его "самовыражения". Казанский освоил ремесло реставратора. Реставрация тоже искусство, но на второстепенных ролях терпит она и ремесленников, достаточно, конечно, искусных. Для того чтобы платили деньги, надо было овладеть ремеслом. Казанским им овладел...

В мастерской он расчищал древние иконы. Это требовало виртуозные навыков и специальных знаний. Но и то, и другое доступно изучению.

Древнерусская церковная живопись обладает удивительным свойством. В ней присутствует кажущаяся простота приема, простота сюжетных решений, наложений красок, она легко вызывает подражание. От подражания к копированию грань перехода незримая.

Казанский в некоторых своих собственных работах переплавил церковные мотивы, и ему казалось, что сделал открытие в искусстве, обогатил современность древними национальными мотивами.

Художники этого за ним не признали, легко отличив подражание от настоящего искусства.

На том и конец бы... Однако совпало обращение Казанского к иконописи с модой на русскую икону в Европе и за океаном.

О том, что такое древнерусская живопись, известно было давно. Никто не сомневался, что она утвердила себя навечно в

мировом искусстве. Как и всякое искусство различных эпох, имело оно и знаменитых своих мастеров.

Однако долгое время имена Андрея Рублева, Даниила Черного, Феофана Грека оставались лишь легендой...

Тогда еще многим было невдомек, что эти великие мастера пятнадцатого века is начала шестнадцатого скрыты от нас множеством последующих записей на иконах.

Только в начале нашего века химия помогла реставраторам снять наслоения последующих записей. Засверкали краски русских мастеров.Тогда и вспыхнула впервые эта эпидемия.

Русская икона писалась, как правило, на доске. На доску вначале закреплялась поволока, наклеивался холст. Он смягчал соприкосновение доски с последующими слоями, держал на себе левкас-слой гипса. По гипсу скрижалями наносился рисунок. Затем на этот рисунок клались краски. Древние писали темперой. Мастерство определялось умением создать гамму красок, достичь в них потрясающей яркости. Краски от выгорания защищали прозрачнейшей специально выдержанной олифой.

Рассказывают, что такая олифа выдерживалась десятилетиями в иконописных мастерских и сотни раз процеживалась. И все же через восемьдесят-сто лет олифа темнела. Она темнела не сразу. Постепенно скрывалось изображение, пока совсем не исчезало в полной черноте.

Но это еще не все. Религиозный обычай предписывал зажигать возле чтимых икон лампады и свечи. Олифа прогревалась, икона потела, на этот почти невидимый ее "пот", на проступившие капли олифы садилась копоть.

Под слоем копоти краски древнего мастера гасли окончательно. Тогда приглашался художник. В иных случаях искусный иконописец, в иных случаях ремесленник-самоучка. В меру своего умения он "поновлял" икону. Если он улавливал изображение сквозь копоть и проступившую олифу, он раскрашивал ее заново по своему разумению красками, которые случались под рукой.

Богатые соборы и монастыри приглашали мастеров "знатных". Они это поновленне делали, не нанося ущерба старому слою.

Ремесленники мазали, как умели. А некоторые не утруждали себя хлопотами искать в темноте изображение, они переписывали его, уродуя первую запись прорезями нового рисунка.

Приверженцы новой веры не терпели древнего письма.

Они или сдирали его пемзой и рисовали новую икону, или клали на старое изображение второй слой левкаса.

Старообрядцы не терпели икон нового письма. Они также их записывали, затирали, всячески укрывая ненавистные краски.

Обнаружить настоящую икону XV или XVI веков оказалось не так-то просто. Это превратилось в своеобразную любительскую охоту. В Россию потянулись из Европы коллекционеры. В канун первой мировой войны царь вынужден был издать указ, запрещающий всякий вывоз икон из России, ибо с безделицей могли уйти нераскрытые еще шедевры национального искусства.

Цена на иконы мастеров древнерусского искусства Андрея Рублева или Феофана Грека установилась на мировом рынке вровень с ценой за полотна выдающихся мастеров итальянского Возрождения...

В конце пятидесятых годов усилился приток туристов в нашу страну. Возник интерес к России, к ее прошлому и к искусству. Началась погоня за русской иконой, ннострапны потянулись к людям, причастным к церкви или к реставрационным мастерским. Фигура художника-реставратора стала объектом внимания.

"Непонятый" художниками Казанский искал сочувствия за границей. К нему в мастерскую, которую он разместил в сарайчике-в гараже своего друга на окраине Москвы, привели однажды корреспондента одной буржуазной газеты господина Нейхольда.

Нейхольд, конечно, сразу понял, с кем имеет дело.

Прежде всего, как корреспондент газеты, он имел возможность открыть русского художника, которого не принимает "официоз". Сенсационная корреспонденция в газету. А дальше? Дальше через реставратора можно чтонибудь купить...

Статья на Западе обрадовала Казанского. Аплодисменты "друзей" он принял за международное признание. Его понесло...

Нейхольд купил у него несколько картин. Расплатился щедро. Сделка была совершена без нарушения закона. Нейхольд заплатил советскими деньгами. Казанский купил кооперативную квартиру, оборудовал мастерскую.

Нейхольд привел к нему в дом своих коллег. Казанский быстро усвоил, что производит впечатление на западного человека. Ему и невдомек было, что "впечатление" наигрывалось.

Он расставил по стенам огромные иконы в сияющих бронзовых окладах, которые отказывались брать музеи, расписал потолки библейскими сюжетами на тему "Страшного суда". С потолка в прихожей свешивались расписные прялки. Словом, в полном ассортименте развесистая клюква "русского духа". Россия поповская в какой-то степени у пего получилась. И аналой стоял, и бронзовый крест лежал на аналое, и кадило он разжигал иной раз, и вся квартира наполнялась ароматом ладана.

Примерно к этому времени он отпустил густую черную

бороду и наползающие на скулы бакенбарды. Острый горбинкой нос и обрамление бороды бакенбардами придали его лицу диковатость.

Нейхольд изъявил желание купить у него новую картину. Казанский уже входил во вкус своей славы на Западет за картину он заломил несуразную сумму. Нейхольд замялся, объяснил "сомнения": что на эту сумму он должен обменять доллары в банке. Если бы Казанский согласился взять долларами, ему, Нейхольду, было бы легче.

Сделка была для Казанского фантастически выгодной. Он взял доллары, и этим нарушил закон о валютных операциях.

К чему времени через Неихольда в одном из выставочных залов Европы появились картины Казанского.

Как всегда в таких случаях, на сгенде, где они демонстрировались, висела табличка с надписью, что картины выставлены без ведома и согласия автора.

В нескольких эмигрантских газетках художника похвалили, пролили слезу над Россией церквей и церквушек. Восторженные рецензии были переданы по радиостанции "Свобода". Непхольд любезно сообщил Казанскому, когда слушать эти передачи.

Исподволь начались разговоры о туристской поездке Казанского в Европу. Там, дескать, и доллары могли бы пригодиться. Но доллары Казанский продал по пять рублей за один. Он купил "Москвича".

Непхольд, как нарочно, интереса к его картинам больше Fie проявлял. Казанский намекнул ему, что они могли бы повторить комбинацию. Нейхольд пожаловался, что терпит затруднения с деньгами... Но вот его друзья, люди очень богатые, хотели бы приобрести старинную икону... Хорошую икону, работу настоящих мастеров иконописи. Нашлась икона в коллекции Казанского. Сделка состоялась через Неихольда. Казанский опять сбыл доллары. Еще икона. Еще и еще...

Непхольд сделал заказ сразу на несколько икон, но поставил условие, чтобы все они были в серебряных окладах. Где их взять? Помогли борода и усы. Пошел по деревням. Представлялся старикам и старухам попом, на грудь повесил серебряный крест и пришептывал, что собирает иконы для вновь открытой церкви. Старушки принесли иконы...

Казанский передавал их каждый раз в разных месгах.

Клал икону в портфель, брал такси. Ехал обусловленным маршрутом. Нейхольд поднимал руку. Казанский разрешал водителю прихватить пассажира. В машину Нейхольд садился точно с таким же портфелем, как и у Казанского. В машне менялись портфелями и расходились.

Сделал Нейхольд и особый заказ. Попросил для очень богатого человека, для миллионера, икону пятнадцатого или шестнадцатого века, из круга больших мастеров. Казанский объяснил, что такого рода иконы большая редкость, чго за ними снаряжаются экспедиции.

Нейхольд намекал, что за ценой не постоит. Обижался, уверял, что ему очень, очень нужно для личной карьеры.

Где-то проскользнула даже подсказка... человек этот не специалист... а Казанский мастер в реставрации...

Казанский понял, хотя прямо ничего и не было сказано. Он нашел действительно очень старую доску, изображение на которой было окончательно утрачено. Остальное ему было знакомо.

С одной из старых и тоже утраченных икон он снял поволоку. Наклеил на доску. Изготовил левкас и выбрал сюжет.

В XVI веке во времена Грозного были распространены иконы с изображением Иоанна Крестителя, считалось, что Иоанн Креститель Предтеча святой покровитель Иоанна IV. В Музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева выставлена икона Иоанна Предтечи - Ангел пустыни, довольно простая по сюжету. Ее Казанский взял за образец, уменьшив лишь значительно размеры. Он скопировал краски, расчертил их крокилюрами, затемнил олифой. Затем положил еще один слой левкаса. На следующем слое написал другой сюжет, затемнил и это изображение. Затем прорисовал его второй раз, выдав этот слои за поновленпе. Закрыл все копотью... И так он нанес восемь слоев. Л затем все восемь слоев приоткрыл в нескольких уголках. Дал иконе отлежаться, чтобы погасли запахи красок, чтобы все подсохло, и показал Нейхольду. Нейхольд пришел в восторг и обещал прийти со своим клиентом.

Изобразить из себя миллионера Эдвардсу не составило труда. Он осмотрел мастерскую, картины Казанского, иконы. Восторгов не выражал, но был весь "нетерпение"... "Нетерпение", конечно, было наигранным.

Казанский, в душе все же робея, положил на стол свою подделку.

- О-о-о! - воскликнул Эдварде и посмотрел выразительно на Неихольда. Нейхольд на немой вопрос ответил легким кивком головы.

Эдварде лениво опустил руку в боковой карман и извлек оттуда бумажник, вытащил из бумажника пачку стодолларовых купюр и небрежно бросил ее на стол.

Нейхольд подвинул пачку Казанскому.

- Здесь тысяча долларов, господин Казанский! - сказал он. -

Мой друг просит вас написать ему точное название сюжета иконы, обозначить школу и время исполнения.... Желательно также знать ее происхождение...

Казанский записал: "Иоанн Предтеча, Ангел пустыни. XVI век. Вывезена из Каргополя Архангельской области. Предположительно новгородская школа".

Протянул записку Нейхольду. Тот внимательно ее прочел, что-то сказал по-английски своему другу. Тот удовлетворенно кивнул головой. Сделка состоялась.

Казанский не отказал себе в удовольствии небрежно, не считая, бросить доллары в ящик стола.

Столь же небрежно он предложил:

- Коньяк? Виски? Джин?

Налили коньяк.

Казанский оживился. Начал пояснять:

- Редчайший сюжет! Ваш друг, господин Нейхольд, останется доволен. Не всегда турист может похвастаться такой находкой...

- Находка стоит тысячу долларов! - заметил Нейхольд.

Казанский нашелся:

- У вас на Западе она стоит в десять раз дороже...

- Все может быть! - слегка насмешливо согласился Нейхольд. - Если нет ошибки и это действительно шестнадцатый век... Последнее время очень много ошибок, дорогой Евгений!

Договорились с Нейхольдом и о передаче иконы, как это у них было ранее условлено. Нейхольд пообещал встретить Казанского в Европе и познакомить с самыми известными художниками.

- Пора, пора, Евгений, выходить вам по-настоящему на международную арену! - восклицал он.

Казанский купил путевку на путешествие вокруг Европы.

Выехал он двумя месяцами ранее визита незнакомца к Шкалнковой...

Нейхольд нашел Казанского в одном из крупных европейских городов. Позвонил в гостиницу по телес}юну.

В городе туристская группа должна была пробыть всего лчшь два дня.

Договорились по телефону, что Казанский в ночной час выйдет к подъезду гостиницы.

Казанский вышел, бесшумно подкатил черный, сверкающий лаком "ситроен". Казанский быстро пырнул в машину. "Ситроен" поплыл по улицам ночного города.

Нейхольд привез его на одну из конспиративных квартир полковника Эдвардса, он принял его с Нейхольдом радушно.

Эдварде в России "не знал" русского языка. У себя он

обратился к Казанскому на русском языке и не без иронии.

- Коньяк? Джин? Виски?

Казанский воскликнул:

- Вы говорите по-русски?!

Эдварде живо ответил, и даже акцента не слышалось в произношении русских слов.

- Я коллекционирую русские иконы! Надо изучать русский язык!

Резким движением Эдварде подвинул кресло. Казан ский сел, чувствуя, что надвигается что-то неладное.

Дальнейшее развернулось в стремительном темпе.

Эдварде снял со стены икону, приобретенную у Казанского, и строго спросил:

- Это ваша икона?

Теперь Казанский понял, что предстоит объяснение, но какое-еще в толк не брал. Он лихорадочно соображал, как выйти из положения, как сохранить хотя бы внешне, чувство достоинства.

Он взял икону из рук Эдвардса, провел по ее поверхности пальцами, перевернул доску и признал:

- Когда-то была моей!

- Именно ее я купил у вас за тысячу долларов. Не правда ли?

- Она самая...

Каждое его слово записывалось на магнитную ленту, а каждый жест снимался скрытой кинокамерой.

Эдварде резко сменил тон:

- Я хотел бы, Евгений, расторгнуть сделку! Вашу икону осмотрели эксперты... Они признали ее подделкой!

Когда я могу получить обратно мои доллары?

Казанский продавал доллары валютчику, которого навел на него Нейхольд. Эдварде совершенно точно знал, что его доллары уже давно ушли.

Вступил в разговор и Нейхольд.

Он сухим, деловым тоном проинформировал, что по законам той страны, где они находились, подделка произведения искусства каралась очень и очень сурово.

Казанский снял пиджак, часы с руки и предложил все это взять у него в залог. Эдварде усмехнулся и усадин его в кресло.

- Мы понимаем, - начал Эдварде, - художнику, чтобы стать известным, нужно много денег! Холсты, краски, представительство... Зачем же, Евгений, добывать деньги с таким риском? Продавать подделку за подлинник... Это опасно! И еще опаснее продавать доллары!

Эдварде пренебрежительно отмахнулся от вызова в голосе Казанского.

- Успокоитесь! Я предлагаю вам более простой и легкий способ заработать деньги! Много денег...

- Шпионаж?

- Зачем так громко! Маленький и безобидный бизнес... К вам обратится советский гражданин с просьбой что-то передать... Придется передать посылочку. Кому?

Мы скажем в свое время... Абсолютно безопасно!

- Что я должен буду передать?

- Оставьте! Это менее опасно, чем торговать иконами...

- Коньяк, виски? - спросил насмешливо Нейхольд.

- Виски! - с сердцем ответил Казанский.

Он, наконец, почувствовал, что с ним играют, как кошка с мышкой, что этой силе, этому давлению он здесь ничего противопоставить не может.

Оставалась какая-то надежда затаиться и... Но и здесь Эдварде отсекал ему пути.

- Мы не берем у вас подписки! Вы, должно быть, читали в романах о шпионах, что при вербовке берется подписка... Но это в романах. Я надеюсь, вы понимаете, что, если нам понадобится, мы вас найдем! Теперь пароль... Его назовут вам... Вставят в какую-нибудь фразу...

Вы знаете, что такое пароль?

Нейхольд взял со стола икону. Повертел ее в руках, как бы в раздумье проговорил:

- Ангел пустыни... Эффектно? И ошибки не будет!

Кому в голову придет употребить такие слова?

- Для подтверждения: привет от Эдвардса! - добавил Эдварде и встал, давая понять, что разговор закончен.

Казанский вернулся в Москву растерянным. Но шло время, а к нему никто не обращался, прекратились в мастерскую и визиты иностранцев, будто кто обрезал!

И вот Эдварде в Москве. Второй раз, пять лет спустя... Под чужим именем!

Я возвращался из Сибири в полной уверенности, что нз!пя товарищи уже нашли Шпаликова. АН. нет! Герасима Ивановича Притыкова нигде не значилось. Мы сузили площадку левобережьем Оки. Всего лишь несколько отделений милиции.

В книгах прописки Притыков не значился. Товарищей начали одолевать сомнения. Он же мог назваться проводнику любым именем. Как же его искать? Василий Сретенцев, товарищи из областного управления разъехались по отделениям милиции и опрашивали участковых, показывая им фотографии Шкаликова.

И вот нашли! Один из участковых довольно удаленного от областного центра отделения милиции признал по фотографии

Шкаликова. Мне позвонил об этом ночью Василии, я сел в машину и к утру был уже в районном центре, откуда мы решили ехать все вместе... Кто-то предложил вперед выслать участкового, проверить, не спугнем ли мы кого-нибудь.

Я был против всякой задержки. И без того поиски затянулись. Если бы Шкаликов был похитрее, найти его было бы вообще невозможно! Весенние переводы нам явно помогли, помогла Ока своими разливами...

Так или иначе, встреча со Шкаликовым надвигалась, и мне хотелось видеть его лицо, его фигуру, его реакцию в первую секунду встречи. Все это было крайне важно.

Что-то подсказывало: мы вышли на значительный след.

Большое село на берегу Окп.

У третьего дома с края участковый сказал шоферу, чтобы он остановил машину.

- Здесь он квартирует, у бабки Анисьи! Кто пойдет, я или вы? - спросил он нас.

Пошли я и Василий. Василию я строго наказал быть предельно собранным. Человек может испугаться, а, как видно, он из пугливых, не разобравшись, может выкинуть любую неожиданность. А может испугаться и всерьез, не без оснований. В такую минуту и за топор, и за ружье схватится, а ружье стреляет и в обратную сторону.

Не застрелился бы!

Василий постучался. На крыльце соседнего дома сидел старик, играл с кошкой.

- Вам Притыкова?... Герасима Ивановича? - спросил он.

- Его самого! - ответил Василий.

- Съехал он! Тому уже боле недели прошло!

Мы переглянулись с Василием. Это был иллюзион почище, чем на станции Рязань.

- Совсем съехал? - уточнил Василий.

- Кто же его знает! Не прощался, не докладывался!

Емкий ответ. И осуждение в нем, и характеристика нрава необщительного.

- Вы все же достучитесь! - сказал я Василию. - Осмотрите избу... Может, что-то из вещей его осталось, может быть, хозяйка знает, куда съехал...

- В правление! - приказал я.

- Стоп! - воскликнул участковый. -Поедем к Рыжикову! Он тут каждого и всякого знает.

Съехал! Больше недели назад... Я лихорадочно рассчитывал, не совпало ли это каким-то образом с тем, что Василии расспрашивал проводников. Тогда это ошибка, страшная ошибка.

Только намек, что кто-то ищет- и исчез! Тогда выходит, что он боялся нас? Однако Василий не представлялся! Да, но он шел от переводов! Если бы он нас боялся, не стал бы и переводы делать! Не стал бы! не от нас он прятался! Не от нас! Сама Шкаликова могла в любое время за эти пятнадцать лет начать поиски. По переводам-то могли искать только от нее. И никому она о них не говорила. Найти их след могли только мы... Стало быть, его спугнуло что-то другое!

Что?

Остановились у дома Рыжпкова. Он увидел в окно машину и выбежал, на ходу одевая портупею. Обедал.

Участковый выскочил из машины. Начал с места в карьер:

- Привет, Рыжиков! Притыкова знаешь? Герасима Ивановича? Где он?

- Уехал!

- Куда?

Я вышел из машины.

- А долго ли он жил здесь? - спросил я Рыжнкова.

- Давно он здесь... Сразу и не вспомню... Лет десять жил... Проводником он устроился на железную дорогу.

Его уже спрашивали.

На улице собирались любопытные. Я взял РЫЖИКОВ:!

под руку, он настороженно отстранился, я увлек его в дом.

Участковый шепнул:

- Из КГБ... полковник Дубровкин. Так что, Рыжиков, рассказывай!

- А чего мне скрывать? Пришлось мне тут один протокол составлять... На человека, больного алкоголем..

Так этот, кто спрашивал его, Гусейнов Хасан Хасанович, свидетелем записан... Он в гости к Притыкову приезжал...

Не застал его!

Я вынул из кармана рисунок дочки Шкаликова.

- Похож?

- Есть сходство...

- Откуда известно, что он Гусейнов?

- По паспорту, товарищ полковник! - ответил Рыжиков, даже с некоторым недоумением, что я задал такой наивный вопрос.

- Вы видели паспорт?

- Правильный паспорт. В протоколе и номер записан и адрес.

Оставался еще один вопрос. Подробности меня сейчас не интересовали. Главный вопрос.

- Притыков уехал до приезда Гусейнова или после?

- До Гусейнова он уехал.

Я попросил Сретенцева остаться и записать все, что было

связано с Гусейновым.

Гонки приобретали вполне определенный характер.

Теперь уже и я не сомневался, что на платформе в Рязани Василий видел этого самого Гусейнова, посетителя Шкаликовой. Почему он идет впереди нас?

Машина развернулась. Я приказал ехать в Рязань.

Василий стоял на дороге, в руке держал какой-то сверток. По лицу его и по всей фигуре я угадал, что есть и у него какая-то новость. Он почти на ходу вскочил в машину.

Машина выехала из села, Василий протянул мне пачку журналов.

- Почитай, Никита Алексеевич!

Я развернул журналы. Это были специальные медицинские журналы. Один двухгодичной давности, два других недавние.

Я начал листать первый журнал: портрет Раскольцева и его статья. Статья жирно обведена красным карандашом. Открыл второй журнал. Статья Раскольцсва подчеркнута красным карандашом в оглавлении.

- В третьем, - подсказал Василии, - есть ссылка на эти статьи. Упоминается имя... И тоже подчеркнуто!

Шкаликов и медицинские журналы? Это было, конечно, странновато. Но его внимание к Раскольцеву легко объяснимо. Вместе бежали. Знакомы как-то. Могли и после воины встречаться.

- Можно, Никита Алексеевич?

Василии обычно задавал такой вопрос, когда хотел, как он сам говорил, "помечтать", выложить свои предположения.

- Ну-ну! - подбодрил я его.

- Почему этот тип нас опередил?

- Опередил вот! На этот вопрос мы сразу не найдем ответа.

- А может быть, Раскольцев ему адресок дал? Дочка сказала этому Гусейнову, что отец ее умер. Тот к Раскольцеву, а Раскольцев адресок?! А? Может быть, этот посетитель вместе с ними где в лагере был?

- К доктору Шкаликов мог пойти... Примем это! Не прятался от него? Чего же вдруг спрятался?

- А он не от него прятался! Вы сами же сказали, что Гусейнов после отъезда Шкаликова появился... От меня он, наверное, прятался! Через проводников узнал!

От Вереи до Москвы три часа езды... До Раскольцева рукой подать. Он в тот же день мог сюда приехать...

- А чего же он в Рязани четыре дня тому назад делал? А? От Рязани сюда пять часов езды... Не четыре дня!

- Вы уверены, что это я его видел?

- Не я же его видел! Это я тебя об этом должен спросить! Рыжиков по нашему портрету сразу его узнал...

- Все! Молчу! Не склеивается версия! И усложнять не очень-го хочется. Этак можно предположить... Можно предположить, что есть какой-то второй план в этой истории.

Словом, Василий начал нащупывать второй планс Казанским.

Я считал в тот момент, что гонки приближались к финишу. Площадка сузилась, и теперь Шкаликов был полностью в пределах досягаемости...

В Рязань надо было ехать через райцентр. Я попросил па минуту заехать в отделение милиции. Оттуда позвонил в областное управление и сообщил данные Притыкова. Его надо было искать через отдел кадров управления железной дороги.

Намного нас опередил этот господин! Медлить нам уже нельзя было ни секунды. Проводник вагона. Как все логически сцеплялось одно с другим. Человек в минуту опасности кидается туда, где поскорее можно укрыться.

Среди проводников у него много знакомых, пригляделся он к этой работе. Вот и сунулся туда. Но почему еще до прихода этого Гусейнова? Не от нас же, работников госбезопасности, прятался он на железной дороге! Он должен понимать, что и мы и милиция без труда найдем проводника.

В деревне он каким-то образом замял дело с пропиской. Поступление на железную дорогу отмечается в соответствующих документах.

Он спрятался от Гусейнова! Но кто его предупредил?

Откуда он узнал, что этот Гусейнов идет по его следу? Я должен был в ту минуту признать, что Василии где-то прав, вводя в круг действующих лиц и Раскольцева.

Приехали в Рязань...

Меня уже ждал работник областного управления Авдюшин.

Он не старше Василия, тоже недавний студент. Обрадовался, что в руки пришло интересное дело.

Действительно, неделю тому назад Притыков оформился проводником через отдел кадров на поезд Москва-Ташкент в мягкий вагон. Авдюшин сличил фотографию Притыкова в личном деле с фотографией Шкаликова. Совпало. Поезд, на котором работал Шкаликов, сейчас шел из Ташкента, приближаясь к Рязани. Авдюшнн сделал запрос по селектору на одну из станций. Ему ответили, что проводник Притыков "сопровождает шестой вагон".

И еще!

В отдел кадров управления железной дороги уже приходил какой-то восточного типа человек, молил девушек указать, где

работает Притыков. Ему подсказали.

Он оставил в знак признательности бутылку вина и букет цветов.

Уверял: "Другу вез, без вас не нашел бы друга!"

У меня по спине пробежали мурашки. Переживать приходилось всякое, бывали ситуации, когда, казалось, уж и выхода не было. Там, в Германии, в канун войны...

А начало войны! Встреча с матерью... Что только не пришлось пережить! И почти как в те моменты теперь подступало ко мне чувство тревоги.

Пришел ответ на запрос из Махачкалы, где был отмечен паспорт Гусейнова. Такого там не значилось...

Теперь это превращалось и в погоню за человеком, действовавшим под фальшивым паспортом. За ним погоню надо было строить несколько в ином плане, чем за Шкаликовым. Не грозит ли их встреча какой-либо опасностью Шпаликову? Топор под кровать клал, ружье на стену вешал! Ждал этой встречи! С оружием в руках ждал... Надо было прежде всего спасать Шпаликова, невзирая ни на что!

Мы сверили по расписанию движение поезда. Получалось, что, выехав навстречу поезду из Рязани, мы его быстрее всего могли встретить лишь на станции Проня...

Машина сорвалась с места и пошла по городу, проскакивая светофоры и красный свет.

Дежурный по управлению получил задание связаться с милицейским постом на станции Проня и поручить дежурному работнику милиции встретить проводника Притыкова, снять его с поезда и задержать в отделении милиции, не арестовывая его, а охраняя... Ни под каким видом до нашего приезда никого к нему не допускать...

От Шилово до Пропи поезд следовал без остановок.

Минут за двадцать до прихода поезда на станцию Шилово в окошко кассиру постучали. В такой поздний час на этой станции пассажиры были редкостью. Голос с восточным акцентом попросил четыре билета в мягкий вагон. Пассажир просил, если это возможно, дать все четыре билета в одно купе.

Мягкий вагон шел полупустым. Кассирша продала четыре билета. Отдавая билеты, помедлила, пассажир просунул в окошко голову. Она запомнила его. Просто так, из любопытства.

Когда пришел поезд, она заметила, что в мягкий вагон сел только один пассажир, тот самый, который брал четыре билета. Это ее удивило, поэтому она и запомнила все в деталях.

Шкаликов в лицо его не знал, пассажир вошел в вагон и коротко ему бросил:

- Стели постель, дорогой! Я спать буду!

Дежурил Шкаликов, его напарница дремала в служебном купе. Шкаликов положил на место фонарь, флажок, взял пакет с чистым бельем и вошел в четвертое купе. Сальге вышел, чтобы не мешать ему. Шкаликов застелил постель и выпрямился. Сальге стоял спиной к закрытой двери из купе и пристально смотрел на него.

Снисходительно, с наигранным равнодушием негромко он сказал:

- Здравствуй, Шкаликов!

Вот она, встреча, которой он ждал, к которой готовился и от которой скрывался. И топора под рукой нет, а стоит перед ним человек, который все может...

- Садись!

Шкаликов попятился и сел,

Сальге продвинулся в глубь купе, снял с полки портфель, выставил на стол поллитровку.

- Выпьем, Шкаликов! У нас с тобой разговор долгий!

Разлили по стаканам водку. Сальге бросил на стол дорожный пакетик с закуской, что продаются на вокзалах. В пакетике лежал кусок колбасы, два яйца, кусок хлеба.

Выпили.

- Скрылся? - отрывисто спросил Сальге.

Шкаликов не торопился отвечать. Сальге сам и ответил на вопрос:

- Спрятался... От кого прятался?

Шкаликов потихоньку приходил в себя, лихорадочно соображая, как вывернуться, как уйти, как отбиться.

- От людей... От себя не схоронишься!

- Кто-нибудь знает, что ты живой?

- Ни одна душа. Ни одна душа! Окромя Раскольцева!

- И жена не знает?

- Упаси бог ей знать!

- Это почему же?

- Искать начнет!

- Значит, но чистой скрылся?

- По чистой!

- Зачем тебе деньги потребовались?

- Деньги завсегда нужны!

- Это верно!.. Напугал ты доктора! Он тоже считал тебя покойником!

- Ему я не докладывался!

- В пятьдесят втором году у вас была назначена контрольная встреча... Забыл?

- Никак нет! Шестого мая... В Москве... У входа в Большой театр... В два часа! Я к тому часу уже покойником числился!

- Он навел справки... Ему указали, что умер... Все правильно! Чего же вдруг ожил?

- Как-то журнал на станции купил... Селедку завернуть. Гляжу-не верю! Он! Его лик! Я! Я... как червь в землю уполз, в темень задвинулся, стушевался, а он на виду, в богатстве, барином! В журнал пописывает!

Такая на него злость взяла! Ну? Ваши что тогда говорили? Все! Конец России! Ты наш человек! Ты ни о чем не думай! Мы господа, а ты наш верный слуга. В обиду не дадим! А Расеюшка-то жива! Жива! К чему я пришел? Чего мне ждать? Ждать, когда постучатся в дверь?

Дочь родилась... А ну как станет все известно об отце?

Как ей жить? И что я мог? Гроши получал... Попросил его поделиться!

- А если бы не поделился?

- Поделился!

- А если бы не поделился?

- Нажалился, что я ему пригрозил?

- Ты пригрозил в КГБ обратиться... У тебя, что же, там друзья завелись?

- Упаси бог от друзей, от остальных сам отобьюсь.

- Почему ушел из деревни?

- На почте сказали, навестил, дескать, друг! Друзей у меня нет, а про ту почту один Раскольцев знал...

- И так, и этак, Шкаликов, получается, что ты не от КГБ бегал, а от нас прятался?

Сальге налил еще по полстакана водки.

- Прятался! - признал Шкаликов.

Водка начала действовать. За многие годы и он, при всей сложности минуты, мог свободно и не таясь порассуждать о своей жизни.

- Тогда не управились, а теперь что же? После драки кулаками не машут! Тут только голову высуни, отсекут, как не было!

- Испугался?

- А кто ты таков есть, что не боишься? Врешь! Боишься!

- По твоим доносам, Шкаликов, в лагере вылавливали коммунистов, евреев, комиссаров... Куда их девали? А?

- То дело, куда их девали, не на моей совести...

Я говорил правду и только правду...

- Вешали их, Шкаликов, расстреливали, в печах жгли...

- Не суй, ты не суй мне таких картинок! Сам знаю - жизнь моя

проклятая! Глаза закрою, а в глазах кресты, кресты...

- Березовые! Осина по тебе давно плачет, а не крест березовый! Мы тебе побег устроили, героем сделали, чтобы не тронули тебя за плен... А ты спрятался! От своих благодетелей спрятался! Что же нам с тобой теперь делать?

- Убивать пришел? За Раскольцева?

- Оставь Раскольцева! Что нам до него! Работать будешь?

- А если не буду?

- Тогда плохо, Шкаликов!

- Убьешь? Убивай! Убивай! Жизнь моя конченая, дочушку свою не отдам на позор!

Шкаликов кинул руку к горлышку бутылки, но Сальге оглушил его кастетом, погасил в купе свет, открыл окно и спустил Шкаликова под колеса поезда...

Закрыл окно, вышел из купе. Коридор был пуст в этот час. Пассажиры и проводница спали. Сальге пошел по вагонам вперед по ходу поезда...

Повествование вынудило меня забежать вперед. Не по ходу и не по хронологии развивающихся событии. Об этом разговоре в купе и о том, как был убит Шкаликов, мы узнали значительно позже.

Стремительно в те часы и минуты сближались поезд и наша оперативная машина.

Мы спешили, опасаясь за Шкаликова.

Не нравилось мне, что мы подъедем к станции ночью на "Волге", что милиционер поднимется в вагон за Шкаликовым. Шумно, суетливо все это и...

- Торопись, торопись, Миша! - говорил я шоферу. - Мы должны успеть!

Машина свернула с асфальта, впереди засверкали огни железнодорожной станции.

Мы немного не успевали.

Прорезал тьму прожектор поезда.

Машина остановилась у закрытого шлагбаума железнодорожного переезда. С нашей стороны подъезда на автомашине к станции не было. От переезда в сторону станции терялась в темноте пешеходная тропка.

Авдюшин открыл дверцу.

- Куда? - спросил я его.

- Открыть шлагбаум.

- Не надо! Мы пойдем пешком...

Мы с Василием вышли из машины и пошли вдоль пути.

- Я побегу, - предложил Василий.

- Беги!

Он побежал, посвечивая перед собой карманным фонариком.

В ту ночь на станции Проня дежурил старшина милиции Артюхин. Он получил указание от дежурного по областному управлению снять с поезда Притыкова и ждать пашу опергруппу.

Поезд еще двигался вдоль платформы, а старшина уже стоял на том месте, где должен был остановиться шестой вагон. Поезд остановился. Открылся тамбур, поднялась площадка, из вагона высунулась с фонарем проводница.

- Притыков в вагоне? - спросил старшина.

- Куда ему деться! В купе с пассажиром пьянствует...

Артюхин оправил гимнастерку и вошел в вагон.

- Какое купе?

- Четвертое, - ответила проводница.

Артюхин подошел к двери и постучался. Не отозвались. Он открыл купе... Пусто! На полу разбитая бутылка из-под водки, стакан. Другой стакан на столике. На столике ломтики колбасы и раздавленное яйцо, словно кто наступил на него ногой.

Старшина позвал проводницу.

- Где они?

Вопрос бессмысленный.

Старшина открывал в купе двери, перебудил пассажиров, но Притыкова нигде не было. Исчез и пассажир.

Я застал всех в сборе. Дежурный по станции, старшина, Василий и пассажиры.

И уже раздавались вопросы:

- Что случилось?

- Кто убежал?

- Ограбили? Кого ограбили?

Василий подошел к окну и приподнял белую занавеску. Оглянулся на меня. Поднял руку и что-то растер на пальцах. Я его понял, закрыл за собой дверь в купе.

Василий тихо сказал:

- Окно открывали на ходу поезда... Крупная пыль на занавесках...

Я попросил его осмотреть все на месте, назначил встречу в Рязани. Вышли на перрон.

Поезд тронулся. Я пошел с сержантом в милицейскую комнату.

Опередил! Неужели на этом роковом перегоне, где мы могли встретиться со Шкаликовым, он опять, опять оказался впереди.

Я уже знал от проводницы, что пассажир с восточным лицом вошел на станции Шилове и исчез... Исчез и Шкаликов.

В милицейской комнате надрывался телефон. Артюхин снял трубку. И вдруг изменился в лице. Прикрыв мембрану, с испугом доложил:

- Звонят из Дома приезжих... Тут, недалеко... От Дома приезжих угнали грузовую машину... Только что угнали... Притыков?

- Притыков! - ответил я старшине, не желая посвящать его во все сложности этого дела.

А произошло вот что.

Гусейнов незаметно вышел из другого вагона, где его мы и не ждали, затерялся в темноте, наткнулся на машину и погнал ее.

- Ну, это мы догоним! - воскликнул бодро старшина.

- Мы сейчас на посты сообщим!

- Я сам сообщу! - унял я его рвение.

Не расскажешь же старшине милиции, какие в ту минуту одолевали меня противоречия. Василий заметил в купе пыль на белых занавесках. Разбитая бутылка, разбитый стакан... Вероятно, в купе открывалось окно. Если оно открывалось, то совершено преступление.

Подошла "Волга". Я вышел навстречу Авдюшину.

Па переезде он встретил показавшийся ему подозрительным самосвал ЗИЛ-130, он хотел было его задержать, но торопился ко мне.

- Вы разглядели кабину самосвала? - спросил я Авдюшина.

- Мы ослепили его встречным светом на переезде...

В кабине сидел одни человек за рулем... Мне показалось, товарищ полковник, что водитель похож на того, кого вы ищете.

- На кого? На Притыкова или на Гусейнова?

- Не на Притыкова... Притыков маленького росточка... Этот высок, у него восточный тип лица... Поэтому я и хотел

задержать... Не знал... Не было вашей команды! Но мы его догоним! Немедленно догоним. Здесь он никуда не уйдет! У нас отличные посты ГАИ...

Я оглянулся на старшину милиции Артюхина, попросил его связаться с дежурным по станции Проня и от моего имени организовать тщательнейший осмотр перегона между Шиловом и Пропей.

Искать надо было труп выброшенного из поезда человека...

Старшина милиции побежал к селектору, Авдюшин - к машине. И мы в погоню...

Авдюшни не напрасно утверждал, что посты ГАИ у них отличные. Он тут же из машины связался по рации с постами в Шилове и Соколовке. Куда бы ни свернул с проселка самосвал, налево или направо, он был бы перехвачен. Радиоволны опередили его сразу и намного...

Ночь... Выпала на асфальт роса. Мы остановились на шоссе. Вышли с Авдюшиным.

Покрышки самосвала наволокли с проселка пыль на мокрый асфальт и четко пропечатали следы. Самосвал повернул направо к Рязани...

К Рязани... К областному центру, к железнодорожному узлу, к точке, где он мог встретить наибольшую насыщенность милицейских постов? Не может быть, чтобы он сворачивал по наитию, не обдумав, куда свернуть?

Если бы он почувствовал хоть в какой-либо степени, что кто-то идет по его следу, он повернул бы налево, подальше от Рязани, в районы поглуше... Стало быть, он спокоен... Надо ли его пугать?

Мы выехали на шоссе. Шофер нажал на акселератор, стрелка спидометра склонилась до отказа направо.

ЗИЛ-130 снабжен восьмицилиндровым двигателем. Это быстроходная машина. До Рязани было пятьдесят километров. Мы должны были его догнать где-то на полпути.

Авдюшин вызвал навстречу оперативную машину ГАИ. Мы его взяли бы в коробочку. Действительно, деваться ему было некуда. Оставалось одно-бросить машину и скрыться в поле. На всем пути от Прони и до Рязани леса не было.

Я чувствовал, как шофером и Авдюшиным овладевает азарт погони. У меня азарт проходил. Или мы возьмем его, или он уйдет, обнаружив нашу погоню.

Я казнил себя за то, что мы не успели к Шкаликову, надо было опередить этого господина!

Кто же ему сказал, что Шкаликов жив? Кто? Кто ему указал его адрес? У Шпаликова журналы со статьями Раскольцева, фотография. Конечно же, это луч света во мраке. Без этого

обстоятельства Сальге не нашел бы Шкаликова... Это пока еще смутно прорисовывалось, но я решился на риск!

Я попросил Авдюшина включить рацию и приказать встречной оперативной машине, не останавливаясь и не задерживая самосвала, следовать нам навстречу. Авдюшин поразился. Он не удержался:

- Товарищ полковник, вы за наших товарищей из ГАИ боитесь?

- Передайте также на пост Соколовку, - продолжал да и на все посты ГАИ, чтобы этот самосвал нигде и ни при каких обстоятельствах не задерживали...

Авдюшин понял, наконец, что вот теперь и начинается наша операция.

Вернемся немного назад.

Милиционер Рыжиков очень переживал свою ошибку.

Сальге приехал в село к Притыкову. Как мы знаем, Притыкова не оказалось. Ему нужно было, конечно, ухватиться за его след. Он отправился в колхозную чайную.

Разговорился за столиком с каким-то местным жителем и решил угостить его водкой для более задушевной беседы. Подошел к стойке. Заказал две порции водки по сто пятьдесят граммов. Пока рассчитывался, из-за его спины протянулась чья-то рука, схватила стакан... Сальге оглянулся. Невзрачный человек допивал большими глотками его водку. Буфетчица подняла крик. Оказывается, это был давний и излюбленный прием окончательно спившегося человека. Вызвали милицию, хотя Сальге просил не обращать внимания, отказался от всяких претензий. Но всем надоела назойливость пьяницы. Пришел Рыжиков и составил протокол. Сальге пришлось предъявить паспорт как пострадавшему. Но когда Рыжиков узнал, что Гусейнов ищет Притыкова, подсказал ему, что тот оформился проводником на железную дорогу...

Кругом виноватым считал себя Рыжиков. Он решил переворошить все, что касалось Притыкова. К ночи, перерывая в который уже раз корзинку из-под бумаг в бухгалтерии колхоза, где работал счетоводом Притыков, он нашел обрывок квитанции, но которой Притыков ПОЛУЧИЛ перевод в пятьдесят рублей. Перевод до востребования... Удивило Рыжикова, что перевод пришел в почтовое отделение в другом селе, расположенном километрах в двадцати выше по Оке.

Зачем Притыкову понадобилась такая конспирация?

Добраться в село Инякино, где находилось это почтовое отделение, было не так-то просто. Оно находилось на другом берегу Оки. Надо было ехать два часа на катере, от катера и от

пристани идти пешком семь километров. Неспроста все это было у Притыкова. Так решил Рыжиков. Невзирая на поздний час, он сел на моторную лодку и отправился в Инякино. На пристани он в колхозе поднял с постели знакомого ему шофера, в Инякиио разбудил работниц почты. Они ему рассказали, что Притыков получал ежемесячно вот уже два года по пятьдесят рублей из Москвы. Открыли ночью почту. Подняли корешки квитанций. Притыков получал переводы от Раскольцеза! Имя это, конечно, ничего не говорило Рыжикову, но квитанции он забрал.

В третьем часу ночи я приехал в управление. Дежурный мне сказал, что меня разыскивает Рыжиков. Звонить ему надо в Инякино...

В Инякино, так в Инякино... Название этого села в ту минуту мне ничего не говорило. Соединились с Инякином.

Рад, что чем-то может помочь.

- Товарищ полковник, еле нашел вас! Притыков получал в Инякинском почтовом отделении переводы из Москвы... По пятьдесят рублей в месяц... Переводил ему какой-то Раскольцев! Посмотрите на карту, товарищ полковник! Это далеко от нашего села...

- Раскольцев? - перебил я его. Меня уже не интересовало, где это село. - Раскольцев? - переспросил я.

Рыжиков повторил фамилию, расчленяя ее по буквам. Добавил, что у него квитанции в руках, но без обратного адреса. Адрес мне был не нужен...

- Спасибо, Рыжиков! Спасибо! - поблагодарил я его от души. - Квитанции лично доставьте в Москву ко мне... И немедленно...

В Москве утром меня застало еще одно известие. На перегоне Шилово-Проня нашли до неузнаваемости обезображенный труп человека. Нашли и паспорт на имя Притыкова в кармане железнодорожной формы...

Но теперь мы знали, где пересекутся наши пути с убийцей.

К концу дня должен был приехать Рыжиков. С часу на час в Москве должен был появиться и Сальге. Встречать его на вокзале в Москве не имело смысла. Он мог сойти на любой станции, пересесть в электричку, в автобус... Словом, вокзал я исключил как место встречи. Он должен был, как я считал, связаться с Раскольцевым.

На всякий случай только для подстраховки я позвонил в Томск и попросил наших товарищей поберечь Власьева.

Никаких оснований считать, что Сальге направится туда, у меня не было. Все сходилось к Раскольцеву. И не за пятьдесят же рублей убрали Шкаликова, убрали его за то, что он что-то знал о Раскольцеве. Вот когда зазвучали слова Власьева: "Раскольцев, тот

был поглаже...

На голодного не смахивал"... Сохранилась у Власьева в памяти эта деталь. И не могла не сохраниться у дистрофиков, у голодных. Знал, видимо, Шкаликов, откуда прибыл к ним в лагерь Раскольцев. И не ради ли Раскольцева и весь побег удался? Голубев и Власьев бежали, потому что появилась такая возможность, а что ловить не будут, они знать не могли.

Теперь оживляют агентуру. Расчищают для Раскольцева возможность работать. Наверное, все эти годы его не трогали... Могло быть и так. А теперь почему-либо понадобился.

Сами по себе переводы Шкаликову от Раскольцева мыслей у меня таких не вызвали бы. Но он переводил Притыкову! Он знал, что Шкаликов скрывается, помогал ему в этом и считал, что есть у Шкаликова причина скрываться, причина "умереть"... Раскольцев переводил деньги в Инякино. Именно в Инякино приехал и Сальге. Раскольцев навел на след, направил... Он соучастник в убийстве, убийство совершено. Теперь Сальге должен дать отчет.

Их встреча с Раскольцевым предопределена.

Письмо? Телефонный звонок, условный знак? Нет!

Должна быть встреча, если идет оживление агента.

Надо было идти к начальству, докладывать все аспекты этой истории.

Наш отдел курировал Сергей Константинович. Его чекистский опыт начал складываться в годы войны в армейской разведке.

Наблюдение за Раскольцевым надо было ставить основательно. Обвинение в соучастии в убийстве вещь серьезная. Мы должны были знать, о чем будут говорить Раскольцев и убийца, когда они встретятся. Техника нашего времени в этом направлении совершенна. А где они и как встретятся? Этого еще никто не знал.

Установили мы, что у Раскольцева есть расписание частных приемов. Лучшего предлога для встречи, чем приход на прием, и не придумаешь, и придумывать не надо.

Выбрали подходящую точку для наблюдения за всей улицей, на которой стояла дача Раскольцева.

На прием я решил пойти сам. Очень мне хотелось встретиться лицом к лицу с Сальге, заглянуть ему в глаза, взвесить силы этого противника. Любопытно было посмотреть и сразу после встречи с Сальге на Раскольцева. Как он овладеет собой, какой у него след оставит эта встреча?

В соседний дом с нашими товарищами я направил и Рыжикова. Только он мог узнать Гусейнова.

Ждать... Ждать... Ждать и догонять - нет ничего хуже.

Прошло двое суток. Я сидел возле полевого телефона, связывающего опергруппу с точкой наблюдения. Есть простор подумать...

Десятки раз были обсуждены все возможные варианты, как брать опасного человека. Он мог отстреливаться.

Нельзя было дать ему этой возможности и покончить с собой. Все заранее оговорили, предусмотрели все случайности и ждали...

И вдруг зуммер полевого телефона. Ждали, ждали, а все же "вдруг"! Этот телефон мог зазвонить только в одном случае...

Я снял трубку. Василий объявил:

- Он пришел! Идет к даче...

Я посмотрел на часы. Первый час дня. Доктор Раскольцев заканчивает прием в час. Выбрал время под конец приема.

- Иду! - ответил я Василию.

Я не торопился. Шел, посматривая на всякий случай на номера дач. Первое посещение... Мы наблюдали, но и за мной могли в это время наблюдать.

Если по каким-либо причинам брать этого господина не следует, я должен буду снять шляпу. Больные ожидали на открытой веранде. Все, что происходило на веранде, нам было видно.

Я открыл калитку и вошел.

Шел до веранды не поднимая глаз. Только безразличие, только равнодушие, никак взглядом не выдать себя.

Он, этот господин, сейчас напряжен до предела.

Скрипят под ногами ступени. Вошел. Можно и поздороваться.

Я поклонился, ни к кому не обращаясь, и огляделся.

На секунду, на мгновение скользнул по его лицу взглядом. Он стоял спиной к саду, облокотившись о барьер веранды. Буркнул в ответ:

- Здравствуйте!

Слово прозвучало без намека на акцент. У двери сидела пожилая пациентка. Она тоже ответила. Больше на веранде никого не было.

Из дома вышла экономка.

- Вы на прием? - спросила она меня,

- На прием... Если, конечно, можно...

- Вы первый раз?

- Первый раз.

- Я спрошу доктора... Он скоро кончает, а двое на очереди...

- Спросите, пожалуйста! - ответил я экономке.

Мы встретились с ним взглядом. Я смотрел потухшими глазами больного человека, робеющего перед решающим

приемом у врача. Его глаза горели. Южанин. Но нет, не кавказский человек. Какие-то странные, удивительные смеси южных кровей. Что-то от востока, что-то от Средиземноморья. И не так уж он черен, как это выглядело в рассказах. Тонкое, волевое лицо, умен.

И стоит он так... Один рывок - и на локтях он перебросит тренированное тело через барьер. Тренированное.

тело, хотя ведь немолод, немолод... Он почти мне ровесник. Этот мог и воевать, с оружием в руках мог топтать нашу землю. По возрасту подходило. И не так он нервозен, как это могло показаться. Он чуток, а не нервозен.

Я еще раз огляделся. Несколько плетеных кресел. Столик с журналами и газетами. Приметил гвоздик в бревенчатой стене. Снял шляпу и повесил ее на гвоздик.

Представляю себе волнение Василия, я подал знак - "не брать".

Да, да! Именно "не брать". Ситуация для ареста явно не созрела. Такой господин по пустякам сюда не приехал бы. Не убивать же Шкаликова он сюда ехал. Это для него мелочь!

- Жарко! - сказал я. - Парит...

Вытер носовым платком пот на лице.

Вышла экономка и объявила мне:

- Доктор вас примет... Ваша очередь последняя...

Время, однако, шло...

В кабинете уже была пациентка. Мы остались с Сальге вдвоем. Он молчал. Я сидел в кресле, не глядя на него, но кожей лица чувствовал его присутствие, каждый его жест.

Время шло...

Прошел наконец и он в кабинет. На веранде он оставил портфель и трость.

Я поглядывал на окно, терпеливо ждал. Разговор у них не короток, стало быть, но существу...

Я смотрел на рассаженные деревья.

Особенно приглянулась мне серебристая елочка. Ее посадили в двух шагах от веранды. Растут они медленно.

Достигла она макушкой карниза. Самая ее прекрасная пора, расцвет всей красы. Распушилась каждая ее ветка.

Шаги за дверью, дверь раскрылась, вышел Сальге.

Я встал.

Из-за двери раздался голос:

- Пожалуйста!

Сальге раскланялся со мной, обнажив ослепительные зубы, улыбнулся он только ртом, глаза смотрели пронизывающе и холодно.

А что, если?.. Я задумался, входя в кабинет. Что-то интересное показалось мне в мелькнувшей мысли. Ну, конечно же!

Когда я вошел в кабинет, Раскольцев сидел за столом, что-то записывая в тетрадь посещения больных. Не поднимая головы,он сказал:

- Садитесь!

Я сел на стул, поставленный сбоку стола для пациентов. Он поставил точку в конце фразы, поднял на меня глаза.

Обычно говорят, что глаза - это зеркало души. Но это действительно только в том случае, если у человека открытая душа. У Раскольцева глаза серые. Серый цвет обманчивый, хотя и немного у него оттенков. Словно бы туман у него в глазах, словно бы дым, и ничего сквозь не видно. Спокоен и ровен. Профессиональные вопросы, профессиональные жесты...

Он высок и барствен. Совершенно не обязательно, что он и в жизни барин. Он барствен по натуре, но скрытому чувству превосходства над другими, красив, хотя и немолод.

- Имя, возраст!

Перо зависло над бумагой.

То, что мелькнуло при входе в кабинет лишь проблеском, теперь окрепло в решение.

- Дубровин Никита Алексеевич!

Он записал.

- Возраст?

- Пятьдесят шесть лет...

- Работаете?

- Работаю...

- Профессия?

- Полковник...

- Военнослужащий? В штатском?

- По характеру службы приходится в штатском...

Здесь бы ему и споткнуться, если бы его мысли в эту минуту работали в определенном направлении. Но его внимание скользнуло мимо моей оговорки о "штатском".

- Курите?

- Трубку, доктор!

- Не глядя, сразу говорю, курить бросайте! Ничего не знаю! Если хотите у меня лечиться - сразу бросайте!

Ночные работы? Нервы?

- Сейчас какие там нервы? И ночных работ нет! Все было, доктор... и по полторы пачки курил за ночь... Во время войны досталось!

- Всем, кто воевал, досталось! Ранения были?

- Ранений не было, но работа была сложной...

Потихоньку я его выводил на главный вопрос, выводил на свою новую задумку. Он взглянул на меня из-под очков.

- Что-нибудь было особенным в вашей работе, что могло повлиять на ваше здоровье?

- Наверное... Начало войны, доктор, я встретил в Германии...

- Простите! Это по какой же линии?

- По нашей, доктор! На нелегальном положении.

- Зачем вы мне это говорите?

Ого! Легко и свободно, без усилия он принимает вызов!

- Это уже давно не тайна, доктор! Теперь попутно я занимаюсь историей... А вот там, наверное, и закладывалась моя болезнь...

- Там это могло быть! Там все могло быть! Страшная страна! Я тоже был во время войны в Германии. В плену!

- Сочувствую вам, доктор! Досталось, наверное?

- Кто вас ко мне рекомендовал?

Я назвал ему имя его давнего пациента.

- Ложитесь! - приказал он.

Я снял пиджак, рубашку и лег. К синие прикоснулся холодком ободка стетоскоп.

Выслушивал он внимательно, должен отдать ему справедливость. Каждый жест обнаруживал в нем навыки специалиста.

Он увидел шрам на спине от пулевого ранения.

- О-о! - воскликнул он. - Германия?

- Партизанский отряд, доктор!

- Биография у вас, скажу я вам! Эпоха!

Он разрешил мне встать.

- Мы не думали об эпохе, доктор! Не правда ли?

Жили, как повелевала совесть!

- И горели, как свечи! - поддержал он разговор. - Стеорин остался, а фитилька частенько не хватает...

Сердце у вас пошаливает. Но имейте в виду, что сердце - аппарат выносливый. Только убирать надо все лишнее. Пора отказаться от трубки. Коньяк?

- Коньяк, доктор...

- И от коньяка! Занятия историей не обременительны. Я тоже иногда мысленно возвращаюсь к прошлому...

Нельзя сказать, чтобы о фашистском плене написано было мало... А вы знаете, не доходит до молодых... Рассказываю вот дочке, она верит... Но чувствами этого не постигает...

- Да, в стандарты здесь ничего не вгонишь! Звоните, доктор! Можег быть, я чем-нибудь и помогу!

Решился уже совсем на прямой намек. Но легко, конечно, и объяснимо желание пациента чем-то помочь своему доктору. И уловил, уловил я в нем какое-то движение, какое-то смятение чувств, беспокойство, при всей его сухости и сдержанности. Он сжал мне руку чуть повыше локтя и проговорил:

- Принимайте мои лекарства... Заглядывайте через недельку...

Мы раскланялись...

Солнце между тем совершило положенный ему путь, и его лучи упали на веранду. Блистала серебром хвои елочка. Я снял с гвоздя шляпу и тихо пошел...

* * *

А теперь послушаем их разговор. В аппаратной собралась вся группа, участвовавшая в операции: Василий, Сретенцев, Волоков...

Сальге. Здравствуйте, доктор!

Раскольцев. Здравствуйте! Я удивлен...

Сальге. У вас два дня не отвечает телефон!

Раскольцев. Идут работы...

Сальге. Знаю! Ведут подземный кабель... Почему?

Раскольцев. Как это почему? Стояла воздушная линия, ведут подземный кабель. Я думаю, это лучше. Надежнее.

Сальге. Мне именно сегодня надо было вам звонить... Случайность?

Раскольцев. Не сходите с ума. Мы два года добивались, чтобы проложили подземный кабель. Я даже и генерала просил...

В этом месте Василии взглянул на меня и даже поднял руку, чтобы я обратил внимание. Действительно, здесь что-то улавливалось в интонации: бытовое, приземленное. Словно бы говорили они об общем и давнем знакомом. Я попросил повторить фразу, отметил для себя, как строились паузы. Пошли дальше.

Сальге. Я не люблю неслучайные случайности!

Раскольцев. Этак нельзя! У меня больше оснований беспокоиться... Вы белым днем являетесь сюда...

(Раскольцев еще и успокаивает его! Это неожиданность!)

Сальге. Белым днем спокойнее. Здесь я управляю своими действиями, а не кто-то иной! Кабель - это вторжение в мою самостоятельность!

Раскольцев. Что вас беспокоит? Вы что-нибудь заметили?

Сальге. Я? Я всегда к этому готов!

(Сыграла все же южная кровь. С огромной самоуверенностью и даже обидой на Раскольцева он произнес эти слова.) И добавил:

- Я научился ходить невидимкой... Это моя профессия. Что же вы не поинтересуетесь судьбой своего старого друга?

Раскольцев. Я знал, что она в руках профессионала.

(А он не лишен чувства юмора, этот доктор!)

Не наследили?

Сальге. Смерть человека всегда оставляет след... В душах. Какой-то бандит что-то с ним не поделил... Выбросил его в окно на ходу поезда... Ночью сошел на какой-то маленькой станции, угнал самосвал. Уголовщина...

Раскольцев. Они откопают, что это не Притыков!

Сальге. Ну и что же? Может быть, даже у вас о нем спросят. Только не делайте глупостей! Хвалите его!

О покойниках дурно не говорят. Вот к супруге его я напрасно наведывался...

Раскольцев. Не смейте! Это уже под уголовщину не подведешь!

Сальге. И не думаю... Она и не видела меня... Не подумал, что он отвалит в сторону, у нас были больше за вас опасения. Доктор, величина, связи... знакомства...

Но все это прошлое! Можно начинать работу! Лекарства мои готовы?

Раскольцев. Не так скоро! Вы сами не торопили меня!

Сальге. Начинайте! Начинайте! Беда другая! Мы рассчитывали на связь через Шкаликова... Придется использовать запасной вариант.

Раскольцев. Он надежен?

Сальге. Что в нашем деле можно считать надежным? Вы могли бы мне это сказать? Мы с вами разыгрываем не рождественский спектакль на детской елке!

Раскольцев. Кто это?

Сальге. Его пароль: "Ангел пустыни"... У нас любят такие экстравагантные обозначения... "Удар грома", "Зимняя гроза", "Созвездие Гончих Псов"...

Раскольцев. Вызывающий пароль...

Сальге. Мне объяснили, что это сюжет русской иконы.

Раскольцев. Так кто же?

Василий почему-то усмехнулся. Наступила пауза. И вдруг после паузы негодующий возглас Раскольцева:

- Вы с ума сошли! Мальчишка! У него нет прошлого!

Понятна усмешка Василия. Не произнес имени, на бумаге написал. Из близких знакомых Раскольцева был этот "Ангел пустыни"!

Сальге. У него есть твердое настоящее... И здесь идет смена поколений, доктор! Я попробую его на скользящей передаче, все сам проверю! У вас с ним связь упрощена. Есть и второй пароль. Он идет после первого...

Через несколько фраз "Привет от Эдвардса". Все! Как только

будет готова посылка, можете к нему обратиться... Отдыхайте! Я больше к вам не пожалую...

Раздались мой голос и голос Сальге, это мы с ним раскланивались. Аппарат умолк.

Мы сидели некоторое время в тяжелой задумчивости.

Такая уж профессия, сталкивает она с человеческой подлостью, грязью, предательством, изменой... И все же к этим вещам привыкнуть невозможно.

- Соучастие в убийстве подтвердилось! - заметил Василий. Но он думал уже о другом, как и все мы...

Куда же распустили они свои щупальца? Ну, прежде всего, конечно, "Ангел пустыни". Связной. Человек, близко знакомый с Раскольцевым. Раскольцеву известен его характер, он молод, коли Раскольцев назвал его мальчишкой, связь с ним у Раскольцева упрощена... Сюжет русской иконы. Вполне достаточно отправных точек.

Остальное дело техники исполнения этюда! Уточнение и имени и фамилии "Ангела пустыни" шло по линии Сретенцева...

Генерал? "Я даже и генерала просил..."

Здесь все туманно и неустойчиво. Это могло быть и проходной фразой, ровным счетом ничего за собой не несущей. Просил какого-то генерала похлопотать о закладке подземного кабеля. Сказал об этом... Только интонация настораживала. Так, как была произнесена эта фраза, говорят только о людях, известных обоим собеседникам. Сразу вопрос: почему этому господину известно, что у Раскольцева есть знакомый генерал? Стало быть, вообще круг знакомых анализировался теми, кто послал к Раскольцеву этого господина.

Сомнений не было. Раскольцев был оживлен как старый агент. Завербован он мог быть только в плену.

Кем? Гестапо или абвером? Особого, правда, значения это не имело... Он перешел в наследство другим хозяевам. Пытались оживить и Шкаликова. Сорвалось... Мы тогда не знали, какой был разговор у Шкаликова с Сальге, но мы знали, что Сальге его убил, что надежды на Шкаликова не оправдались.

Оживляют агентуру. Зачем? Просто так, на всякий случай это не делается. Стало быть, Раскольцев понадобился именно сейчас, и, всего вероятнее, только потому, что прикоснулся к лицу или объекту, интересующему хозяев этого посланца, хозяев бывшей гестаповской или абверовской агентуры.

Этот строй рассуждений подводил нас уже с другой стороны и к генералу... Опять же все это было смутно, интерес мог быть проявлен совсем и не к генералу. Но к кому-то он проявлялся. Надо было установить пациентов и знакомых Раскольцева и

посмотреть, куда через него устремился этот господни.

За эту сторону дела взялся Василий.

Меня вызвал для доклада Сергей Константинович.

Первый вопрос висел в воздухе.

- Чем объясняется, что вы не задержали убийцу Шкаликова?

- Слишком это было бы просто, Сергей Константинович! - ответил я. Настоящее расследование только начинается! Сегодня мы знаем, что этот неизвестный, он же пока что Гусейнов, оживил агента какой-то разведки. Можно предполагать...

- Предполагать не надо! В конечном счете, от кого бы этот господин ни действовал, все сойдется в одном центре... Оживил? А может быть, Раскольцев и был действующим агентом?

- Нет! Из записи их разговора видно, что они только начинают работать... Оживлен Раскольцев и ему придан связник.

- Кто связник?

- Это один из вопросов расследования...

- Какое на вас впечатление произвел Раскольцев?

- Всех фактов мы еще не знаем. Противник он сильны и.

- Если сильный противник, то и человек сильный.

- Сильный, Сергей Константинович! Думается мне, что и отличный специалист... Практика поставлена у него солидно.

- Сильный человек, отличный специалист... Что его могло так крепко связать с международными авантюристами? Сильный человек по мелочам не запутается...

- Я ему оставил свой телефон!

- Зачем?

- Представился я чекистом... Интересуюсь историей... А вдруг! Вдруг в часы сомнений и колебаний рука потянется к телефону. Ему будет легче обратиться к человеку знакомому, к своему пациенту. Может быть, это его подтолкнет прийти...

- С повинной?

- Сначала, может быть, посоветоваться! Может, быть, еще жив в нем человек? Не хотелось бы без борьбы его уступать...

- Может быть... Может быть... Если его руки в прошлом не запятнаны кровью! Этот господин не уйдет, пока вы ведете расследование?

- Он проверит, как пойдет передача... Этим у нас обеспечена еще одна встреча с ним.

- Врач... Это же гуманная профессия... Неужели самое страшное? Тогда, во время войны? Связного будет трудно найти?

- Не думаю...

* * *

Вечером у Раскольцева на веранде собрались гости.

Приехал к Раскольцеву сыграть с ним партию в шахматы

генерал Брунов. Его служба была связана с гражданской обороной. Никогда еще воинские формирования не выполняли столь высокой и благородной миссии - не только оборона от нападения, но и опасение миллионсгв людей от пламени термоядерного оружия.

Петр Михайлович Брунов начал войну капитаном.

С первых дней на переднем крае... Росли наши бронетанковые соединения, корпуса и армии. В боях рождались и традиции. Ранения, госпиталь, опять в бои. Горел в танке, обожжено лицо, перебита нога...

Приехал на огонек художник Казанский. Он приехал не столько к Раскольцеву, сколько к его дочери. Елена Раскольцева кончила Суриковское училище, искусствовед. Казанский был ей интересен своими знаниями памятников древнерусского искусства. Раскольцсв смотрел на Казанского как на преуспевающего молодого человека. Он был не против этого знакомства. Не пьет, умеет зарабатывать деньги, купил даже машину... Елена знала, что она нравится, это было приятно, но она не торопилась определять свою жизнь...

Брунов не первый раз видел этого художника у Раскольцева, привык к нему.

Разговор зашел о недавней туристской поездке Казанского.

Спрашивал Брунов.

- Я слышал, что вы там знамениты! Как-то мне пришлось прослушать радиопередачи радиостанции "Свобода". Их обозреватель не скупился на эпитеты в ваш адрес. Вы знаете, что такое радиостанция "Свобода"?

- Наслышан... Газеты читаю...

- Вам не щекотно, что они вас хвалят?

- Это их дело! Я в этом направлении старании не прилагал.

- Я не о стараниях! Помилуйте! Но там же сидят оголтелые враги России... А вы как будто пытаетесь работать в традициях русского национального искусства?

Наверное, надо подумать, что их так подкупило в вашем творчестве? Они выставляли какие-то ваши картины...

Какие?

- Библейские сюжеты... Эта тема не имеет прямого адреса! Она абстрактна, вечна... Скачущие всадники из Апокалипсиса... Страшный суд... Воскрешение мертвых...

Земля и море отдают своих пленников... Этими темами занимался и Андрей Рублев... В век атомного оружия у многих мысли обращаются к Апокалипсису. Древние обладали более богатой фантазией на ужасы...

- Может быть, они не знали настоящих ужасов и не могли

себе представить хотя бы даже Хиросиму! Те, кто сегодня вещают по радио "Свобода", содержатся на деньги тех, кто сбросил атомную бомбу на Хиросиму! Я вас не утомил, Евгении Прокофьевич?

Раскольцев смягчил остроту спора ироническим вопросом:

- В атомный век, наверное, и игра в шахматы потребует новых правил?

Брунов понял желание хозяина дома перевести разговор на более нейтральную тему.

- Большинство игр с давних пор, - ответил on, - в какой-то степени воспроизводят войну. Шахматы, должно быть, изобретены полководцем древности. Удары пехоты... Удары легких и тяжелых фигур, прорыв оборонительной линии противника, проникновение на последнюю линию, в глубокий тыл. Философия, по которой пешка на последней линии становится ферзем. Игра начинается с середины поля... С поля битвы! Пока пешечный строй и строй тяжелых фигур не нарушены, король в безопасности. Тысячелетия эта тактика не менялась. Вообразим, что игра начинается не с середины поля, а на задних клетках...

Раскольцев усмехнулся:

- Тогда придется придумать новые ходы!

- И ходы, и тактику игры... Наверное, она выразилась бы в том, чтобы быстрее, еще до удара противника отвести короля с уязвимых клеток! Король - это лишь символ, знак в числе фигур... Здесь скрыта более глубокая философия. Это нация!

Брунову и невдомек, что каждое его слово записывается на магнитную проволоку портативным магнитофоном в кармане Раскольцева.

А вот вопрос Раскольцева и попрямее:

- Шахматное искусство атомного века... Скажите, Петр Михайлович, как человек сведущий, нам не посвященным... Скажите... Ну вот разразилась катастрофа!

Не предотвратили! Если хоть какая-нибудь надежда... нам, простым людям, уцелеть?

- Не предотвратили? - переспросил Врунов. - Это действительно катастрофа! Мне как-то пришлось читать в одной зарубежной газете, что новая война не должна быть военным разгромом вражеской нации, как это было в прошлых войнах, а буквально истреблением вражеского народа. Для истребления всего народа надо сбрасывать бомбы так, чтобы уничтожить без всякой жалости мужчин, женщин, детей, сжечь их жилища, разрушить заводы, отравить воду, выжечь урожай и превратить саму землю в безжизненную пустыню... Вот так! А вы, молодой

человек, принимаете, не задумываясь, их знаки одобрения!

- Но есть же какая-то надежда? Как, как можно спасти нацию от уничтожения? - воскликнул Раскольцев.

- Это прежде всего не чувствовать себя обреченными, не утратить сопротивляемости. Это даст энергию для активных действии...

- Но вот разразилось!

Брунов продолжал:

- Вовремя узнать, вовремя оповестить все население, вовремя принять все намеченные и заранее разработанные меры. Я приведу пример... Не конкретизируя. Система мероприятий для спасения миллионов от преступников разнообразна... Она состоит из множества отдельных деталей. Одна лишь мелочь из всей этой системы, одно мероприятие в большой серии, во время исполнения спасает один процент населения страны... Это, дорогие мои, два с половиной миллиона жизней! Впрочем, на досуге мы как-нибудь с вами побеседуем. Вы врач... Вам надо знать, как спасать людей. Я дам вам кое-что почитать...

Брунов и Раскольцев вновь сели за шахматную доску.

Раскольцев больше такого рода вопросов не задавал. Елена накрыла на стол. Выпили чаю, генерал уехал. За шахматную доску сели Евгений и Раскольцев.

Они остались на веранде вдвоем, и вдруг Казанский услышал полушепот доктора:

- Женечка, вы, по-моему, проявляли интерес к иконе "Ангел пустыни"?

Это грянуло, как гром. Казанский не забыл истории, которая с ним произошла во время путешествия в Европу, но надеялся, что вспомнят о нем не скоро. Тогда придет час и разобраться. Он резко и в испуге поднял голову. Даже мелькнула надежда, что Раскольцев и не имеет в виду скрытого смысла эгих слов.

- Зачем так пугаться! - с укоризной и успокаивающе ответил Раскольнев. - Вам привет от Эдвардса!

Все соблюдено. Первый пароль, нейтральная фраза, второй пароль... Сомнений быть не могло.

- Вы? - выдохнул Казанский.

- Вас же просили ничему не удивляться!

И уже тоном безапелляционного приказа:

- Я сейчас выйду в кабинет и принесу вам коробку с лекарствами. Вам позвонят и скажут, куда их доставить!

Раскольцев вышел. Казанскому на веранде стало душно, хотя был поздний вечер и из сада дул легкий, прохладный ветерок.

В кабинете Раскольцев вынул из кармана портативный магнитофон в форме портсигара, извлек оттуда бобину чуть

побольше пуговицы от пальто, вложил бобину в коробку от лекарств, заклеил ее условным образом и вышел к Казанскому.

Коробочка с лекарством легла на шахматную доску.

- Не вскрывать! - приказал Раскольцев.

- Что? Что здесь? - шепотом спросил Казанский.

- Лекарство! И кончим об этом! Вы ничего не знаете! Вы передаете лекарства! Ваш ход!

Казанскому было не до игры. Он смотрел на доску, фигуры расплывались, он сделал какой-то ход.

- Возьмите себя в руки! - гневно остановил его Раскольцев. - Мальчишка! Вы в серьезном деле!

Казанский подвинул фигуру обратно.

Он делал ходы. Но каждую его ошибку Раскольцев заставлял поправлять. Партию надо было как-то кончать. Казанский взял себя в руки. Игра пошла.

- Вот так! - сказал Раскольцев. - Спокойно! Никто и ничего не узнает, если вы не распустите себя.

* * *

Сретенцев просмотрел круг знакомых Раскольцева.

В поле его зрения попал и Казанский. Сразу же всплыли его поездки за иконами по деревням, посетители его мастерской, среди них - Нейхольд, полковник одной из разведслужб Эдвардс.

За Казанским было установлено наблюдение.

Получив "лекарство", он поехал домой.

Первый час ночи. Василий пустил оперативную машину почти вплотную за "Москвичом". Проводил его от дачи до мастерской. Казанский не сразу заметил "Волгу". Останавливался, останавливалась и "Волга", Казанский подъехал к подъезду дома. "Волга" медленно проехала мимо.

Тут же Василий мне позвонил домой и рассказал о своей проделке.

Я искренне испугался - он мог все сорвать своим экспериментом.

- Зачем это тебе понадобилось?

- Вы же дали свой телефон Раскольцеву... На что-то надеетесь! Я тоже надеюсь! У меня больше шансов!

Надо было ехать в управление, чтобы предотвратить возможность беды.

Василий сидел у меня в кабинете.

- Надеешься? - спросил я его.

- Придет он к нам, товарищ полковник! Придет, слово даю! Иконку из-под полы продать, польститься на их похвалу-это одно дело! Нет у него никаких оснований впутываться в их дела. Страх его погонит к нам.

- А совесть? Нам важнее, чтобы он по совести пришел!

- Совесть! Хм! Она его сейчас крутит.

Василий оказался прав.

... Казанский вошел в квартиру, запер дверь на все замки, обошел комнаты, кухню и туалет, осматривая каждый угол. Погасил свет и подошел к окну. Осмотрел переулок. "Москвич" стоял у подъезда, переулок был безлюден.

Неужели ему показалось, что "Волга" шла за ним?

Зачем они петляли, так же как петлял и он? Что это такое? Кто же тогда за ним следил? Не Раскольцев ли с Нейхольдом и Эдвардсом? Проверяли... А если это чекисты? Он же читал в каких-то книгах, что никто не арестовывает сразу шпионов, им дают работать, но под контролем. Может быть, все давным-давно о нем известно, а он и не знает, что все о нем известно...

Казанский на мгновение представил, как бы он себя чувствовал, если бы вдруг та "Волга", которая следовала за ним, остановила бы его. Куда он дел бы эту коробочку с "лекарствами"? Они ее вскрыли бы, и все! И жизни конец, и всему-всему конец! А если взяли Раскольцева? Профессор Раскольцев... родился он после революции. Никогда Казанский за ним не замечал ничего настораживающего, он от политических разговоров обычно уходил. Плен? Плен... А если?..

И Казанский похолодел.

Рассуждение его в ту минуту было не лишено логики. Если Раскольцев был запутан в плену, то гестаповцами. И если он сегодня работает на Эдвардса, то это чистой воды шпионаж. А тут еще рядом Брунов. Система спасения миллионов людей от атомных взрывов, от радиации.

Может быть, ему все это кажется, может быть, это всего лишь валютная сделка? А зачем он им понадобился? Разве о валютной сделке вел речь Эдварде? "Нечего притворяться!" - сказал себе Казанский.

Он опять подошел к окну. По переулку шел, покачиваясь, пьяный. Остановился возле "Москвича", постоял и исчез в подворотне.

Следят!

Звонко прогремел в ночной тишине телефонный звонок. Казанский похолодел, не сразу взял трубку. Голос Раскольцева:

- Как себя чувствуете, Женечка?

- Отлично! - твердо отвегил Казанский.

- Подъем душевных сил? - иронизировал Раскольцев.

- Да нет, сел вот посмотреть на свои картины...

- Это хорошо! Плюньте на мелочи жизни... Спокойной ночи!

В трубке послышались гудки отбоя.

В ту минуту Казанский не мог еще себе объяснить, почему он слукавил с Раскольцевым. Он уже ощутил между собой и Раскольцевым непроходимую пропасть.

Казанский метался по мастерской. Он положил на стол коробочку и делал вокруг нее круги. Велико было у него искушение открыть ее, но боялся, боялся какой-нибудь ловушки, что в коробочке скрыт проверяющий его механизм. Он был прав - вскрыть ее могли только специалисты.

Раздался онять телефонный звонок. Он снял трубку.

- Алло!

В трубке послышался незнакомый голос:

- Здравствуйте, Евгений! Я от Алексея Алексеевича!

Началось! Казанский едва сдерживал себя, чтобы не закричать. Однако ответил:

- Слушаю вас!

Глуховатый голос спокойно продолжал:

- Вы интересовались картиной "Ангел пустыни".

Я могу завтра вам ее показать... Я прошу вас подойти завтра в половине седьмого вечера к памятнику Пушкина. Идти от Никитских ворот по Большой Бронной...

В трубке отбой...

Казанский рассказывал, что именно в эту минуту он решился идти в Комитет государственной безопасности.

Но как идти? А если они следят? Позвонить?

В голове все смешалось. Казанский схватил коробочку, ключи от машины и кинулся по лестнице вниз. Он вскочил в машину и помчался... на вокзал. Решил ехать в Ленинград, в Ленинграде за ним они не уследят!

Он побежал за билетом, оставив машину у подъезда вокзала. Кассирша объявила:

- Все поезда ушли, молодой человек!

Он вернулся к "Москвичу", у машины стоял милиционер.

Опять испуг. Милиционер спросил, его ли это машина. Казанский чуть было не отрекся от машины.

- Не-е-е... Не знаю! - ответил он.

- Как же вы это не знаете? Вы на ней приехали!

- Моя машина! Мне нужно ехать!!!

Казанский буквально впрыгнул в "Москвич" и помчался.

Вернулся домой, поставил машину у подъезда.

В этот час он боялся, как бы мы его не арестовали до до того, как он сам явится.

Когда он выглянул из окна в переулок, его охватил ужас. Около "Москвича" стояла милицейская оперативная машина. Это инспектора ГАИ обнаружили его "Москвич" по номеру,

указанному милиционером. Казанский не сообразил, что появление оперативной милицейской машины вызвано его нелепым ответом милиционеру на вокзале. Он решил, что приехали за ним...

В довершение всего раздался телефонный звонок. На этот раз он снял трубку, но в трубку ничего не ответил.

С другого конца провода кричали:

- Алло! Алло! Это аптека?

Обычная неполадка в московском телефонном узле, а может быть, кто-то и номером ошибся.

Тут Казанский отвел душу.

- Почему аптека? - взорвался он. - Какая аптека?

Вы с ума сошли! Хулиганство!

Трубку на другом конце провода положили. Именно поиски аптеки и надоумили его. Он набрал телефон "скорой помощи" и вызвал врача, сказав, что у него сильнейший сердечный приступ.

Врач приехал.

Выслушал его, серьезных отклонений не нашел. Но Казанский в истерике уверял, что у него разрывается сердце.

- Спасите меня, доктор! Спасите! - кричал он.

Врач вызвал санитаров. Казанского уложили на носилки и увезли в больницу.

В девять часов утра ко мне позвонили из приемной и спросили, не интересует ли меня некто Казанский?

Я посмотрел на Василия. Он не слышал, конечно, что мне сказали, но весь потянулся к телефонной трубке. Ждал!

Я спросил:

- Он в приемной?

Мне ответили, что Казанский вызывает следователя Комитета государственной безопасности в больницу.

Глядя на Василия, я не сдержал улыбки.

- Эксперимент удался! - объявил я ему. - Казанский просит нашего сотрудника, чтобы сделать заявление...

- Надо торопиться, Никита Алексеевич! Свидание у них назначено на половину седьмого.

- Почему торопиться? - спросил я.

- А если послать его на встречу?

- И с поличным взять?

Я нарочно задал такой вопрос, я знал, что Василий задумал нечто иное.

Он меня понял.

- Никита Алексеевич, я не о том! А если через Казанского ворваться в эту цепочку?

- Ворвемся в цепочку, дальше что? Вступать в игру?

- Смотря что их интересует... Если Брунов, то мы можем сделать большое дело!

- Это зависит и от Казанского...

- Согласится!

- Я не об этом. Сумеет ли он их переиграть? Мы же с тобой решили, что Раскольцев очень сильный противник. И этот еще господин...

Все это звучало убедительно.

- Я вижу, Василий, вам очень хочется поехать в больницу... Ехать, однако, придется мне!

Я попросил главного врача больницы отвести мне часа на два отдельную комнату. Главный врач уступил мне свои кабинет. Туда привели Казанского. Дверь закрылась. Я запер ее на ключ, повернулся к Казанскому.

В его глазах и мольба, и надежда.

Я показал ему свое удостоверение. Сам не стал задавать ему вопросов. Важно было, чтобы он все рассказал, чтобы раскрылась мера его искренности.

Всю историю знакомства с Нейхольдом он рассказал подробнейшим образом, ничего не утаил. Трудно ему было, человек хочет всегда выглядеть красиво. Художник - и вдруг спекулянт, мошенник... И этот порог он перешагнул. В лицах, живо, с полной беспощадностью к себе изобразил сцену вербовки его Эдвардсом.

Словом, рассказал все, вплоть до вызова "скорой помощи". Статья 64 Уголовного кодекса гласит: "Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой". Я показал ему портрет Сальге, тогда еще личности для нас туманной.

Он его никогда не видел.

Наступала решающая минута. Посылка, небольшая картонная коробочка из-под пилюль лежала передо мной на столе. Он не открывал ее.

О вступлении в большую игру речи пока еще не шло.

Но позондировать, попробовать, пойдет ли игра, мы могли.

- И предположений никаких нет, - спросил я его, - кто придет к вам на встречу у памятника Пушкина?

- Никаких!

- У вас нет желания прогуляться по Большой Бронной от Никитских ворот до площади Пушкина?

- Мне? Сейчас? Сегодня?

- Не сейчас! У вас целый день впереди, чтобы подготовиться! Вы этим нам очень поможете.

Он растерялся.

- Разве вы не думали, что и мы можем к вам обратиться за помощью, чтобы до конца разобраться во всей этой истории?

- Думал.

- Вот мы и обратились к вам с такой просьбой! Вашу встречу мы обезопасим всеми мерами...

- Мне кажется, что они следили за мной...

- Это действительно только кажется...

- "Волга" за мной...

- Не следили! - перебил я его. - Это мы знаем точно! Но мы не настаиваем - это должно быть ясно выраженным вашим добровольным желанием!

Он согласился.

Решено было, что он останется до вечера в больнице.

Специалисты открыли коробочку и обнаружили в ней бобину с магнитной проволокой. Проиграли ее на соответствующей аппаратуре. На ней оказалась запись уже известного разговора на веранде дачи Раскольцева с Бруновым. И все... Вопрос, куда протянулись руки хозяев Раскольцева, был ясен. Брунов и сфера его деятельности... Их интересовала система гражданской обороны.

- Пожалуй, имело смысл "помочь" им через Брунова. Обычно разведки очень критически относятся к каким-либо сенсационным удачам. Всегда в таких случаях возникает опасность наткнуться на дезинформацию. Но никто не может на первых порах, а иной раз и на протяжении длительного времени определить, достоверные это сведения или дезинформация.

Все эти соображения я изложил Сергею Константиновичу. Такого рода игра - дело крайне деликатное.

- Вы еще раз, - начал Сергей Константинович, - приостановили арест неизвестного... У вас уже созрел какой-то план?

Я высказал свои предложения по игре. Правда, я пока мог говорить только о примерной схеме. Брунов - Раскольцев - Казанский и то лицо, которое должно определиться вечером. А это означало, что и сегодня вечером мы не арестовываем неизвестного...

Сергей Константинович обещал до вечера посоветоваться с Бруновым.

Между тем Волоков и Сретепцев позвали меня в спецлабораторию.

Был проведен сравнительный анализ фотографии Гусейнова с

фотографиями, хранившимися в архивах по одному давнему делу.

Мы получили фотографию нашего неизвестного в годы войны, во время Тегеранской конференции. Он состоял в группе, которая готовила покушение на Рузвельта.

Был задержан иранской полицией. При невыясненных обстоятельствах скрылся. Иранская полиция передала нам на него материалы и фотографии, в том числе и отпечатки пальцев. Именовался сей господин в те годы Сальге.

Отпечатки пальцев, снятые иранской полицией, совпадали с отпечатками пальцев на разбитом стакане в купе мягкого вагона, где был убит Шкаликов.

Изо всего этого можно было заключить, что уже в годы войны Сальге состоял в составе отборной немецкой агентуры.

Прошлое Раскольцева и Шкаликова тонуло пока во мраке... Надо было искать и искать, и не только по архивам.

Если Раскольцев замешан в карательных операциях, то ждать его звонка, его прихода с повинной не приходилось...

* * *

В 18 часов 10 минут Казанский вышел из такси у Никитских ворот, около кинотеатра повторного фильма.

Огляделся. Постоял на перекрестке. Посмотрел ла на часы на столбе.

Перешел улицу, купил в цветочном киоске букетик цветов. Фланирующей походкой направился к Большой Бронной.

Наблюдение за всей операцией было организовано с привлечением всех современных технических средств.

Мы не имели права ни одной секунды рисковать его безопасностью. Мы так же предполагали, что они тоже установили с этой минуты наблюдение за каждым его шагом и жестом. Наши товарищи из оперативной группы получили указание все время находиться между Казанским и тем, кто будет заподозрен в слежке за ним.

Но мы ждали Сальге. И он появился. С Казанским было договорено, что лишь только он заметит Сальге, он войдет в первый же подъезд. Переждать. Для Сальге это будет признаком того, что Казанский вышел на встречу, остерегаясь. Наши сотрудники в эту минуту смогут войти между Казанским и Сальге.

Сальге шел навстречу Казанскому. Казанский пропустил его и вошел в подъезд. Сальге дошел до киоска с мороженым. Купил мороженое и повернул обратно. Но между ним и Казанским уже шел наш человек. Сзади Сальге шли еще двое. Сальге был взят в кольцо.

В 18 часов 20 минут, когда Казанский шел уже по Большой Бронной, от площади Пушкина по Большой Бронной навстречу ему двинулся Нейхольд. Я снял трубку и соединился с Сергеем Константиновичем. Доложил, что операция проходит точно по плану, без всяких отклонении, что все в сборе и на линии.

- Не трогать! - коротко ответил Сергей Константинович.

Настала минута, когда Казанский должен был пропустить мимо себя Сальге.

Мы не хотели, чтобы Сальге оставался за спиной Казанского.

Казанский остановился возле театральной афиши.

Прошел мимо него наш товарищ, прошел и Сальге. Прошли еще двое наших. Казанский двинулся вперед. Разминулись Нейхольд и Сальге. Сальге остановился завязать шнурок на ботинке.

Стережет!

Нейхольд и Казанский сближались. На лице у Нейхольда расплылась широкая улыбка.

- Здравствуйте, Евгений! - воскликнул он. - Давно с вами не виделись?

- Что не заходите? - спросил в ответ Казанский.

Нейхольд протянул руку, слегка двинув бровями.

Казанский вынул правую руку из кармана, в ней была коробочка. Они поздоровались, коробочка осталась в руке Нейхольда.

- Недосуг, все недосуг... Забегу как-нибудь...

Полушепотом добавил:

- Почему у вас с утра не отвечал телефон?

- Так лучше! - полушепотом ответил Казанский.

Они раскланялись, каждый продолжал свой путь.

Сальге двинулся за Казанским.

Два чекиста шли за Сальге.

Казанский вышел к памятнику Пушкина. Сел на скамейку, как бы кого-то поджидая. Сальге сел на скамейку в сторонке.

Посидев минут десять, Казанский направился к стоянке такси. Уехал. Сальге встал и пошел.

На другой день мы с Сергеем Константиновичем отправились к генералу Брунову. Сергей Константинович особо оговорил, что наша встреча должна состояться на командном пункте.

Гражданская оборона... И без специальной поездки на командный пункт мы могли догадываться: здесь есть что сберегать от посторонних, а тем более враждебных взглядов. Гражданская оборона - это система спасения страны, ее населения, промышленности, городов в случае, если агрессор развязал бы ракетно-ядерную войну.

Наше время потребовало реорганизации этой системы. Научные и технические достижения отразились прежде всего на средствах доставки ядерного оружия, оружия массового уничтожения. Межконтинентальные ракеты, сверхзвуковые бомбардировщики практически неограничены никаким расстоянием. Сегодня любая точка земного шара может быть атакована.

Изменились и средства разрушения. В случае катастрофы на мирное население теперь обрушились бы такие беды, которых ранее не знали войны.

Для того чтобы уничтожить население, те, кто собрался это сделать, должны знать, как и чем защищены те люди, которых хотят уничтожить...

Брунов оказался человеком приветливым, очень интересным собеседником. Конечно, в первую минуту он держался настороженно. Его удивил наш визит и в какой-то степени даже и обеспокоил.

Чтобы развеять все его недоумения, Сергей Константинович попросил меня рассказать о Раскольцеве. Услышав эту фамилию, Брунов переспросил:

- О ком? О ком вы собираетесь мне рассказать?

О Раскольцеве?

- О Раскольцеве! - подтвердил я. - Об Алексее Алексеевиче Раскольцеве...

- Это отличный врач! - воскликнул он. - У нас прекрасная поликлиника, но я у него лечусь... Он мне очень помог!

- Раскольцев, но нашим данным, работает на иностранную разведку!

Брунов помрачнел. Трудно рушилось у него доверие к человеку.

- Данные... Какие это данные? - спросил он в упор. - Проверенные это данные?

- Он работающий агент... Вчера пошла от него разведывательная информация... Она еще не ушла за рубеж... Но может уйти или мы ее можем остановить...

- Как вас понять?..

- Раскольцев получил задание разрабатывать вас, Петр Михайлович! На первый случай он записал вашу беседу с ним у себя на даче во время партии в шахматы...

Брунов рассмеялся:

- Недорого же стоит эта информация... Это же глупость! Что он от меня мог бы получить? Я с юных лет служу в армии... Знаю, что и где говорить...

Я объяснил Брунову, что никто и не надеялся вот так сразу от

него что-то узнать... Прежде всего Раскольцев закрепит знакомство, будет записывать на магнитную ленту все разговоры, высказывания; по отдельным словам, но намекам там будут составлять общую картину...

И скорее всего будут подыскивать возможность скомпрометировать объект их внимания или через Брунова установить связь с человеком, менее стойким... Словом, началась работа...

- Так что же вы не арестовываете его? - спросил генерал.

Мы переглянулись с Сергеем Константиновичем.

- А надо ли торопиться с его арестом? - спросил Сергей Константинович.

Брунов сразу все понял.

- Товар у нас найдется для таких покупателей...

- Вот, вот, - подхватил Сергей Константинович. - Мы и приехали посмотреть на товар... Вернее, из чего можно сделать товар...

- А поверят они? - спросил Брунов.

- Вопрос философский! - ответил тоже с улыбкой Сергей Константинович. Вступая в игру с противником, любая разведка ставит перед собой вопрос: а поверят ли? Иногда вдруг такая возьмет заумь контрразведчиков, что и настоящая информация оценивается, как дезинформация, иногда удается дезинформацию выдать за истину... Я заметил, чем труднее получить "информацию", тем больше в нее верят... Мы создадим специальные трудности... Да и самый выход на Раскольцева для них уже был сопряжен и с большими затратами и трудностями... Что мы им дадим? Вот вопрос.

- То, что они ищут...

Брунов подсказал нам, что они могли искать.

Мы должны были признать, что ради такой цели стоило продолжать уже начатую игру.

Итак, не трогать ни Сальге, ни Нейхольда, ни Раскольцева... Игра началась...

Нейхольд взял билет на самолет до Парижа. Сальге приехал на аэродром в час его отлета. Опять проверял...

И тут неожиданность...

* * *

Примерно в то время, когда Нейхольд собрался на аэродром, Раскольцев выехал с дачи в Москву. А через час после его отъезда с дачи раздался у меня в кабинете его телефонный звонок.

- Никита Алексеевич! - начал он. - С вами говорит доктор Раскольцев... Вы принимаете мои лекарства?

Я ждал этого звонка. Рецепт лежал у меня на столе под

стеклом на случай, если Раскольцев спросит меня, какие я принимаю лекарства

Дрогнула, стало быть, у него душонка... Так я подумал в ту минуту.

- Принимаю ваши лекарства, Алексей Алексеевич! - ответил я ему.

- Именно его лекарства! - заметил тут же Василий и усмехнулся.

- Собираюсь к вам... - продолжал я. - Никак не выберусь...

- У меня тоже возникла нужда посоветоваться! - откликнулся Раскольцев. - Помните наш разговор касательно истории. Хотелось бы обратиться к вам за помощью...

- Всегда рад помочь! - ответил я, ожидая, что последует далее, сколь настойчив будет Раскольцев.

- Если вы не очень заняты, я хотел бы к вам заглянуть.

- Пожалуйста! Я закажу вам пропуск.

Я положил телефонную трубку.

- Что это его к нам нелегкая несет? - проговорил Василии. Я ждал именно такой его реакции. Шутя заметил:

- Я не мешал вам опекать вашего Казанского, Василий Михайлович! Почему же вы так несправедливы к моему подопечному?

Раскольцев вошел ко мне в кабинет твердым шагом немного усталого немолодого человека. Держался в меру самоуверенно. Он поздоровался и тут же осведомился:

- Курить вы не бросили?

Он слегка потянул в себя воздух. В кабинете, вероятно, пахло трубочным табаком.

Я виновато пожал плечами.

- Бросать! Бросать! - наступал он. - Ничего не знаю! Бросайте курить!

Он протянул руку и взял меня за запястье послушать пульс. Может быть, именно так ему было легче начинать разговор, ради которого он попросился сюда, в это здание. Профессиональный навык помог ему войти в ритм встречи.

Но я не стал развивать разговора о болезни, я не считал нужным помогать ему. Он сам должен был переступить тот психологический барьер, который, мне виделось, встал перед ним.

Но я ошибся на этот раз. Он пришел к нам не с повинной!

- Решил я, - начал он несколько патетически, - вспомнить былое... Все нынче мемуарами увлеклись...

У меня какие же мемуары! Но рассказать как врач, как человек гуманной профессии о страшном прошлом, о том, что

такое фашизм, как изничтожал он личность, мне думается, я сумел бы небезынтересно для нашей молодежи...

Я не поднимал глаз... Опасался, что выдам себя. Лицемерие его меня не сразило, я знал, что это противник из сильных. Я боялся, что выдам свое торжество... Игра пошла. И он пришел меня проверить, проверить, почему я у него оказался на приеме, проверить, конечно, чем я занимаюсь здесь, выяснить, что мы знаем о Шкаликове.

Я ждал этого вопроса с минуты на минуту. Я даже ускорил его,

- Чем мы можем быть вам полезны, доктор? Все, что в моих силах, я готов сделать...

- Времени прошло много, - неторопливо продолжал Раскольцев. - Память инструмент не всегда надежный... Кое-что надо мне перепроверить... Трудно найти теперь тех, с кем пришлось сталкиваться там, в лагерях...

Иные умерли, иных не могу найти...

В знак согласия я кивнул головой.

- Трудновато... Согласен! Война раскидала людей.

И после войны прошло сколько времени... Но, может быть, поищем вместе с вами... Кого вам хотелось бы найти?

- Был у меня там товарищ... Вместе с ним бежали...

Он был организаторм побега... Его находчивости я обязан жизнью! Простой человек, рядовой солдат...

- А вы разве не были рядовым? - спросил я негромко и как бы даже удивившись. Только на секунду я посветил в бездну, которая разверзлась перед Раскольцевым. Вопрос этот может показаться простым только по первому ходу. Я зацепился за его слова "рядовой солдат". Внешне на этом все и заканчивалось. Начинал войну в рядах Красной Армии Раскольцев тоже рядовым..

В карательном легионе он значился по нашим материалам офицером.

Я не спросил "вы были или не были рядовым", вопрос исходил от открытого подтекста, я как бы удивлялся, что он зачисляет себя не в рядовые...

Боюсь, что Раскольцев не уловил столь сложного подтекста, это, конечно, хорошо, что не уловил, это была еще одна проверка его настороженности. Мне было важно теперь использовать этот его визит с наибольшей для себя пользой. Я не обольщался... Если мы вступали в игру и игра принималась, то с Раскольцевым вот этак, с глазу на глаз, мне беседовать придется теперь не скоро. Он ответил:

- Я был тоже рядовым... Но разница между нами была... Я войну начинал студентом, он начинал, мне кажется, не очень-то

грамотным деревенским пареньком...

И оба мы попали в плен... По каким лагерям и где он скитался все годы я не знаю... Мы встретились с ним буквально в последние дни войны... В лагере под Познанью... На польской земле... Шкаликов его фамилия, Сергей Николаевич... И все! Больше я о нем ничего не знаю! В адресном бюро не справишься. Год его рождения мне неизвестен. Место рождения неизвестно...

- И лагерь немецкий, вы говорите, был для него транзитным?

- Привезли его откуда-то...

- Маловато, Алексей Алексеевич! Посудите сами!

Никакой пока зацепки вы мне не дали, чтобы его можно было найти...

- Было нас четверо... Одного я встречал после войны... Он умер... Некто Голубев... На улице его как-то встретил... Он бочком, бочком и в сторону... Но потом я справлялся... Он умер...

- Кто же четвертый? - спросил я.

- И имя и фамилию четвертого запамятовал... А может быть, даже и никогда не знал... В последние дни все в лагерях смешалось...

Не нарочно ли так ограничил круг своих сведении Раскольцев, чтобы выведать, не раскроюсь ли я, развивая его поиски? Все могло быть...

- Маловато, Алексей Алексеевич! - заключил я. - Могу дать вам совет... Вам известен адрес этого... Голубева?

- Был адрес... Когда мы встретились на улице в сорок седьмом году, он мне дал его... Несколько лет спустя я его попробовал найти... Не только дома, но и улицы не оказалось на месте. Старое все снесли, новое построили... Тогда мне в райисполкоме и в милиции помогли...

Сообщили, что Голубев умер... Один умер... Семьи у него не было... Может, кто-то и был близкий, где же теперь найдешь?

Я развел руками, открыл стол и достал из ящика стола трубку.

- Стоп! - воскликнул Раскольцев. - Трубку долой! Нельзя!

- Трудно сразу, доктор!

- Потом будет легче!

- Мало вы мне дали для поисков... Не знаю, что вам и посоветовать!

- Нас, когда пришли части Красной Армии, допрашивали в особом отделе!

Я встрепенулся, изобразил живейший интерес на лице.

- Какое подразделение, часть, дивизия или полк вас освободили? Что-нибудь запомнили?

- Из истории знаю, что Познань освобождала восьмая

гвардейская армия... Запомнил я и дивизию... Допрашивал нас офицер из особого отдела тридцать девятой гвардейской дивизии... Фамилии его не знаю... Не назвался...

Я записал на листке номер армии и дивизии... Фамилию Шкаликова.

- Это уже кое-что, Алексей Алексеевич! Но поручиться вам, что остались протоколы допроса, не могу...

Могли и не остаться... Много тогда людей возвращалось из плена... Еще что-нибудь есть?

- Больше ничего...

Я обещал поискать протоколы допроса, мы расстались.

Зашел Василий.

- Ну и как? - спросил он, не скрывая иронии.

Я вздохнул.

- Ошибки, Василий, надо уметь признавать! Ошибся я! Он и не подумал виниться... Ищет Шкаликова... Для своих воспоминаний...

- Дерзок! - заметил Василий. - Может быть, он еще что-нибудь ищет? Сам он додумался к нам идти или ему посоветовал Сальге?

- Зачем это советовать Сальге?

- Со всех сторон интересно... Если он рассказал Сальге, что у него появился пациент из КГБ, Сальге мог насторожиться... Да еще в тот же день, когда у них был такой разговор... А?

- Предположим, насторожился.

- Нсйхольд увозит с собой посылку, в тот же час к вам является Раскольцев. Проверка! Где вы, что вы делаете? Это первое. Второе! Раскольцев вошел в наш дом и вышел отсюда... Еще одна проверка. Третье... через нас пытаются выяснить, что нам здесь известно о Шкаликове.. Не связали ли мы его имя с Притыковым после железнодорожного происшествия? И это Сальге необходимо знать! И последнее. Не Сальге проверяет, а Раскольцев проверяет, чисто ли сработал Сальге... Для него это вопрос жизни и смерти...

Я должен был признаться, что Василий нащупал в своем анализе зерно истины.

Мы решили помочь им. Правда, это было не просто, из-за Шкаликовой. Не разрушая логики своих действий, Раскольцев должен будет нанести два визита. Визит к Шкаликовой, а потом к Власьеву. Власьева предупредить нетрудно. Он не из пугливых. Не испугается ли Шкаликова?

Узелок с ней вообще был из сложных. Мы не сообщили ей, что ее муж погиб. Переводы продолжали к ней поступать... Это входило в задуманную игру. У нее должно было сложиться убеждение, что милиция ищет ее мужа, но найти не может. Мы в

любой момент могли ожидать к ней неожиданного визита. Теперь нам было ясно, Раскольцев обязательно к ней явится. Если мы ее предупредим, что же последует? Не расставит ли он каким-либо вопросом ловушку? Не выведает ли он, что Шкаликова пошла после визита Сальге в милицию? Может быть, именно для визита к Шкаликовой и сделал свой сложный заход ко мне Раскольцев?

Шкаликова произвела на меня впечатление женщины серьезной и выдержанной. Если ее предупредить, она смогла бы переиграть Раскольцева, она хитра, умна.

Вопрос! А пойдет ли к ней Раскольцев, не получив от нас ее адреса или, но крайней мере, подсказки, где ее искать? Раскольцев - не пойдет! Но все равно кто-то обязательно к ней явится.

Примешивалось ко всем этим вопросам и множество других тонкостей.

Взять хотя бы и такую деталь.

Я уже рассказывал о старшем лейтенанте Колобкове.

А вдруг он тогда на допросе обронил, что протоколы он отправляет в архив на вечное хранение? Стало быть, если мы теперь скажем, что протоколы уничтожены, это может вызвать подозрение у Раскольцева. Это сейчас совсем ни к чему. Не исключено, что Раскольцев каким-то образом мог проверить, что протоколы целы.

Все, словом, сходилось на том, чтобы его допустить к Шкаликовой.

Можно было потянуть с ответом, посмотреть, связывает ли свой отъезд Сальге с окончанием проверки, которую начал Раскольцев.

Однако после раздумий мы решили с этим делом не тянуть...

Я разыграл из себя очень обязательного пациента.

Через два дня я позвонил Раскольцеву и сообщил ему по телефону, что протоколы я видел, что в них побег группы, в которую он входил, выглядит героическим, что жива его жена, а сам Шкаликов лет пятнадцать тому назад умер...

Прошло еще два дня, и Раскольцев появился в подмосковном городке. И не один. Он приехал на своей машине, на автобусе приехал Сальге. Аккуратно подчищал свои следы..

Но и Шкаликова была готова к этому визиту. Дочь она отправила к родственникам в Москву, Раскольцева встретила поначалу настороженно. Очень неохотно, с заметным для него сопротивлением втягивалась в разговор.

Он назвался. Объяснил, что ее муж помог ему бежать из плена. Теперь вот, дескать, решил он о нем вспомнить и написать книгу. Она могла бы о нем рассказать, Он же герой, самый

настоящий герой!

- Какой же он герой! - остановила его Шкаликова. - Всю войну в плену просидел...

- И в плену себя люди по-разному держали! - пояскил Раскольцев. - Он не только о себе думал, но и о других...

Он рассказал, как они убежали, какой это был риск, как убили немецкого автоматчика.

- Рассказывал он мне это... - отвечала Шкаликова. - И вас вспоминал... Говорил, что доктором стали...

Все собирался к вам ехать лечиться... Не собрался... Утонул... А героем не был... Работал по счетной части да дачным сторожем... Жалела я его... Так и не выбился из нужды... Жизнь ему плен поломал... А может быть, и родился неумехой... Я его откуда же знала? Только поженились, а вот и война!

Выдержала испытание. Провела все так, как нам было нужно. Раскольцев распрощался с ней, оставив ей в подарок шерстяной платок.

Пока шел у них в доме Шкаликовой разговор, Сальге дважды прошел мимо дома и сел на автобус. Сошел на остановке на полпути к Москве. Раскольцев ехал на машине. Сальге поднял руку, "проголосовал". Раскольцев посадил его к себе в машину.

Их разговор известен нам с протокольной точностью.

Это была их последняя встреча.

Сальге спросил:

- Есть какие-нибудь признаки, что она знает о его смерти?

- Никаких! - твердо ответил Раскольцев.

- Не знает она о нем... Хорошо! Не испугалась?

- Такую гражданочку не испугаешь! Вам это не понять! Русская баба! С юморком она смотрела на своего супруга... Терпела, и все...

- Пятнадцать лет прошло... Может быть, уже и забыла его?

- В герои его не зачисляет... И забыть, конечно, забыла... Похоже, что и вспоминать ей все это неприятно...

- Каков Дубровин, ваш пациент? Контакты с ним возможны?

- Как видите, возможны... Но я не хотел бы их продолжать. Это люди осторожные, тренированные...

- Пока не продолжайте... Я попытаюсь узнать, что о нем известно... Если он был в Германии в годы войны, то следы его могли остаться... Тогда будет ясно, как с ним себя держать... Больше к нему не напрашивайтесь...

- Надо бы проверить, как прошла версия с Притыковым.

- Ни в коем случае... Это элементарная ошибка. Не счесть, сколько преступлений раскрыто именно на том, когда начинали вот так проверять... Притыков со Шкаликовым не совместились.

Для меня это очевидно... А для вас это главное... Гарантирую вам, доктор, что личность его установить могли только по документам... Все было точно рассчитано... Казанского я проводил... Он трусил...

Но все прошло чисто... Если бы за ним было наблюдение, я заметил бы... И его связной - не мальчик...

Теперь с генералом... - продолжал Сальге. - Не торопитесь! Беседа на веранде просмотрена нашими. Вопросы ваши поставлены слишком прямо... Чем дольше вы не будете задавать вопросов, тем лучше... Всячески его привяжите к себе. Пока на этом этапе укрепление знакомства, запись всех ваших с ним разговоров... События сами что-нибудь подскажут... Вы вошли в разряд очень ценных сотрудников... Сегодня я могу с вами уточнить наши расчета... Что вас устроит? Вся сумма на руки или часть в заграничном банке?

- Все в заграничном банке и в валюте...

- Расходы на организацию дела в русских рублях здесь. Нас интересуют прежде всего средства связи, его службы. Это большая тайна и ее оберегают. Если вы что-то получите из этой области, конечно, не сейчас, а когда выдастся случай...

- Мы можем сейчас определить сумму?

- Я закончу свою мысль... Не я это определяю и сразу никто не определит, что вы добудете... Если информация будет отнесена к первой категории, вы станете, очень богатым человеком.

- Как я смогу выбраться за границу?

- Туристское путешествие... Просьба предоставить политическое убежище...

- Если я почувствую, что они мной заинтересовались, что делать?

- Лучше вам этого не почувствовать... Мой совет - не ждать встречи со следователем! Вы врач... Я думаю, что вы не нуждаетесь в наших средствах...

- Не нуждаюсь...

- Что вас тревожит?

- Художник... Я его едва привел в сознание, так он испугался.

- Это хорошо, что испугался... Пугливый не пойдет на себя доносить... Он предупрежден, что в случае провала мы его на дне морском разыщем... Цепочка выстроена отличная, поверьте, вам ничего не грозит, если только вы сами будете осторожны!

Сальге вышел из машины, не доезжая до Москвы...

Приближались последние часы его пребывания у нас в стране. Василий даже погрустнел.

- Досадно отпускать, - сказал он мне.

В одном из южных портов Сальге поднимался по трапу на

туристский теплоход. Василий стоял на посту в форме пограничника рядом с сотрудником таможни. Он проверил документы у Сальге и не удержался от шутки.

Возвращая документы, он сказал:

- В добрый путь! До скорой встречи!

- Спасибо! - ответил Сальге по-французски и продолжал, коверкая русские слова: - Мне ошень, ошень нравилось в ваше стране...

Теплоход отчалил...

* * *

Сальге уехал, а мы занялись исследованием белых пятен, оставшихся в этой истории.

Прошлое Раскольцева, прошлое Шпаликова...

И еще одно пятнышко.

Я уже упоминал, что Казанский сбывал доллары, полученные у Нейхольда, валютчику.

Кто он?

Поначалу нам казалось, что решить эту загадку будет нетрудно. Но здесь мы встретились с трудностями непреодолимыми.

Очень скоро мы убедились в том, что валютчик этот был человеком Нейхольда.

После первых же сделок с долларами он появился у Казанского как человек случайный.

Казанский обедал в ресторане. К его столику подсел грузный человек восточного типа. Казанский принял его за грузина. Потом сам же отказался от этого предположения. Уточнить, кто же он и откуда, так и не удалось.

Он оказался веселым, общительным собеседником. Разговорились за столом, продолжили разговор в мастерской. Назвался незнакомец Габо. Он восхищался талантом Казанского, тут же купил у него картину. До утра распили не одну бутылочку, уходя, Габо шепнул, что купил бы валюту... Казанский рискнул. Габо отдал деньги, не торгуясь, сказал, что будет позванивать и возьмет, если еще появится... И позванивал.

Дома они больше не встречались. Габо звонил, и они встречались на улице, в подъездах домов. Короткая, как молния, встреча. Сверток передает Габо, сверток передает Казанский. И все... Никогда своего адреса или телефона Габо не оставлял.

Казанский и не пытался их заполучить. Ему казалось, что именно так конспирация надежнее.

У Казанского сложилось впечатление, что Эдвардс и Нейхольд знали о Габо. После встречи Казанского с Эдвардсом за рубежом Габо ни разу не позвонил...

Мы его искали, но поиски ни к чему не привели...

И вот опять всплыла эта фигура.

Мы уже упоминали о Гамузове, таксисте, доставившем Иоахима Пайпера в гостиницу "Украина".

Ни по возрасту, ни по роду своих занятий он не подходил к этой компании. Его появление возле Сальге было для нас неожиданностью. Пришлось встретиться с Гамузовым на другой же день. Встретились в таксопарке, в кабинете инженера. Я предъявил ему удостоверение и предупредил, что разговор будет крайне серьезным. Он пожал плечами, но робости я у него не почувствовал.

Я сразу спросил:

- Кого вы, Юрий Александрович, встретили вчера на аэродроме?

Он попытался увильнуть от прямого ответа.

- Я работал на линии... Ждал пассажиров...

- Почему вы взяли именно того пассажира, который подошел позже других?

- Он мне больше понравился...

- Приплатить пообещал?

- Пообещал! - ухватился Гамузов за эту поставленную ему мной же лазейку.

Я выбросил на стол веером пачку фотографий.

Сальге идет по летному полю к аэровокзалу, он, Гамузов, протискивается сквозь толпу пассажиров в аэровокзал, останавливается у табачного киоска. Подбрасывает ключи, Сальге идет мимо киоска... Сальге садится в машину...

- Что означает этот жест с ключами? - спросил я.

У Гамузова все поплыло перед глазами. Он вытер тыльной стороной ладони пот со лба.

- Это кто же? Кого я встретил?

- Это я хотел у вас узнать.

- Шпион?

- А если шпион? Вы понимаете, Гамузов, чем это вам грозит? В чем вы окажетесь соучастником?

И Гамузов начал рассказывать...

Все оказалось просто до удивления.

Однажды Гамузов довез с вокзала до гостиницы пассажира, но дороге они разговорились. Пассажир, как ему показалось, восточной национальности, предложил Гамузову хороший приработок. Он должен будет обслуживать его во время его приездов в Москву. Телефонный звонок. Надо будет встретить на вокзале, стоять у подъезда гостиницы с включенным счетчиком, выезжать по вызову в любой час дня и ночи. Оплата всего плана

за день, второй план Гамузову. Пассажир назвался Габо.

Гамузов подладился под его вызовы. Освобождал на дни приезда Габо своего помощника от работы. По телефонному звонку подавал машину. Ездили по Москве, по московским магазинам, по московским гостиницам, выезжали иногда за город. Ничего подозрительного в поведении Габо шофер не замечал. Считал его богатым человеком, и только. Сам никогда ему не звонил и не искал. По его заданию он иногда обслуживал и других клиентов.

Расплачивался всегда Габо.

- Каких клиентов?

- Разных... Приходилось развозить шлюшонок, - показывал Гамузов. Всяких гуляк... Несколько раз возил иностранцев...

Так и на этот раз... Он должен был встретить человека, который, сходя с самолета, снимет шляпу и вытрет белым платком пот со лба... После этого надо будет подойти к киоску с сигаретами, ничего не купить, у книжного киоска подбросить ключи и сесть в машину. Приезжий подойдет к машине, протянет листок бумаги с адресом. Его нужно будет доставить в гостиницу, подчиняясь в дороге каждому его требованию.

Гамузов дал нам словесный портрет Габо. У нас имелся портрет Габо, сделанный Казанским. Мы показали его Гамузову. Он признал его.

Незадолго до повторного визита Сальге и Эдвардса в нашу страну мы передали Раскольцеву специально подготовленные сведения. Мы знали, что там всерьез задумаются над этими материалами. Кто-то должен был проверить всю цепь связи, расспросить Раскольцева с глазу на глаз, как ему удалось получить переданный нами материал.

Для этого могли прислать любого агента.

Прислали Сальге и руководителя всей операции Эдвардса.

В чем смысл этой комбинации? В чем смысл повторного засыла Сальге?

Здесь мы могли рассчитывать только на логический домысел. Надо было проиграть всю эту операцию...

Василия я поставил на место своего противника.

Пришла информация от Раскольцева...

Схема средств связи и оповещения населения на случай ракетно-ядерной войны-это стратегическая тайна, она дает возможность решать и стратегические задачи.

Она требует, чтобы межконтинентальные ракеты были наведены на узлы связи. А если это дезинформация? Если эту схему подсунула контрразведка? Что делать?

- Я сам встретился бы с Раскольцевым, - ответил Василий. -

Никому не доверил бы этой встречи...

- Вариант возможный! - согласился я. - Как организовать встречу?

- Выезд Раскольцена за границу в этой ситуации нежелателен. Я выезжаю к Раскольцеву... Покупаю туристскую путевку и еду...

- Вышли бы вы при этих условиях на встречу с Раскольцевым?

- Вышел бы! В ресторане за столиком, на скамейке на сквере или на бульваре, в театре, в креслах рядом...

Даже если бы обнаружил за собой наблюдение...

- Возможностей много... Согласен! Почему же он едет под чужим именем? Один раз он уже был у нас под своим именем.

- Если контрразведка заинтересуется моими путешествиями... Почему она проявила интерес? Потому ли, что ей известна вся операция и она ведет с нами игру, потому ли, что я наношу повторный визит? Я меняю имя. Если тот, первый мой приезд оставил какой-то нежелательный след, если с нами играют, эта смена имен будет замечена... А если не играют? Как это заметить? В этом году нашу страну посетило более двух миллионов туристов... И вдруг все же обнаружили, что я - это не я! Как это можно доказать? Да никак! Сходство... Ни в чем я не замечен, никаких действий не произвожу... Все! Но мне нужен напарник. Этот напарник будет следить, нет ли за мной наблюдения. Даже не один напарник...

Габо, Нейхольд, его приятели и коллеги... Я поехал и проверяю, не встретится ли какое-либо опасное препятствие?

- Почему же напарником вы взяли Сальге?

- Сальге убил Шкаликова... Сальге сплел всю паутину... Предположим, паутина прорвана. Сальге приехал... Сальге я пускаю первым... И не к Раскольцеву, а к Казанскому! Он достаточно опытен, чтобы проверить Казанского и зафиксировать за собой наблюдение...

- С аэродрома? - спросил я.

- С аэродрома он наблюдению не придаст значения... Он сочтет это случайностью... После его встречи с Казанским я, то есть Эдвардс, пойду на встречу с Раскольцевым... Встретились, разошлись... Теперь посмотрим, что со мной и с моим напарником. Если все в порядке, то мы уезжаем...

- Так и уезжаете?

- А почему нет? - спокойно ответил Василий и вдруг запнулся. Я заметил его заминку и сам вдруг ощутил какую-то пока еще наметившуюся слабость в продолжении всей этой игры.

- Почему нет? - повторил я вопрос Василия. - На этом все и кончается? Два раза все сходит с рук... Все сходит с рук. Давайте перечислять.

Приехал в первый раз. Нелегально разгуливает по стране. Восстанавливает агентурную сетку... Убивает Шкаликова... Уезжает... Агентурная сетка работает несколько лет... Раскольцев добывает секретную информацию... Нейхольд все переправляет за границу, работаег и с Габо... Они высылают Гамузова на обслуживание Сальге... Опять свободно разгуливают по стране и уезжают... А что им скажут там?

Василий не отвечал.

- Ну вот вы там, у них в центре... Вы их встретили с докладом, что все благополучно, все на месте, цепочка работает...

- Их для этого и посылали!

Я не сторонник недооценивать противника. Что-то у меня здесь не получалось. Не получалось... Коли их прислали, коли началась проверка, стало быть, есть сомнения. Разрушим ли мы окончательно эти сомнения, выпуская Сольге и Эдвардса? Примут ли тогда их хозяева подготовленные нами сведения за ИСТИНУ?

В любой разведигре, при передаче любых сведений всегда надо иметь в виду, что противник может раскрыть игру. Ошибкой было бы полагать, что мы ввели противника в заблуждение раз и навсегда.

Каков же тогда, спрашивается, был смысл всей игры?

Что мы достигли, выпустив из рук тогда Сальге, не трогая все эти годы Раскольцева?

Первое. Втягивая разведслужбу в игру на Раскольцеве, мы как бы ставили своеобразный громоотвод. Затратив силы и средства на Раскольцева, разведслужба не могла что-то предпринимать серьезное, не получив от него результатов. Все, что могло быть получено этой разведслужбой иными каналами, нам не известными, ставилось под сомнение и проверялось на Раскольцеве.

Даже если бы противник получил бы в эти годы что-то и соответствующее действительности по другим каналам, он не принял бы это за истину...

Второе. Игра искусственно нами затягивалась. Раскольцев получал всю "схему" урывками, маленькими частями, мы этим подогревали азарт его хозяев. Они рвались к конечной цели, на каком-то этапе еще и не ставя под сомнение достоверность данных Раскольцева.

Третье. В итоге мы получили возможность нанести удар по всей цепочке. Арест Раскольцева, Сальге, Эдвардса, Нейхольда и других означал бы для противника не только потерю нескольких агентов. Это было бы прежде всего и политическим провалом разведслужбы, это нанесло бы ей шок, внесло бы путаницу в расстановку и уничтожило бы итог многолетней работы. Все надо

было бы начинать сначала... Но сразу после такого провала на этой же площадке начинать невозможно...

Решено было нанести удар стремительно. Точка удара - Гамузов, через него по Габо, а через Габо - по Сальге и Нейхольду.

Габо позвонил Гамузову и назначил встречу на улице Габо сел а машину, тут же подъехала оперативная милицейская машина. Габо взяли. Обыск на месте дал незамедлительные результаты. У Габо в кармане была обнаружена пачка долларов и фунтов стерлингов. В милиции Габо отказался объяснять, откуда у него валюта.

Его доставили к нашему следователю Игорю Ивановичу Архипову, моему старому другу и сослуживцу. Я договорился с Архиповым, что приду на первый же допрос.

Дирекция таксомоторного парка уволила Гамузова за использование государственной автомашины в целях личной наживы, ОБХСС привлек его к уголовной ответственности.

Мы установили, что на месте встречи Габо и Гамузова находился и Сальге. Он видел всю сцену из подъезда дома... Это нас вполне устраивало. Во-первых, он видел, что Габо взят милицией. Во-вторых, нам было интересно, как он поступит при столь тревожных обстоятельствах.

Он вернулся в номер гостиницы и сказался больным. Вызывал даже врача...

Не трогался к Раскольцеву и Эдвардс. Выезжал только с группами туристов по музеям. Но, однако, я забегаю вперед.

Встреча с Габо...

Это действительно был грузный, восточного типа человек. Его можно было принять и за грузина, и за армянина, и за азербайджанца... Ни паспорта, ни каких-либо других документов при нем не обнаружили. Но он, конечно же, понимал, что ему придется говорить о себе. Но его щекам лились слезы, он и оправдывался, и каялся.

- Что? Что я такого совершил? Почему меня вызвали сюда? Я не враг! Я хороший! Я общественник! Я работаю... Попутали меня с этой чертовней! И не мои это деньги... Я и не знаю, кто их мне всучил... Адрес дали в Тбилиси... Должен передать...

- Кто вручил, где, когда? - спросил сейчас же следователь.

- Мне позвонили в номер... Сказали, чтобы вышел к подъезду. Есть, дескать, посылочка в Тбилиси... Я вышел, мне сунули конверт... На конверте адрес...

- Кто позвонил? Как назвался?

- Никак не назвался... Назвал имя моего друга...

- Имя друга?

- Мой друг умер... Это его семье посылка... Я мог отказать?

Архипов по прямой устремился в глубину не очень-то надежно придуманной легенды.

- Посылка семье вашего друга?

- Семье его...

- Вы их знаете лично?

- Нет! Не знаю... Никогда в семье у него не бывал...

- На конверте указан адрес... Вы когда-нибудь бывали по этому адресу?

- Нет! Не бывал...

Мы уже установили, что адреса, указанного на конверте, не существовало в природе. Легенда была исчерпана...

Архипов приостановил допрос. Надо было дать Габо возможность увериться, что его легенда работает ему во спасение.

Архипов начал допрос по форме.

- Ваше имя, фамилия, год рождения, место рождения, адрес местожительства?

Архипов занес перо над бумагой.

Габо потянулся к боковому карману... Затем махнул рукой.

- Забыл! В гостинице забыл, дорогой! В столике...

Там и паспорт, и записная книжка... Зовут меня Вахтанг. Фамилия Кабанов. Ударение на последней букве... Русская фамилия... Не виноват! Так записали, когда паспорт мальчиком получал... Беспризорным рос, но детским домам! Отца как звали, не знаю... Записали Семена... Мать помню... Умерла - мне лет пять было. Сапоги чистила в Сочи на станции...

- Айсор? - спросил я его.

- Если бы это было так просто, гражданин начальник! Тогда в двадцатых годах и грузинские князья, и русские дворяне сапоги чистили, в лакеях ходили... Получается, дорогой, что по матери я армянин... Доказать трудновато... И кому и зачем доказывать? Отец торговцем был... Догадываюсь, что грек... Опять же не докажешь...

Никто меня об этом не спрашивал... Вот до этой минуты!

В военкомате спрашивали, когда призывался...

- Когда призывались?

- В сорок первом... Родился я в двадцать втором году...

- Воевали, Вахтанг Семенович? - спросил Архипов.

- Воевал... Из-под самого Киева к Ростову отступали... Под Ростовом ранили... Это когда Тимошенко на немцев с севера нажал. Госпиталь... Опять воевал...

- Где?

- на Кавказе... Перечислять?

- Пожалуйста, перечислите! - попросил Архцпов.

- Из Ростова-на-Дону нас погнали на Белую Глину... Есть

такая станция... Слыхали?

Я подошел к карте. Нашел Белую Глину, показал Габо. Он махнул рукой.

- По карте я не обучен... Из Белой Глины мы отошли к Ставрополю. Ушли из Ставрополя, к морю пятились... Десятый стрелковый корпус... Опять госпиталь...

Потом в двенадцатой армии... На Украине все и кончилось... Опять ранен был... Под Запорожьем...

- Что делали после войны?

- Торговал... Овощами торговал, рыбой торговал...

Продавцом.

Я сел за столик почти рядом с Габо. Все, что он рассказывал, было похоже на правду, но такую правду легко было и склеить. Вся операция с Сальге и Эдвардсом во всех ее деталях требовала от нас работы и работы...

Ничего нельзя было принимать на веру, ни одной версии по первому ходу.

Я взял со стола Архипова конверт, заглянул в глаза Габо.

Сейчас он судорожно выбирает, что может подбросить нам, как отвести главный удар, что дать, чтобы не продешевить, что спрятать, как смертельную для себя опасность.

Я положил перед ним конверт и спросил:

- Может быть, вы, Вахтанг Семенович, задумаетесь над своей сказочкой? Мы за правдивость на следствии...

Это всегда облегчает участь, смягчает наказание... Сказочки сочинять все учатся с детства, но и верят им только дети...

Габо пожал плечами.

- Адреса такого не существует... - добавил я.

- Тогда заберите эту валюту... Она мне не нужна!

Она не моя!

- Спасибо! - воскликнул Архипов. - Мы ее и так забрали... Но вы не ответили на главный вопрос следствия... Где вы взяли эту валюту? Для чего она вам?

Человек может управлять собой до известного предела. Он может сохранить на лице в трагическую минуту улыбку, но улыбка эта будет иметь такие оттенки, что превратится в гримасу. Габо попытался сохранить и улыбку, и внешнюю жизнерадостность, и продолжал играть под простачка, но в его темных глазах засветился испуг, он разгорался в ужас. Не может человек похудеть в одну секунду, но Габо сразу осунулся, изменились краски на его лице.

- Это не милиция работала! - крикнул он.

- Вы недооцениваете нашу милицию!

- И не за мной вы охотились...

- Милиция охотилась за Гамузовым... Неужели вы вообразили, что ему разрешат превратить государственную машину в вашу личную машину...

- Государство от этого не пострадало...

- Интересы других граждан страдали... Но наш интерес проистекает из другого... Откуда у вас валюта?

Почему вы так любезно предоставили Гамузова обслужить Иоахима Пайпера?

- Какого Пайпера?

Мы показали ему фотографию Сальге.

- Я его не знаю! Не он мне заказывал машину... Я все расскажу!

Опять ползут слезы из глаз.

- Проклятый! - воскликнул Габо. - Всучил мне беду! Где мне его искать!

Архипов между тем, порывшись в столе, вдруг выкладывает на стол сразу несколько фотографий. Сальге на аэродроме. Нейхольд на аэровокзале. Гамузов во всех видах по дороге к машине. Сальге и Гамузов у машины.

Можно было считать, что первый торг с самим собой Габо закончил. Решился что-то нам приоткрыть. Пока самую малость. Отстраняя от себя Сальге, он отдавал нам Нейхольда. И только. Рыдая, каясь, он признавался в валютных сделках с Нейхольдом. Нейхольд скупал валюту у своих коллег и перепродавал Габо... Один конец.

Другой конец сделки уходил на юг... Посыпались имена и адреса. Возникало новое ответвление в деле, но к нашим вопросам оно отношения не имело. Важно было, что Габо назвал Нейхольда, - мы получили возможность пригласить его к себе как свидетеля через консула его страны.

Показания Габо давали основание к привлечению Нейхольда к уголовной ответственности за валютные сделки.

Отступлении от стандарта в таких случаях ждать не приходилось. Нейхольд начал с бурного возмущения, угроз протестовать, с полного отрицания своих связей с Габо.

Габо опять, как сентиментальный разбойник, рыдая и кляня все на свете, отдавал нам Нейхольда. Он называл места их конспиративных встреч, телефоны Нейхольда, перечислял сделки, называя и суммы сделок, Нейхольд на очной ставке с трудом отбивался от его атак...

А между тем работала наша служба, выясняя точнее личность Габо. Наши товарищи имели его документы, фотографии и отпечатки пальцев. Решили всё отпечатки пальцев. Оказалось, что на Габо... Нет, не на Габо! Как у каждого оборотня, у него было не

одно имя. В карательном батальоне "Бергман", сформированном фашистским командованием на Кавказе, он значился под именем Иоганна Муслима Оглы. Наши войска, выбив захватчиков из Краснодара, захватили архивы одного из штабов этого батальона. В архиве было обнаружено досье взводного командира Иоганна Муслима Оглы. С его фотографией, с отпечатками пальцев и аккуратными записями его деяний. По порыжевшей фотографии офицерика карательного батальона трудно было бы найти человека. Прошло более двух десятков лет. Тогда он был молод, вились у него, свисая на лоб, черные кудри, жестокий взгляд. Фотография порыжела, а оригинал слинял. Он расползся, обрюзг, полысел... В офицерике из досье угадать Габо было бы просто невозможно. Помогла немецкая предусмотрительность: оставили его отпечатки пальцев.

В сорок шестом году на одном из судебных процессов, которые вел Военный трибунал Северо-Кавказского военного округа, всплыло имя Иоганна Муслима Оглы.

Выяснилось, что он изменил Родине, добровольно сдался в плен, вступил добровольно в ряды карательного батальона, дослужился до взводного, принимал участие в ряде карательных экспедиций против партизан и мирных жителей и скрылся. Иоганн Муслим Оглы был приговорен заочно к расстрелу...

На Иоганна Муслима Оглы был объявлен всесоюзный розыск. В розыскное дело пошли его фотографии и отпечатки пальцев.

Волоков вызвал меня из кабинета следователя во время очной ставки Габо, сиречь Иоганна Муслима Оглы, с Нейхольдом. Он показал мне выдержки из дела и заключение экспертов об идентичности отпечаткон пальцев Габо и Иоганна Муслима Оглы.

Тени прошлого, ядовитая пыль войны... Этот лукавый южанин, с сильно развитыми слезоточивыми железами вызывал у нас омерзение и без этих дополнительных "данных". Я забрал папку и вернулся в кабинет следователя. Такого рода отлучка всегда вызывает тревогу у допрашиваемых. Иногда тревога бывает ложной, но на этот раз и Нейхольду и Габо было чем обеспокоиться.

Нейхольд не сдавался. Он отрицал все, о чем говорил Габо. А Габо, отдав Нейхольда только по его валютным сделкам, не расширял своих показаний.

Иоганн Муслим Оглы - Нейхольд - Раскольцев - Сальге - Шкаликов логическая связь!

Я положил папку на стол Архипову и громко сказал:

- Полистайте, Игорь Иванович!

Подошел поближе к Нейхольду. Мы встретились взглядами. Он держался, но уже мерцал у него в глазах страх.

- К чему же вы пришли? - спросил я его. - Решение отмалчиваться? Не слишком ли это раскованно, господин Нейхольд?

Он попытался усмехнуться. Улыбка получилась косой и жалкой.

- Жадность, жадность одолела! - твердил сквозь рыдания Габо.

Я обернулся к Габо.

- А под Киевом, когда вы добровольно сдавались в плен фашистам, что вас одолело?

Габо резко поднял голову и даже руки выставил, как бы заслоняясь от меня.

- Это неправда! Не было! Не было!

Я стоял, наклонившись через стол к Габо.

- Итак, Иоганн... Может быть, вы продолжите? Иоганн - это неполное ваше имя... Тогдашнее ваше имя!

Габо молчал. Крупные капли пота проступили у него на лысине, осыпали бисером лоб.

- Иоганн Муслим Оглы! - докончил я за него.

Габо вдруг тихо пополз со стула на пол. Я испугался, подумал было, что у него плохо с сердцем, что слишком резко, без всякого подхода ошеломил его. Но я ошибся.

Он упал на колени, сложил молитвенно руки и завопил:

- Спасите! Спасите! Я все расскажу! Я все расскажу! Я хочу жить! Я много знаю! Я все знаю!

Я отступил от него. Архипов попытался поднять его, но напрасно, такую тушу не сразу поднимешь. Я налил воды в стакан. Архипов взял у меня стакан из рук.

- Выпейте воды! - предложил Архипов. - Встаньте!

- Не встану! Не тронусь! Жить хочу! Жить хочу!

Давность лет! Закон есть такой... Я все расскажу!

Нейхольд сделал какое-то движение, Габо шарахнулся от него в сторону, легко перебросив свое грузное тело на другой конец кабинета.

- О нем! О нем расскажу! - воскликнул, указывая рукой на Нейхольда. Это дорого стоит! Он не валютчик, он шпион!

Нейхольд опустил руку в карман полуспортивной куртки.

- Держите его! Он будет стрелять! - закричал Габо.

Нейхольд вынул из кармана помятую пачку сигарет.

- Можно курить? - спросил он у Архипова.

Архипов поспешил поднести спичку Нейхольду.

- Спасибо. Но я все же прошу вас избавить меня от этого сумасшедшего... Я понимаю его чувства. Обвинение в спекуляции не приятно, но я ему ничем не могу помочь и вижу его первый

раз...

- Ваш пропуск! - попросил Архипов. - Мы на некоторое время отложим наш разговор...

- Не выпускайте! Не выпускайте его! - закричал Габо. - Это он меня нашел!

Архипов держал ручку в руке, словно бы готовился подписать пропуск, он отложил ручку и с некоторым даже пренебрежением спросил:

- Что за нелепость? Как это он мог вас найти? Где найти?

Начиналась история Габо. Она была выделена в специальное дело.

Нас в этой истории может интересовать только одно положение.

Нейхольд действительно нашел Габо, Габо разыскал...

Раскольцева.

Все уже и уже становилась площадка сопротивления Нейхольда. Наконец Габо назвал и Казанского.

- Все! - воскликнул Нейхольд. - Даю показания!..

Итак, настала минута. Наконец-то произнесено имя Сальге... Нейхольд назвал его Пайпером...

Узелок вязался за узелком. Все пока шло естественным ходом и нигде этот ход не соприкасался с главным, пока еще ни Нейхольд, ни Габо нигде не могли почувствовать, что мы о них знаем давно и значительно больше, чем они рассказывают. Габо догадывался, что Раскольцев оживлен как агент, но он не знал, что добывал Раскольцев для его хозяев. Нейхольд показал, что оживлял Раскольцева как агента Пайпер...

Они торопились распродать все по мелочам, чтобы отгородиться от большего.

Архипов положил перед Нейхольдом и Габо фотографию Сальге. Нейхольд не удержал восклицания:

- О-о! У вас есть даже его фотография?

Габо чуть скосил глаза на фотографию и тут же отвернулся. Но ни от меня, ни от Архипова не ускользнуло, что фотография не оставила его равнодушным, Архипов подвинул фотографию ближе к Габо.

- Взгляните! - сказал он. - Этот человек вам известен?

Габо опять скосил глаза на фотографию. И вдруг Габо с силой ударил кулаком по фотографии.

- Известен! - крикнул он. - Очень даже известен!

- Кто он? - сейчас же задал вопрос Архипов.

- Мой старший брат!

Я тут же отошел к телефону и соединился с Василием.

- Василий Михайлович, могу вас поздравить!

- Слушаю, Никита Алексеевич! - откликнулся он.

- Вы помните сцену у причала? Что вы тогда пожелали своему знакомцу? До скорой встречи? Настало время с ним встретиться!

- Сейчас? Немедленно?

- Со всеми предосторожностями...

...Перед Габо легла фотография Шкаликова.

- Известен, известен! - кричал он. - Вешал, стрелял, доносил... Солдат из моего взвода!

- Имя?

- Там все под чужими именами жили!

Нейхольд встал. Габо замолк, настороженно косясь на Нейхольда.

- Распад личности! - произнес Нейхольд. - Я не хотел бы наблюдать эту...

Но он не закончил фразы. Слова, наверное, подходящего не подобрал.

Архипов не упустил возможности поставить на место этого иронического молодого человека.

- Есть русская поговорка, - сказал он. - С кем поведешься, от того и наберешься! Распад этой личности начался не сегодня, господин Нейхольд.

- Я фаталист, господин следователь! - ответил он. - Профессия такая! Надо быть готовым к любому концу!

- Это хорошая мысль! - отозвался Архипов. - Я прошу вас не забыть ее! Мы еще побеседуем с вами на эту тему....

Отправили в камеру мы и Габо. Условились с Архиповым, что он сразу же, как привезут Раскольцева, предварительно допросит его, предложит сделать признания.

Я хотел встретиться с Сальге.

Сальге был приглашен к нам через консула страны, в которой он значился как Иоахим Пайнер. Все прошло спокойно, даже при всей резкости его характера.

Встретились.

Он немедленно заявил протест на немецком языке.

Я не торопился с ответом, вглядываясь в его лицо.

- Вы владеете немецким языком? - спросил он опять же по-немецки.

- Так же, как и вы русским! - ответил я ему по-русски и предложил сесть для допроса.